

СОВРЕМЕННОИЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

А. С. ПУШКИНА,

ИЗДАННЫЙ ПО СМЕРТИ ЕГО

Кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краев-
скимъ, Кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ.

ТОМЪ ОСЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНВЕРГОВОЙ ТИПОГРАФИИ.

1837.

СОВРЕМЕННИКЪ.

VIII.

Digitized by the Internet Archive
in 2024

СОВРЕМЕННОЕ,

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

А. С. ПУШКИНА,

ИЗДАННЫЙ ПО СМЕРТИ ЕГО

Кн. П. А. Вяземскимъ, В. А. Жуковскимъ, А. А. Краевскимъ, Кн. В. Θ. Одоевскимъ и П. А. Плетневымъ.

ТОМЪ ОСЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФИИ.

1837.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/70 - 1614

СОВРЕМЕННОКЪ.

ЕГШПЕТСКІЯ НОЧИ.

ГЛАВА I.

«Quel est cet homme?» Ha, c'est un
bien grand talent: il fait de sa voix
tout ce qu'il veut. «Il devoit bien,
madame, s'en faire une culotte.»

Чарскій былъ одинъ изъ коренныхъ жителей Пе-
тербурга. Ему не было еще тридцати лѣтъ; онъ не
былъ женатъ; служба не обременяла его. Покойный
дядя его, бывшій вицегубернаторомъ въ хорошее
время, оставилъ ему порядочное имѣніе. Жизнь его

была очень пріятна; но онъ имѣлъ несчастіе писать и печатать стихи. Въ журналахъ звали его поэтомъ, а въ лакейскихъ сочинителемъ.

Не смотри на великія преимущества, конми пользуются стихотворцы (признаться: кромѣ права ставить внимательный падежъ вмѣсто родительнаго, и еще койкакихъ такъ называемыхъ поэтическихъ вольностей, мы никакихъ особенныхъ преимуществъ за Русскими стихотворцами не вѣдаемъ), какъ бы то ни было, не смотря на всевозможныя ихъ преимущества, эти люди подвержены большимъ невыгодамъ и непріятностямъ. Это самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, которымъ онъ заклеится и которое никогда отъ него не отпадетъ. Публика смотритъ на него какъ на свою собственность; по ея мнѣнію онъ рожденъ для ея *пользы и удовольствія*. Возвратится ли онъ изъ деревни, первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чегонибудь новенькаго? Задумается ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ и болезни милаго ему человѣка, тотчасъ пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое восклицаніе: вѣрно чтонибудь сочиняетъ! Влюбится ли онъ: красавица его покупаетъ себѣ альбомъ въ англійскомъ магазинѣ и ждетъ ужъ элегій. Пріѣдетъ ли онъ къ человѣку почти съ нимъ незнакому поговорить о важномъ дѣлѣ: тотъ уже клочетъ своего сына и заставляетъ читать стихи такого то; и мальчишка угощаетъ стихотворца его же изуродованными стихами. А это еще цвѣты ремесла! Како-

вы же должны быть ягоды? Чарскій признавался, что привѣтствія, запросы, альбомы и мальчишки такъ ему надоедали, что поминутно онъ принужденъ былъ удерживаться отъ какойнибудь грубости.

Чарскій употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сгладить съ себя неспособное прозвище. Онъ избѣгалъ общества своей братаи литераторовъ и предпочиталъ имъ свѣтскихъ людей, даже самыхъ простыхъ; но это не помогало ему. Разговоръ его былъ самый пошлый и никогда не касался литературы. Въ своей одеждѣ онъ всегда наблюдалъ самую послѣднюю моду съ робостію и суетвріемъ молодого Москвича, въ первый разъ отроду пріѣхавшаго въ Петербургъ. Въ кабинетъ его, убранномъ какъ дамская спальня, ничто не напоминало писателя: книги не валялись по столамъ и подъ столами; диванъ не былъ обрызганъ чернилами; не было того безпорядка, который обличаетъ присутствіе музы и отсутствіе метлы и щетки. Чарскій былъ въ отчаяніи, если ктонибудь изъ свѣтскихъ его друзей заставлялъ его съ перомъ въ рукахъ. Трудно повѣрить, до какихъ мелочей могъ доходить человѣкъ, одаренный впрочемъ талантомъ и душою. Онъ прикидывался то страстнымъ охотникомъ до лошадей, то отчаяннымъ игрокомъ, то самымъ тонкимъ гастрономомъ, хотя никакъ не могъ различить горской породы отъ арабской, никогда не помнилъ козырей и втайнѣ предпочиталъ печеный картофель всевозможнымъ изобрѣтеніямъ французской кухни. Онъ велъ жизнь самую разсѣланную; торчалъ на всѣхъ

балахъ, объѣдался на всѣхъ дипломатическихъ объѣдахъ, и былъ на всякомъ званомъ вечерѣ также неизбѣжимъ, какъ Рязановское мороженое. Однакожъ онъ былъ поэтъ, и страсть его была неодолима. Когда находила на него такая *дряль* (такъ называлъ онъ вдохновеніе), Чарскій записался въ своемъ кабинетѣ и писалъ съ утра до поздней ночи. Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что только тогда и зналъ истинное счастье. Остальное время онъ гулялъ, чинился и притворялся, и слыша поминутно славный вопросъ: не написали ли вы чего нибудь новенькаго?

Однажды утромъ Чарскій чувствовалъ то благодатное расположеніе духа, когда мечтанія явственно рисуются передъ вами, и вы обрѣтаете живыя, неожиданныя слова для воплощенія ихъ видѣній, когда стихи легко ложатся подъ перо ваше, и звучными рифмы бѣгутъ навстрѣчу стройной мысли. Чарскій погруженъ былъ душою въ сладостное забвеніе . . . и свѣтъ, и мелочи свѣта, и его собственныя причины для него не существовали. Онъ писалъ стихи.

Вдругъ дверь его кабинета скрипнула, и незнакомая голова челоуѣка показалась. Чарскій вздрогнулъ и нахмурился. *Кто тамъ?* спросилъ онъ съ досадою, проклиная въ душѣ своихъ слугъ, никогда не сидѣвшихъ въ передней.

Незнакомецъ вошелъ. Онъ былъ высокаго росту, худощавъ и казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго его лица были выразительны: блѣдный, высокій

лобъ, остриженный черными клоками волосъ, черные сверкающіе глаза, орлиный носъ и густая борода, окружающая впалыя желтосмуглыя щеки, обличали въ немъ иностранца. На немъ былъ черный фракъ, побѣлѣвшій уже по швамъ; панталоны лѣтнія (хотя на дворѣ стояла уже глубокая осень; подъ истертымъ чернымъ галстукомъ на желтоватой манишкѣ блестѣлъ фальшивый алмазь; шершавая шляпа, казалось, видала и ведро и ненастье. Встрѣтись съ этимъ человекомъ въ лѣсу, вы приняли бы его за разбойника; въ обществѣ за политическаго заговорщика; въ передней за шарлатана, торгующаго элексирами и мышьякомъ.

«Что вамъ надобно?» спросилъ его Чарскій на французскомъ языкѣ.

— Signor, отвѣчалъ поитальянски иностранецъ съ низкими поклонами, простите меня великодушно, если

Чарскій не предложилъ ему стула и всталъ самъ; разговоръ продолжался на итальянскомъ языкѣ.

— Я неаполитанской художникъ, говорилъ незнакомый; обстоятельства принудили меня оставить отечество; я пріѣхалъ въ Россію въ надеждѣ на свой талантъ. —

Чарскій подумалъ, что Неаполитанецъ собирается дать нѣсколько концертовъ на віолончелѣ и развозить по домамъ свои билеты. Онъ уже хотѣлъ вручить ему свои двадцать пять рублей и скорѣе отъ него избавиться, но незнакомецъ прибавилъ: надѣюсь,

signor, что вы сдѣлаете дружеское вспоможеніе своему собрату и введете меня въ дома, въ которые сами имѣете доступъ.

Невозможно было нанести тѣмъ же Чарскаго оскорбленія болѣе чувствительнаго. Онъ снѣсено взглянулъ на того, кто назывался его собратомъ. «Позвольте спросить, кто вы такой, и за кого вы меня принимаете?» спросилъ онъ, съ трудомъ удерживая свое негодованіе.

Неаполитанецъ замѣтилъ его досаду.

—Signor, отвѣчалъ онъ заппиаясь, я осмѣлился думать, что... ваше превосходительство не сочтете дерзостію...

«Что вамъ угодно?» повторилъ сухо Чарскій.

—Я много слыхалъ о вашемъ удивительномъ талантѣ; я увѣренъ, что здѣшніе господа ставятъ за честь оказывать всевозможное покровительство такому превосходному поэту, отвѣчалъ Итальянецъ, и потому я осмѣлился къ вамъ явиться...

«Вы ошибаетесь, signor, прервалъ его Чарскій. Званіе поэтовъ у насъ не существуетъ. Наши поэты не пользуются покровительствомъ господъ; наши поэты сами господа, и если наши Меценаты (чортъ ихъ побери!) этаго не знаютъ, тѣмъ хуже для нихъ. У насъ нѣтъ оборванныхъ аббатовъ, которыхъ музыкантъ бралъ бы съ улицы для сочиненія libretto.

У насъ поэты не ходять пѣшкомъ изъ дому въ домъ, выпрашивая себѣ вспоможенія. Впрочемъ вѣроятно вамъ сказали вшутку, будто я великій стихотворецъ. Правда, я когда-то написалъ нѣсколько плохихъ эпиграммъ; но, слава Богу, съ господами стихотворцами ничего общаго не имѣю и имѣть не хочу.»

Бѣдный Итальянецъ смутился. Онъ поглядѣлъ вокругъ себя. Картины, мраморныя статуи, бронзы, дорогія игрушки, разставленныя на готическихъ этажеркахъ, поразили его. Онъ понялъ, что между надменнымъ dandy, стоящимъ передъ нимъ въ парчевой скуфейкѣ, въ золотистомъ китайскомъ халатѣ, опоясанномъ турецкой шалью, и имъ, бѣднымъ кочующимъ артистомъ, въ истертомъ галстухѣ и поношенномъ фракѣ, ничего не было общаго. Онъ проговорилъ нѣсколько невнятныхъ извиненій, поклонился и хотѣлъ выйти. Жалкій видъ его тронулъ Чарскаго, который, вопреки мелочамъ своего характера, имѣлъ сердце доброе и благородное. Онъ устыдился раздражительности своего самолюбія.

«Куда жъ вы, сказали онъ Итальянцу. Пойдите.... Я долженъ былъ отклонить отъ себя незаслуженное титуло и признаться вамъ, что я не поэтъ. Теперь поговоримъ о вашихъ дѣлахъ. Я готовъ вамъ услужить, въ чемъ только будетъ возможно. Вы музыкантъ?»

—Нѣтъ, Eccellenza! отвѣчалъ Итальянецъ: я бѣдный импровизаторъ. —

«Импровизаторъ! вскрикнулъ Чарскій, почувствовавъ всю жестокость своего обхожденія. Зачѣмъ же вы прежде не сказали, что вы импровизаторъ?» и Чарскій сжалъ ему руку съ чувствомъ искренняго раскаянія.

Дружескій видъ его ободрилъ Итальянца. Онъ простоудушно разговаривалъ о своихъ предположеніяхъ. Наружность его не была обманчива. Ему нужны были деньги: онъ надѣялся въ Россіи коскакъ поправить свои домашнія обстоятельства. Чарскій выслушалъ его со вниманіемъ.

«Я надѣюсь, сказалъ онъ бѣдному художнику, что вы будете имѣть успѣхъ: здѣшнее общество никогда еще не слыхало импровизатора. Любопытство будетъ возбуждено; правда, итальянскій языкъ у насъ не въ употребленіи; васъ не поймутъ; но это не бѣда; главное, чтобъ вы были въ модѣ.»

—Но если у васъ никто не понимаетъ итальянскаго языка, сказалъ призадумавшійся импровизаторъ, кто жъ поѣдетъ меня слушать? —

«Поѣдутъ, не опасайтесь, иные изъ любопытства, другіе, чтобъ провести вечеръ какънибудь, третьи, чтобъ показать, что понимаютъ итальянскій языкъ; повторяю, надобно только, чтобъ вы были въ модѣ; а вы ужъ будете въ модѣ — вотъ вамъ моя рука.»

Чарскій ласково разстался съ импровизаторомъ, взялъ себѣ его адресъ, и въ тотъ-же вечеръ поѣхалъ за него хлопотать.

ГЛАВА II.

Я Царь, я рабъ, я червь, я Богъ.
Державинъ.

На другой день Чарскій въ темпомъ и нечистомъ коридорѣ трактира отыскиваетъ 35-й нумеръ. Онъ остановился у двери и постучался. Вчерашній Итальянецъ отворилъ ее. «Побѣда! сказалъ ему Чарскій, ваше дѣло въ шляпѣ. Книжкины * * даетъ вамъ свою залу; вчера на раутѣ я успѣлъ завербовать половину Петербурга; печатайте билеты и объявленіе. Ручаюсь вамъ, если не за триумфъ, по крайней мѣрѣ за барышъ. . . »

—А это главное, вскричалъ Итальянецъ, изъявляя свою радость живыми движеніями, свойственными южной его породѣ. Я знаю, что вы мнѣ поможете. *Согро ді Вассо!* Вы поэтъ, также какъ и я; а, что ни говори, поэты славные ребята! Какъ изъявлю вамъ мою благодарность? Пойдите. . . хотите ли выслушать импровизацію? —

«Импровизацію! . . . развѣ вы можете обойтись и безъ публики, и безъ музыки, и безъ грома рукоплесканій?»

—Пустое, пустое! гдѣ найти мнѣ лучшую публику? Вы поэтъ, вы поймете меня лучше ихъ — и ваше тихое одобреніе дороже мнѣ цѣлой бури рукоплесканій. . . . Садитесь гдѣнибудъ и задайте мнѣ тему. —

Чарскій сѣлъ на чемоданѣ (изъ двухъ стульевъ, находившихся въ тѣсной конуркѣ, одинъ былъ сло-манъ, другой заваленъ бумагами и бѣльемъ). Импро-визаторъ взялъ со стѣны гитару и сталъ передъ Чарскимъ, перебирая струны костлявыми пальцами и ожидая его заказа.

«Вотъ вамъ тема, сказалъ ему Чарскій: *«Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсень; толпа не имѣетъ права упраслять его вдохновеніемъ.»*

Глаза Итальянца засверкали; онъ взялъ нѣсколь-ко акордовъ; гордо поднялъ голову и пылкіе сти-хи—выраженія мгновеннаго чувства—стройно изле-тали изъ устъ его. . . . Вотъ они, вольно переданные однимъ изъ нашихъ пріятелей со словъ, сохранив-шихся въ памяти Чарскаго (*).

Итальянецъ умолкъ. . . . Чарскій молчалъ, изумлен-ный и растроганный.

— Ну что? спросилъ импровизаторъ.

Чарскій схватилъ его руку и сжалъ ее крѣпко.

— Что? спросилъ импровизаторъ, каково? —

(*) Этого перевода не нашлось въ рукописи.

«Удивительно! отвечалъ поэтъ. «Какъ! чужая мысль чуть коснулась вашего слуха, и уже стала вашею собственностію, какъ будто вы съ нею носились, лелѣли, развивали ее безпрестанно. И такъ для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого безнокойства, которое предшествуетъ вдохновенію? Удивительно, удивительно!...»

Импровизаторъ отвѣчалъ: — Всякой талантъ неизъяснимъ. Какимъ образомъ ваятель въ кускѣ каррарскаго мрамора видитъ сокровища Юпитера, и выводитъ его на свѣтъ рѣзцемъ и молотомъ, раздробляя его оболочку? Почему мысль изъ головы поэта выходитъ уже вооруженная четырьмя рифмами, размѣренная стройными однообразными стопами? Неизъяснимо. Никто, кромѣ самаго импровизатора, не можетъ понять эту быстроту впечатлѣній, эту тѣсную связь между собственнымъ вдохновеніемъ и чуждой внешней волей; но и самъ онъ тщетно хотѣлъ бы высказать тайну свою словами. Однако... надобно подумать о моемъ первомъ вечерѣ. Какъ вы предполагаете? Какую цѣну можно будетъ назначить за билетъ, чтобы публикѣ не слишкомъ было тяжело и чтобы я между тѣмъ не остался въ накладѣ? Говорятъ, *la Signora Catalani* брала по 25 рублей? Цѣна хороша....

Непріятно было Чарскому съ высоты поэзии вдругъ упасть подъ лавку конторщика; но онъ очень хорошо понималъ житейскую необходимость, и поступился съ Итальянцемъ въ меркантильные расчеты.

Итальянецъ при семъ случаѣ обнаружилъ такую простодушную любовь къ прибылн, что онъ опротивѣлъ Чарскому, который поспѣшилъ его оставить, чтобы не совѣсть утратить чувство восхищенія, произведенное въ немъ блестящею импровизаціею. Озабоченный Итальянецъ не замѣтилъ этой перемѣны, и проводилъ Чарскаго по коридору и по лѣстницѣ съ глубокими поклонами и увѣреніями въ вѣчной благодарности.

ГЛАВА III.

Цѣна за билетъ 10 рублей; начало въ 7 часовъ.

Афишка.

Зала Княгини * * * отдапа была въ распоряженіе импровизатора; подмостки были сооружены; стулья разставлены въ двенадцать рядовъ; въ назначенный день, съ семи часовъ вечера, зала была освѣщена; у дверей передъ столикомъ, для продажи и приѣма билетовъ, сидѣла старая долгоногая женщина въ сѣрой шляпѣ съ надломленными перьями и съ перстнями на всѣхъ пальцахъ. У подъѣзда стояли жандармы. Публика начала собираться. Чарскій пріѣхалъ изъ первыхъ. Онъ принималъ большое участіе въ успѣхахъ представленія, и хотѣлъ видѣть импровизатора, чтобъ узнать, вѣсь ли онъ доволенъ. Онъ нашелъ Итальянца въ боковой комнатѣ, съ нетерпѣ-

ніемъ посматривающаго на часы. Итальянецъ одѣтъ былъ театрално. Онъ былъ въ черномъ съ ногъ до головы. Кружевной воротникъ его рубашки былъ откинутъ; голая шея своею странной бѣлизною ярко отдѣлялась отъ густой и черной бороды; волосы опущенными клоками осыпали ему лобъ и брови. Все это очень не понравилось Чарскому, которому непріятно было видѣть поэта въ одеждѣ заѣзжаго фигляра. Онъ, послѣ короткаго разговора, возвратился въ залу, которая болѣе и болѣе наполнялась. Вскорѣ всѣ ряды креселъ были заняты блестящими дамами; мужчины стѣсненной рамою стали у подмостковъ, вдоль стѣнъ; за послѣдними стульями музыканты съ своими пульпетрами занимали обѣ стороны подмостковъ. Посреди стояла на столѣ фарфоровая ваза; публика была многочисленна. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали начала; наконецъ въ половинѣ осьмаго музыканты засуетились, приготовили смычки и заиграли увертюру изъ Танкреда. Все устало и примолкло. Послѣдніе звуки увертюры прогремѣли Импровизаторъ, встрѣченный оглушительнымъ плескомъ, поднявшимся со всѣхъ сторонъ, съ низкими поклонами приблизился къ самому краю подмостковъ.

Чарскій съ безпокойствомъ ожидалъ, какое впечатлѣніе произведетъ первая минута; но онъ замѣтилъ, что нарядъ, который показался ему такъ неприличенъ, не произвелъ того-же дѣйствія на публику: самъ Чарскій не нашелъ ничего смѣшнаго въ Итальянцѣ, когда увидѣлъ его на подмосткахъ, съ

блѣднымъ лицемъ, ярко освѣщеннымъ множествомъ лампъ и свѣчъ. Плескъ утихъ; говоръ умолкъ,.... Итальянецъ, изъясняясь на плохомъ французскомъ языкѣ, просилъ господъ посѣтителей назначить нѣсколько темъ; написавъ ихъ на особыхъ бумажкахъ. При этомъ неожиданномъ приглашеніи, все молча поглядѣли другъ на друга, и никто ничего не отвѣчалъ. Итальянецъ, подождавъ немного, повторилъ свою просьбу робкимъ и смиреннымъ голосомъ. Чарскій стоялъ подъ самыми подмостками; имъ овладѣло безпокойство; онъ предчувствовалъ, что дѣло безъ него не обойдется и что онъ принужденъ будетъ написать свою тему. Въ самомъ дѣлѣ нѣсколько дамскихъ головокъ обратилось къ нему и стали вызывать его сперва въ полголоса, потомъ громче и громче. Услыша имя его, импровизаторъ отыскалъ его глазами у своихъ ногъ, и подаль ему карандашъ и клочекъ бумаги съ дружескою улыбкою. Играть роль въ этой комедіи казалось Чарскому очень неприятно, но дѣлать было нечего; онъ взялъ карандашъ и бумагу изъ рукъ Итальянца, написалъ нѣсколько словъ; Итальянецъ, взявъ со стола вазу, сошелъ съ подмостковъ, поднесъ ее Чарскому, который бросилъ въ нее свою тему. Его примѣръ подѣйствовалъ; два журналиста, въ качествѣ литераторовъ, почли обязанностію написать каждый по темѣ; секретарь Неаполитанскаго посольства, и молодой человѣкъ, недавно возвратившійся изъ путешествія, брѣдя о Флоренціи, положили въ урну свои свернутыя бумажки. Наконецъ одна некрасивая дѣвица, по приказанію своей матери, со сле-

зани на глазахъ написала нѣсколько строкъ итальянски, и покрасѣвъ по урни, отдала ихъ импровизатору, между тѣмъ, какъ дамы смотрѣли на нее молча, съ едва замѣтною усмѣлкой. Возвратясь на свои подмостки, импровизаторъ поставилъ урну на столъ, и сталъ вынимать бумажки одну за другою, читая каждую вслухъ.

Семейство Ченчи (*La famiglia del Cenci. L'ultimo giorno di Pompeia. Cleopatra e i suoi amanti. La primavera veduta d'una prigione. Il trionfo di Tasso.*

«Что прикажетъ почтенная публика?» спросилъ смиренный Итальянецъ, назначить ли мнѣ сама одинъ изъ предложенныхъ предметовъ, или предоставить рѣшить это жребію?...

Жребій! сказалъ одинъ голосъ изъ толпы; жребій, жребій! повторила публика.

Импровизаторъ сошелъ опять съ подмостковъ, держа въ рукахъ урну, и спросилъ, кому угодно будетъ вынуть тему. Импровизаторъ обвелъ умоляющимъ взоромъ первые ряды стульевъ. Ни одна изъ блестящихъ дамъ, тутъ сидѣвшихъ, не тронулась. Импровизаторъ, не привыкшій къ сѣверному равнодушію, казалось, страдалъ.... Вдругъ замѣнилъ онъ въ сторонѣ подымающуюся ручку въ бѣлой давленой перчаткѣ: онъ съ живостію оборотился и подошелъ къ молодой величавой красавицѣ, сидѣвшей на краю втораго ряда. Она встала безо всякаго

смущенія и со всевозможною простотою опустила въ урну аристократическую ручку, и вынула свертокъ. Извольте развернуть и прочитайте, сказала ей импровизаторъ. Красавица развернула бумажку и прочла вслухъ: *Cleopatra e i suoi amanti*. Эти слова произнесены были тихимъ голосомъ, но въ залѣ царствовала такая тишина, что все ихъ слышали. Импровизаторъ низко поклонился прекрасной дамѣ съ видомъ глубокой благодарности, и возвратился на свои подмостки. «Господа, сказалъ онъ обратясь къ публикѣ, жребій назначилъ мнѣ предметомъ импровизаціи Клеопатру и ея любовниковъ. Покорно прошу особу, избравшую эту тему, пояснить мнѣ свою мысль: о какихъ любовникахъ здѣсь идетъ рѣчь, *perche la grande regina havéva molto...*»

При сихъ словахъ многіе мужчины громко засмѣялись. Импровизаторъ немного смутился «Я желалъ бы знать, продолжалъ онъ, на какую историческую черту намекала особа, избравшая эту тему.... Я буду весьма благодаренъ, если угодно ей будетъ изъясниться.»

Никто не торопился отвѣчать. Нѣсколько дамъ оборотили взоры на некрасивую дѣвушку, написавшую тему по приказанію своей матери. Бѣдная дѣвушка замѣтила это неблагоклонное вниманіе, и такъ смутилась, что слезы повисли на ея рѣсницахъ... Чарскій не могъ этого вынести, и обратясь къ импровизатору, сказалъ ему на итальянскомъ языкѣ: тема предложена мною. Я имѣю въ

виду показаніе Аврелія Виктора, который пишетъ, будто бы Клеопатра назначила смерть цѣною своей любви, и что напались обожатели, которыхъ такое условіе не испугало и не отвергло.... Миѣ кажется, однако, что предметъ немного затруднителенъ.... Не выберете ли вы другаго?...

Но уже импровизаторъ чувствовалъ приближеніе бога.... онъ далъ знакъ музыкантамъ играть. Лице его страшно поблѣднѣло; онъ затрещалъ какъ въ лихорадкѣ; глаза его засверкали чуднымъ огнемъ; онъ приподнялъ рукою черныя свои волосы, отеръ платкомъ высокое чело, покрытое каплями пота... и вдругъ шагнулъ впередъ, сложилъ крестомъ руки на грудь.... музыканты умолкли.... импровизація началась.

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ;
Сердца неслись къ ея престолу;
Но вдругъ надъ чашей золотой
Она задумалась, и долу
Поникла дивною главой. . .

И пышный пиръ какъ будто дремлетъ;
Безмолвны гости; хоръ молчитъ.
Но вновь она чело подымлетъ

И съ видомъ яснымъ говоритъ:
Въ моей любви для васъ блаженство;
Блаженство можно вамъ купить . . .
Внемлите мнѣ: могу равенство
Межъ нами я восстановить.
Кто къ торгу страстному приступитъ?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто межъ вами купитъ
Цѣною жизни ночь мою?

Рекла — и ужасъ всѣхъ объемлетъ,
И страстью дрогнули сердца — —
Она смущенный ропотъ внемлетъ
Съ холодной дерзостью лица,
И взоръ презрительный обводитъ
Кругомъ поклонниковъ своихъ . . .
Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
Вослѣдъ за нимъ и два другихъ:
Смѣла ихъ поступь; ясны очи;
Она навстрѣчу имъ встаетъ.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти ихъ зоветъ.

Благословенные жрецами,
Теперь изъ урны роковой
Предъ неподвижными гостями
Выходятъ жребіи чредой:

И первый — Флавій, воинъ смѣлый,
Въ дружинахъ Римскихъ постоѣлый;
Сиссти не могъ онъ отъ жены
Высокомѣрнаго презрѣнья;
Онъ принялъ вызовъ наслажденья,
Какъ принималъ во дни войны
Онъ вызовъ яраго сраженья.
За нимъ Критонъ, молодой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура,
Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
Харитъ, Киприды и Амура.
Любезный сердцу и очамъ,
Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
Послѣдній имени вѣкамъ
Не передалъ. Его ланиты
Пухъ первый нѣжно отънялъ;
Восторгъ въ очахъ его сіялъ;
Страстей неопытная сила
Кипѣла въ сердцѣ молодомъ
И съ умиленіемъ на немъ
Царица взоръ остановила.

Клянусь. . . . о, мать наслажденій,
Тебѣ неслыханно служу:
На ложе страстныхъ искушеній
Простой наемницей схожу.

Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари
И боги грознаго анда,
Клянусь, до утренней зари
Моихъ властителей желанья
Я сладострастно утолю,
И всѣми тайнами лобзанья
И дивной пѣгой утомлю.
Но только утренней порфирой
Аврора вѣчная блеснетъ,
Клянусь, подъ смертною сѣкирой
Глава счастливцевъ отпадетъ.

И вотъ уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
Александрійскіе чертоги
Покрываетъ сладостная тѣнь;
Фонтаны бьютъ, горятъ лампы,
Курится легкій фимиамъ:
И сладострастные прохлады
Земнымъ готовятся богамъ:
Въ роскошномъ золотѣ покое,
Средь обольстительныхъ чудесъ,
Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсъ
Блится ложе золотое.

А. Цышкннз

ВОСТОЧНАЯ ЖИЗНЬ.

Босфоръ, Босфоръ, кто тебя не описывалъ! Кому твои красоты и достопамятности не внушали хоть наминуту витійскаго жара: отъ сухаго Гаммера до стихотворца Ламартина и журналиста Блэка, начинающаго посвященную тебѣ газетную статью восклицаніемъ: «о величавый узникъ Азіи и Европы!» Эта кудрявая метафора въ просторѣчій значить: «Босфоръ есть проливъ, текущій между азіатскимъ и европейскимъ берегомъ,» что и безъ насъ извѣстно всякому.

Есть на землѣ мѣста, обреченныя служить всегдашнюю мѣтою для нашествій. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ, люди толпились къ нимъ цѣлыми народами; каждый воевалъ за ихъ обладаніе; лились потоки крови. Едва уговорились народы; являются на сцену путешественники и писатели: льются рѣки чернилъ, и мысли потомковъ, какъ птицы около развалинъ, жадно слетаются къ пепелищу, за которое встарину спорили предки.

Такія мѣста: Римъ, Константинополь. Съ того времени, какъ изобрѣли печатный станокъ, на нихъ истрачено гораздо больше денегъ бумаги, нежели въ древніе вѣка погнѣло подъ ними варваровъ. Для чего нельзя собрать въ одно всѣ экземпляры книгъ, всѣ тысячи неизданныхъ писемъ къ роднымъ и пріятелямъ, гдѣ содержатся о нихъ описанія и восторги? Эта масса далеко превзошла бы книгохранилище Птоломеевъ, и Арабскій воевода Амру имѣлъ бы удовольствіе топить ею александрійскія бани не полгода, а нѣсколько лѣтъ сряду.

Можетъ быть, потому и писано такъ мало дѣльнаго о Константинополѣ, что онъ слишкомъ очарователенъ. Всякой, увлекаясь первыми впечатлѣніями, воображаетъ, что никто прежде не испытывалъ ихъ такъ сильно, и спѣшитъ вылить ихъ на бумагу, не давъ мыслямъ созрѣть и отстояться. Волшебство классическихъ именъ, освященныхъ рядомъ достопамятныхъ событій, довершаетъ ослѣпленіе. Всего удивительнѣе то, что, не смотря на неотъемлемую красоту предметовъ, почти никто не хочетъ изображать ихъ самородными, естественными красками. Подъ смѣлымъ перомъ автора наемная кляча неминуемо превращается въ борзого коня—женщины, покрытыя румянами и бѣлками, въ пѣвнителей волшебницъ—ветхая бесѣдка въ очаровательныя палаты, достойныя тысячи одной ночи—десятокъ кипарисовъ, разбросанныхъ наудачу и даже не защищающихъ отъ солнца, въ райскіе сады—свинцовыя кровли въ золотыя. Тму

подобныхъ невѣрностей можно подтвердить ссылками на томы и страницы въ описаніяхъ Мюно, Ламартина и почти всѣхъ странствующихъ туристовъ, не исключая даже нашихъ почтенныхъ соотечественниковъ, пишущихъ очерки и путешествія ко св. мѣстамъ. Пускай они извинятъ меня: преувеличеніе — неизлѣчимая слабость чловѣка, особливо разскащика. Между прочимъ о кровляхъ не худо замѣтить, что если кто любитъ на нихъ золото, пускай не трудится ѣхать въ Турцію; ему гораздо вѣрнѣе пристать по сосѣдству московскаго кремля: на тамошнихъ соборахъ позолоты болѣе, нежели на всѣхъ цареградскихъ мечетяхъ, минаретахъ и кіоскахъ, сложенныхъ вмѣстѣ.

Прошло, невозвратно прошло то время, когда Стамбуль могъ дивить Европейца блескомъ баснословной пышности. Восточная нѣга уцѣлѣла едва ли не въ одномъ воспоминаніи и въ лѣнливомъ образѣ жизни мусульманъ. Рѣдко хвалевый левантскій кофе благоухаетъ въ гостинной самихъ вельможъ: онъ слишкомъ дорогъ, и они довольствуются посредственнымъ американскимъ, наряду съ пріѣзжими ремесленниками Питера. Богатые ковры Персіи и Кашмира перестаютъ украшать палаты главнѣйшихъ сановниковъ: англійскіе дешевѣе и потому употребительнѣй. Гдѣ гордые жеребцы Аравіи, гдѣ многоцѣнное дамасское оружіе, гдѣ шелковыя одежды, которыми стамбульскій нѣздникъ красовался при метаніи джирида? Кони перевелись; оружіе безцѣнокъ распродаютъ Франкамъ, собирате-

лямъ рѣдкостей; шали и шелкъ многимъ запрещено носить: ихъ замѣняютъ уродливый красный колпакъ, надѣтый по уши, да неловкій сюртукъ изъ европейскаго сукна. Исчезла та задменная таинственность, которою мусульманская жизнь недавно окружала себя, какъ очарованною чертою, за которую европейское любопытство могло проникать не иначе какъ съ трепетомъ. Гаремы, уже доступные для иноземныхъ путешественницъ, мало отвѣчали ихъ ожиданіямъ. Христіанинъ въ круглой шляпѣ, мѣшаясь съ толпами чамоносцевъ, свободно идетъ смотреть торжественный поѣздъ халифа правотверныхъ къ праздничной молитвѣ, и лукаво замѣчаетъ, что на вселкомъ церковномъ парадѣ въ Петербургѣ едва ли не болѣе пышности. Почти не видно даже того звѣрства и фанатизма, о которыхъ путешественникъ, воротясь изъ Турціи, бывало, имѣлъ случай наговорить дома столько рассказней. Фанатизмъ задремалъ, и можно круглый годъ шататься по площадямъ и закоулкамъ царградскимъ, не наткнувшись ни на одного повѣшеннаго жида, ни на одного булочника, прибитаго ухомъ къ двери своей пекарни.

Все это прошло; но ты доселѣ любопытенъ, Босфоръ византійскій! Ты доселѣ красивъ; и хотя утратилъ много прежней оригинальности, но живешь еще богатою, разнообразною живостью.

Весело стоять на высокомъ берегу твоемъ накумъ Байрама, когда торги кипятъ народомъ; па-

дишахъ въ многовесельной ладѣ плыветъ въ древній Сарай заколотъ агнца для жертвоприношенія; приветный громъ пушекъ, раздавался между цареградскими холмами, какъ бы напоминаетъ, что здѣсь недавно жила сила, страшная сосѣдамъ.

Весело въ осеннюю пору, когда южный вѣтеръ разгонитъ утренній туманъ, смотрѣть, какъ суда цѣлыми стаями мчатся въ Новоруссію; сотни рыбачьихъ челноковъ скользятъ по широкой поверхности Босфора; стада жадныхъ дельфиновъ колесами кружатся и высоко скачутъ въ быстринахъ; безчисленныя птицы съ крикомъ рѣютъ подь водою: птицы, дельфины, рыбаки—въ тройственномъ заговорѣ противъ мелкой рыбы; она въ это время спѣшитъ изъ Чернаго моря къ югу въ Средиземное.

Весело сидѣть въ Перѣ на высокой домовой террасѣ, по захожденіи солнца, когда луна осеребрила свинцовые куполы мечетей и острые иглы башень; море едва плещетъ; музѣины выходятъ на высоту минаретовъ, и заткнувъ руками уши, провозглашаютъ на всѣ четыре стороны, что Богъ единъ, а правовѣрнымъ пора спѣшить къ молитвѣ.

Сильныя чувства пробуждаетъ въ Москвѣ звонъ Ивана-великаго, когда башня заговоритъ вдругъ всеми языками колоколовъ своихъ, а въ соборѣ клиръ дружно поетъ побѣдный молебенъ Всевышнему. Даже не будучи католикомъ, трудно сидѣть равнодушно въ сумрачной готической церкви, когда громъ

кій органъ наполняетъ высоту ея сводовъ своими звуками. Но одинокое воззваніе музанта, раздающееся на свободѣ подъ ленивымъ южнымъ небомъ, величаво простотой своей: такъ молились, можетъ быть, первые люди; ихъ церковью быть сводъ небесный, а гуслями и тимпаномъ безъискусственный человѣческій голосъ.

Изъ всѣхъ ужасовъ, какими встарину славился Константинополь, одна только чума сохранила доселѣ занимательность. Увѣряють, будто прошлаго года, въ теченіе пяти съ половиною мѣсяцевъ, на 600 тысячъ душъ народонаселенія погибло сто 30 т., а другія 30 тысячъ разбѣжались отъ страха. Въ томъ числѣ умерло и нѣсколько десятковъ Европейцевъ. Они впрочемъ довольно рѣдко гибнутъ отъ заразы. Она ихъ зачумляетъ умственно и нравственно: умственно потому, что едва ли найдется много охотниковъ усердно хлопотать и дѣйствовать, когда лоскутъ сукна или листъ бумаги, неудачно тронутый, служить подъ-часъ подорожною въ вѣчность; нравственно—ибо осторожность велитъ какъ можно рѣже протягивать руку ближнему, когда простое рукожатіе бываетъ смертоносно. Я зналъ въ Перѣ двухъ нѣжныхъ сестеръ: жива на двухъ концахъ весьма недлинной улицы, онѣ въ чумное время не видали другъ друга два мѣсяца сряду; за то каждое утро справлялись у прохожихъ о взаимномъ благополучіи. Жена, давно не видавъ мужа, не спѣшигъ къ нему въ объятія, но остается на почтительномъ разстояніи, пока онъ не совершитъ завет-

ной окурки и умовенія „укусомъ: кто знаетъ, не захватить ли онъ дорогою чумы?

Такія обстоятельства и обычаи, разумѣется, не прибавляютъ ни сколько любезности европейскому населенію Царяграда. Оно слыветъ скучнымъ и мало любить общеніе. Къ нему примѣнить можно слова Байрона, что на востокъ все божественно, кромѣ души обитателей.

За этимъ и другими исключеніями, жизнь въ Константинополѣ не лишена пріятности. Природа, климатъ, чума и примѣръ Турковъ располагають къ кефу, умѣренной лѣни, и вѣрь въ фатализмъ. Отъ всего этого рождается чудная, глубокая тишина души, кладъ для Европейца, рѣдко съ нею знакомаго. Царсградскую жизнь кто-то сравнилъ съ дѣйствіемъ опиума: онъ сначала вовсе не вкусенъ; но, привыкну къ нему, куда какъ сладко забываться въ райской дремотѣ!

Изъ пяти чувствъ чловѣка, самое спокойное и непорочное есть зрѣніе. А для зрѣнія богатъ, неисчерпаемъ Константинополь. Здѣсь вы не найдете альпійскихъ ландшафтовъ, поражающихъ дикимъ величіемъ. Но природа какъ нарочно расположила берега, острова и пригорки такимъ образомъ, чтобы имъ было удобно глядѣться между собою, и съ cadaго изъ нихъ обнимать красивую, разнообразную окрестность. Константинополь и Босфоръ похожи на цвѣтущій оазисъ въ нутынь. Около

пролива скопились и сады съ мраморными фонтанами, и деревни съ разноцвѣтными, сквозными домами въ своеобразномъ вкусѣ, и холмы, увѣнчанные легкими башнями и куполами. Отъ его береговъ тянутся внутрь глубокія долины; тамъ зрѣетъ плодоносная растительность, защищенная пригорками отъ сѣвернаго вѣтра. Но поднимитесь выше—вокругъ васъ пустынное море и безлюдныя, безлѣсныя и безводныя горы. Особенно скудна сторона европейская. Она напоминаетъ объ окрестностяхъ Рима: подобно имъ, бесплодна, холмиста, изрыта долинами и буераками; подобно имъ, украшена коегдѣ развалинами старинныхъ крѣпостей и рядами водопроводовъ, уцѣлѣвшихъ въ одиночествѣ послѣ упадка Римской власти.

Кромѣ общихъ обѣимъ столицамъ воспоминаній, между Римомъ и Константинополемъ доселѣ сохраняется во многихъ чертахъ какое-то семейное, характерное сходство. Тотъ и другой сами по себѣ скудны водою, и труды цѣлыхъ поколѣній искусственно подвели ее издалека по горамъ и долинамъ. Тотъ и другой были престолами обширнаго, древняго владычества; въ обоихъ оно сокрушилось и уступило новой власти; она въ свой чередъ ослабла подъ роковымъ вліаніемъ позднѣйшихъ событій но сберегаетъ на словахъ громкія почести и титулы минувшихъ завоеваній. Оба города почитаются донынѣ духовными столицами—одинъ для міра католическаго, другой для мусульманскаго. Въ Римѣ, точно также какъ и въ Константинополѣ, дворъ слу-

жить иностранцу только предметом любопытства, но существует какъ бы порознь отъ остальнаго общества, и въ силу самихъ законовъ бытія своего не можетъ ободрять, но только терпѣть и дозволять свѣтекія увеселенія, сдѣлавшіяся необходимымъ условіемъ западнаго образа жизни. Тамъ, точно какъ и здѣсь, иностранцы и дипломатическое сословіе живутъ почти отдѣльно промежду себя, рѣдко посѣщая негостепріимныхъ туземцевъ, но въ замѣнь того пользуются преимуществами, неизвѣстными въ остальной Европѣ. Женщины, которымъ обычай повсюду опредѣляетъ у насъ первое мѣсто, въ Римѣ и Константинополѣ довольствуются до сихъ поръ второстепенною ролью: имъ только украдкою позволено присутствовать на торжествахъ государственныхъ и духовныхъ. Султанъ недавно лишь рѣшился допускать въ свое присутствіе европейскихъ женщинъ, и то какъ бы ненарокомъ, въ видѣ исключенія. Папа вовсе ихъ принимать не можетъ: и когда онъ служитъ, или хотя присутствуетъ на литургіи, женщины сидятъ поодаль за рѣшеткою; однимъ мужчинамъ открыть доступъ во святилище.

Таковы сходныя черты старшаго и младшаго Рима.

Но младшій Римъ, утративъ много прежняго блеска, плѣняетъ до сихъ поръ наблюдателя, какъ любопытный образецъ восточной жизни, перенесенный на чужую себя почву Европы; просвѣщеніе и обычай запада поминутно распространяются на него неодолимое вліяніе, но многіе слѣды минувшаго со-

храняють еще прежнюю свѣжесть, и едва ли скоро сотрутся. Одинъ остроумный нутешественикъ удачно сравнилъ востокъ съ древнею рукописью: буквы ея отъ ветхости потерялись, но трудолюбивый изыскатель доселѣ разбираетъ въ нихъ таинственныя преданія библейской, патриархальной жизни. Можно бы дополнить сравненіе прибавивъ, что эта рукопись — *палимпсестъ*, и многія мѣста ея стерты не древностью, а западнымъ вліяніемъ, стерты нарочно для того, чтобы вмѣсто древняго, классическаго текста, написать плохой новѣйшій. Съ такимъ палимпсестомъ особливо сходна Турція, ближайшее къ Европѣ поселеніе востока. Ее одолеваетъ подражаніе западу, но оно еще не успѣло истребить первобытныя стили, и потому изображается въ неполныхъ, не всегда удачныхъ нововведеніяхъ.

Въ послѣдніе годы возникло въ Европѣ нѣсколько отъявленныхъ поборниковъ восточнаго быта и устройства. Для мыслящаго любопытно особливо то, что самыя примѣчательныя книги въ этомъ духѣ явились во Франціи и въ Англіи. Не потому ли, что именно въ этихъ краяхъ развитіе западнаго просвѣщенія и образа жизни начало доходить до карикатурности? Тамъ безпристрастные умы чувствуютъ и невольно сознаются въ несовершенствѣ тѣхъ самыхъ улучшеній, гдѣ, съ послѣдней половины минувшаго вѣка, думали найти вѣрнѣйшее средство ко благоденствію народовъ. Хвалѣныя представительныя учрежденія на опытѣ оказываются узкими, неполными; мнимая воля большинства — суцая

ложь, химера. Охога чигаты распространились повсеместно; но словесность мало производит дельнаго: издается недозрѣлыя книги, работають педантъ, работничаютъ политикѣ. Запасъ отдѣльныхъ свѣдѣній обогащается несмыслно; между тѣмъ основныя истины ношатиулись; старому перестая вѣрить, новое не открыто или не доказано. Промышленность шагаетъ, совершенствуется, безпрерывно открываетъ новые способы дешево добывать вещественное добро. А сословіе бѣдныхъ чаетъ отъ часу недовольнѣе; оно увѣрлетъ, будто успѣхи торговли, изобрѣтенія мануфактуръ окончательно клонятея въ пользу немногихъ капиталистовъ, отдають немущаго на жертву ихъ произвола, увеличиваютъ неравенство.

Куда дѣваться въ такомъ хаосѣ?

Когда человѣкъ долго плавать и боится утонуть, онъ хватается за первую доску и думаетъ спастись на ней. Такимъ же образомъ умъ, въ виду неожиданнаго затрудненія, рѣдко ищетъ помощи внутри себя; онъ кличетъ пособіе со стороны, прицѣпляется къ побочнымъ предметамъ. Оно, на первый взглядъ, легче и простѣе. Недовольные западнымъ бытомъ, англійскіе туркофилы и французскіе сенсимонисты начали указывать на востокъ: «мы были на востокѣ; туда обратитесь; тамъ истинное спокойствіе, тамъ добрыя нравы, тамъ простыя, отеческія учрежденія!» Такое воззваніе, съ умысломъ легче приспособить его къ господствующему вкусу публики, подслащено ласкательствомъ народному тщеславію;

писатели вдалекъ указываютъ повылъ удобности сближаться съ востокомъ, упрочить политическое и торговое на него вліяніе, или другими словами — ускорить истребленіе того, что сами превозносятъ.

Французскія книги, о которыхъ мы говорили, примѣчательны: ибо занимаются болѣе правами востока, тогда какъ Англичане славятъ и ставятъ въ образецъ восточныя учрежденія.

Разборъ учреждений завлѣскъ бы далеко и не входить въ наши предѣлы. Ограничимся восточными правами. Не знаю, лучше ли они нашихъ; но они другіе, и доселѣ принадлежать многимъ миллионамъ людей. Этому довольно, дабы заслужить имъ безпристрастное вниманіе наблюдателя.

Однако же нельзя не упомянуть мимоходомъ о двухъ примѣчательныхъ чертахъ восточнаго государственнаго устройства; ими оно рѣзко отличается отъ западно-европейскаго; притомъ онѣ сохранились отъ глубокой древности, и не сказавъ о нихъ, трудно составить ясный очеркъ восточныхъ правотъ. Не забудьте, мы наблюдаемъ ихъ особливо въ Турціи; здѣсь, какъ выше замѣчено, основныя черты азіатскихъ учреждений стали измѣняться уже отъ самаго времени водворенія мусульманъ въ Европу. Слѣдственно насъ должны вести столько же мѣстныя наблюденія, сколько аналогія съ извѣстіями о другихъ восточныхъ странахъ, и даже съ древними преданіями.

Ничто лучше не доказываетъ природнаго различія между видами ума, какъ сравнительное наблюденіе надъ европейцемъ и восточнымъ, когда они судятъ. Тутъ легко видѣть на опытъ, какъ два ума могутъ быть въ одно и тоже время сильны и слабы, каждый по своей отдѣльной части. Стихія европейца — анализъ, мусульманина — созерцаніе. Хлопотунъ европейецъ дробитъ свое сужденіе, отдѣляетъ посылки, мѣритъ заключеніе. Для восточнаго докучины такіа загѣи; умъ его лѣнивъ, но вѣренъ. Пускай спросятъ, хорошо ли это или дурно? Онъ дастъ отвѣтъ иногда вѣрнѣе нашего. А почему? не добивайтесь: онъ самъ того не знаетъ, и не его дѣло. Кто былъ въ частомъ сношеніи съ мусульманами, дивится здравому ихъ смыслу въ самыхъ важныхъ вопросахъ; но заведите ихъ въ тонкости діалектики — они туны и молчатъ, или несутъ окоlescную. Здѣсь они въ своей стихіи. Не отъ того ли Турки, въ продолженіе снѣшкѣмъ двухъ вѣковъ, любилн поручать политическіе переговоры Грекамъ. Главная сила мусульманъ — правосудіе; оно предписано кораномъ; у нихъ первый сановникъ государства, верховный визирь, изстари былъ вмѣстѣ и главнымъ судьей. Вопросы о правѣ, о добрѣ и злѣ, рѣдко бываютъ сложны; для ихъ разрѣшенія потребны лсный умъ и здравая душа. Судья не полицмейстеръ; роль его страдательна; онъ не гонится за преступникомъ, но по доносу или жалобѣ зоветъ его къ судилищу и рѣшить: да или нѣтъ; правъ или виновенъ, взыскать или уволить. Что называютъ въ Европѣ собственно управленіемъ, *администраціею* — никогда

не существовало на востокъ иначе, какъ въ самомъ простомъ видѣ, безо всякихъ положительныхъ правъ. Обычай былъ закономъ; каждый жилъ какъ хотѣлъ, а власть вступалась только въ спорныхъ случаяхъ. Такой родъ управленія донинѣ существуетъ въ Черной Горѣ и на Ливанѣ; онъ — идеальное блаженство, но лишь тамъ, гдѣ правы сохранили пастушескую простоту и неспорочность; при такихъ условіяхъ недостатки его нечезаютъ. Въ обыкновенномъ людскомъ быту неминуемые его плоды — повсемѣстный безнорядокъ, лихоимство и насилие. Примѣнить его къ нынѣшней Европѣ была бы бѣда и даже невозможность. Въ Турціи повсюду еще слѣды такого управленія; оно перешло изъ Азіи съ мусульманами.

Скажемъ о другой коренной чертѣ, которою восточное устройство разнится отъ нашего, и живо напоминаетъ вѣка первобытные. Въ Европѣ, со времени введенія непремѣнныхъ войскъ, все разорчено для военной защиты: одна часть общества постоянно караулитъ другую; но давней привычкѣ, мы находимъ это естественнымъ. А воевать нельзя безъ денегъ, по словамъ Фридриха великаго; побѣдителемъ остается тотъ, у кого въ карманѣ послѣдній талеръ. Для того все государства искусственно ободраютъ промышленность. Народы европейскіе привыкли смотрѣть на себя какъ на торговый цифръ; они ведутъ самымъ собой приходъ и расходъ; повѣряютъ, сколько людей въ годъ умерло, сколько родилось, много ли можно выставить въ поле ратниковъ,

пунекъ и рублей. Восточные, напротивъ — враги арифметики. Они до сихъ поръ питають суевѣріе противъ нея предубѣжденіе. Восточное устройство по существу своему — мирное. Азіатецъ задоренъ и хищенъ; онъ часто бывалъ страшнымъ при нападеніи, но терпѣливо защищаться не его дѣло; онъ бѣжить и не видитъ въ этомъ ни малѣйшаго стыда. Нынешняя безземельная войска у Турковъ и Персіянъ — сильное подражаніе европейской тактикѣ. Правда, въ тѣ времена, какъ имъ Оттомановъ прибрало въ тѣррестъ Европу, у нихъ существовалъ родъ феодальнаго воинскаго устройства, существовало даже непременное ополченіе — джычары. Но феодализмъ въ Турціи, также точно какъ и повсюду, была слѣдствіемъ завоеванія и вооруженной ослѣдлости въ такихъ странахъ, гдѣ побѣжденные превосходили числомъ побѣдителей. А джычаровъ могла держать въ уздѣ только желѣзная воля необыкновенныхъ мужей, которые одинъ за другимъ, въ продолженіе слѣшкомъ 150 лѣтъ, царили на престолѣ Османовомъ. Скоро восточная безпечность одержала верхъ. Безпорядокъ водворился и въ султанскомъ сараѣ, и въ ротахъ джычаръ. Фанатизмъ существовалъ долѣе и поддерживалъ личную доблесть; но дисциплина исчезла, и все зданіе воинскихъ учреждений ослѣлось, рухнуло навѣки.

Мирное устройство опять есть идеалъ благополучія, но опять въ одинъ вѣкъ простоты и непорочности. Оно не годится для обыкновеннаго быта. Эту горькую истину подтверждаетъ судьба самаго восто-

ка. Со времени древнихъ Грековъ и Римлянъ, онъ не умѣлъ бороться съ европейскими стрелыми Фалангами и легіонами. Огвращеніемъ къ правильному устройству военной обороны обьясняется и внутренняя слабость восточныхъ государствъ. Азія вѣчно была театромъ кровавыхъ переворотовъ; ни одна династія не была тамъ долговѣчною; державы возникали и падали, какъ призраки.

Государственную прочность вообще трудно согласить съ азіатскимъ духомъ и нравами. Созерцательны сынъ востока не привыкъ вѣрить долговѣчности земнаго величія. «Ты видишь Альнъ Арслана прославленнымъ до небесъ; приди и взгляни на него въ прахъ.» Вотъ короткая надпись на гробницѣ завоевателя, которому подвластна была большая половина верхней Азіи. Эго эпитафія совершенно въ восточномъ духѣ. Азіатецъ поклоняется счастію и силѣ; онъ видитъ въ нихъ персть Божій; но для него темны спасительныя понятія о законности и непрерывномъ наслѣдіи престола; онъ началъ привыкать къ нимъ не прежде, какъ ознакомясь уже съ Европою. Великій, кто читалъ хоть общую исторію новѣйшихъ вѣковъ, знаетъ, сколько крови пролито для того, чтобы сохранить въ Турціи право первородства и устранить гибельныя притязанія младшихъ вѣтвей царствующаго дома. Султанъ, халифъ правовѣрныхъ, духовный намѣстникъ пророка, изстари былъ для мусульманина существо священное. Въ канцелярскомъ слогѣ государственныхъ бумагъ онъ пользуется пышными титу-

лами «государя двухъ морей, властителя двухъ материковъ, всегда испобѣдимаго» и проч. А на словахъ подданные съ какою-то семейною, сыновиею короткостью называютъ его: «господинъ! офендимъ!» простое выраженіе обыкновенной възливости въ разговорѣ между частными лицами. Вельможи, важные сановники — почитаются въ народѣ явленіями игры случая; не только другіе, но они сами не дивятся ни своимъ успѣхамъ, ни своему паденію. Низложенный верховный визирь сплоскъ определяется въ низшую должность, и принимаетъ ее безъ огорченія, какъ ни въ чемъ не бывало. Блудя на лодкѣ по Босфору, пожелаите вашему гребцу быть визиремъ; онъ скажетъ равнодушно: «иншаллахъ! дай Богъ!» и ни сколько не приметъ желанія за насмѣшку: это исполненіе въ Турціи не странно, и даже не рѣдко.

Основа всего этого — глубокое религиозное чувство. Оно и въ Азии слабѣе, но уцѣлѣло еще гораздо сильнѣе, нежели въ современной Европѣ. Европеецъ безъ религіи — существо несчастное, но еще способное заботиться и дѣйствовать. Азіатцу религія такъ еродна и необходима, что, утративъ ее, онъ опускаетъ руки; онъ нравственно умеръ; при малѣйшихъ посягнутахъ и случаяхъ вседневной жизни имя Божіе въ устахъ мусульманина. Скажите ему: изъ вашего дома прекрасный видъ; онъ отвѣчаетъ: «машалла! слава богу!» — пойдете ли завтра гулять? «иншалла! если угодно Богу.» На фонтанахъ, публичныхъ зданияхъ, частныхъ домахъ, написаны стихи корана или заветныя эпитеты божества. Ничто лучше не

выражать восточной вѣры въ Его всемогущество, въ ничтожность предъ Нимъ цѣлой вселенной, какъ народное баснословіе мусульманъ о скончаніи міра. «Прозвучитъ труба ангела смерти Израфила и умрутъ все люди, все пророки, все силы небесныя; за ними умретъ самъ ангелъ смерти; Аллахъ одинъ Собою будетъ наполнять пустынное пространство. Потомъ онъ своею волею воскреситъ умершія души, и положить судъ между праведными и грѣшными.» Эта дикая картина необъятнаго величія невольно напоминаетъ арабскія необозримыя степи, первую колыбель Магометова ученія.

Вѣра въ роковое предопредѣленіе была необходимымъ слѣдствіемъ мысли о нрѣвосходномъ величіи Божества; присутствуя неотлучно въ созерцательномъ духѣ азіатца, эта мысль какъ бы заслоняетъ для него житейскіе предметы и событія. За всемъ окружающимъ онъ видитъ предвѣчную волю Божию, и человѣческая воля предъ нею ничто. Спросите мусульманина: за что же стануть мучить грѣшниковъ въ аду, если имъ отвѣка предопредѣлено было грѣшнить? онъ отвѣчаетъ: «это известно Богу, но праведные не должны гордиться: добродѣтель не ихъ заслуга, а милость Создателя.»

Обыкновенно почитаютъ прозелитизмъ, насильственное распространеніе вѣры, кореннымъ и непреложнымъ завѣтомъ исламизма. Это несправедливо. Духъ завоеваній у Аравлянъ VII вѣка объявляется многими посторонними причинами. Онъ былъ ободря-

емь политикомъ самаго Магомета и его пресмннковъ. Коранъ во многихъ мѣстахъ открыто проповѣдуетъ вѣротерпимость. «Господь» — говорится тамъ — «Господь посылаетъ мудрость и просвѣщеніе *лишь тѣмъ, кого избрала его воля...*» невірныя пойдутъ въ тесну... наложите на нихъ давь... «но не вамъ исправлять ихъ» и т. д.

Завоевавъ европейскую Турцію, мусульмане вовсе не заботились ни о распространеніи своей вѣры между побѣжденными, ни объ искусственномъ истребленіи чужой народности. Племена, вошедшія въ составъ оттоманской имперіи, сохранялись почти все въ первобытной дѣлности. Ито завоеванія облегало ихъ только снаружи ледяною корою; стоитъ ее снять, и они найдутся невредимыми въ томъ видѣ, въ какомъ заморожены. Очень рѣдко отступники, принявшіе исламизмъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, пользовались у Турковъ уваженіемъ. Замѣчательно, что изъ числа христіанскихъ народовъ, перешли въ магометанство не Греки, всехъ тяжель поработоченные, а Босняки и Арнауты, сберегшіе дониндѣ дикую независимость. Когда мусульманинъ родился отъ христіанки, онъ не только обязанъ ей сыновнимъ почитеніемъ, но долженъ на плечахъ нести ее до церкви, если она этого требуетъ и ея ноги подкосились отъ лѣтъ или недуга. Такъ велитъ изустный законъ, уважаемый между Турками. «Пусть каждый остается при своемъ убѣжденіи:» вотъ коренное правило турецкой политики. Лѣтъ сто тому назадъ, восточно-армянскій священникъ Деръ-Комидасъ казненъ

въ Константинополѣ по доносу, что перенесъ въ латинское исповѣданіе и старался обращать другихъ туда же. Римская церковь причислила Комидаса къ лику мучениковъ; онъ похороненъ не далеко отъ семи башенъ, близъ известной греческой церкви живописнаго источника; о его могилѣ разсказываютъ много чудесъ, которымъ вѣрятъ сами Турки. Они уважаютъ и многихъ святыхъ православной церкви; послѣдній мусульманинъ знаетъ дни св. Георгія, Іоанна Крестителя и Димитрія, по которымъ во всей европейской Турціи распределены подати и сельскія работы. Въ опасныхъ болѣзняхъ, знатнѣйшіе турецкіе вельможи иногда требуютъ помощи христіанскихъ священниковъ, и зовутъ ихъ молиться за себя вмѣстѣ съ иманами.

Въ глазахъ мусульманина, гораздо болѣе нежели Европейца, земная жизнь — почлегъ на дорогѣ въ вѣчность. Онъ не представляетъ себѣ смерти безобразнымъ костянымъ привидѣніемъ съ длинною косою. Ему трудно бы понять стихи, внушенные мрачною фантазіею сѣвера:

«Страшно въ могилѣ холодной и темной,
Вѣтры тамъ воютъ, гробы тресутся,
Бѣныя кости стучать.» и проч.

То ли дѣлю цареградскія кладбища? Подъ тѣнію кипарисовъ и чинаровъ, на живописныхъ высотахъ Босфора, вдоль столбовыхъ дорогъ и главныхъ улицъ, праотцы мусульманъ сладко почиваютъ сномъ

непробуднымъ. На ихъ мраморныя гробницы насыпана мать-сыра-земля, откуда зеленеетъ миртъ и цвѣтетъ роза. Надгробная надпись обыкновенно начинается заветными словами:

Онъ (подразумѣвается Богъ) — вѣчный; *Онъ* живой. А ниже, подъ именемъ усопшаго, любимый стихъ:

«Прохожій, сотвори молитву: сегодня мол, завтра твоя черда.»

Почтой соловей любить турецкія кладбища; а днемъ, привлекаемые прелестью природы, внуки приходятъ курить трубку на томъ мѣстѣ, гдѣ курили и докурили дѣды. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ, я не болѣе двухъ разъ встрѣчалъ людей, плакавшихъ надъ гробами. Вообще можно по всей справедливости примѣнить къ Стамбулу остроуту, давно сказанную о Болоньѣ, что мертвымъ должно быть тамъ веселѣе, нежели живымъ.

Отдавая похвалу стоической твердости духа мусульманъ, надобно однако же замѣтить невыгодную ей сторону. Турки отъ природы — народъ вовсе не жестокий и не звѣрскій. Но жизнь человека рѣшительно цѣнится у нихъ дешевле, нежели у насъ. По правиламъ своей вѣры они почитаютъ мертвое тѣло предметомъ нечистымъ, и прежде 24-хъ часовъ почти бѣгомъ несутъ покойника въ могилу, какъ будто въ нетерпѣніи скорый отъ него избавиться.

Умеръ важный сановникъ, пужал особа въ государствѣ — о немъ едва вспоминають мимоходомъ; таковъ уже обычай.

Въ мое время жить-быть въ Стамбулѣ Бешчетъ Эфенди, главный врачъ султана, человекъ примѣтельной учености: ибо зналъ имя Птократа, и умѣлъ даже полатыни называть нѣкия лекарства. Онъ былъ живой образецъ турецкаго благополучія. У него были такіе ковры и диваны, что вѣкъ бы лежать на нихъ; такіе лптари, что вѣкъ бы тянулъ изъ нихъ табачный дымъ; такіе цвѣты, деревья и фонтаны, что вѣкъ бы ихъ нюхать, отдыхать подъ ихъ тѣнію и слушать, какъ они плещутъ; такія невольницы, что вѣкъ бы съ ними обнимался. Одному изъ моихъ знакомыхъ случилось видѣть Бешчетъ Эфенди на другой день послѣ утраты любимой дочери, умершей едва ли не чумою; онъ говорилъ о дѣлахъ какъ ни въ одномъ глазѣ, и когда напомнили о дочери, ограничился отвѣтомъ: видно де такъ было написано. Такихъ примѣровъ много. Но бываютъ исключенія. Одинъ важный сановникъ обожалъ малолѣтнюю внучку и лишился ея послѣ долгой болезни. Онъ нѣсколько дней сряду не ѣлъ и не пилъ, не пускалъ къ себѣ на глаза ни одной души, запретилъ ходить по тропинкамъ, гдѣ бѣгалъ ребенокъ, и велѣлъ выбросить въ море всѣ растенія цвѣтника, гдѣ онъ игривалъ.

Мусульманинъ способенъ любить нѣжно семью свою; но онъ на нее смотритъ съ безпечною покор-

ности судьбы, какъ и на все въ міръ. Его правило: стало бы по мой вѣкъ, а потомъ — воля Божія! Вотъ начало многоженства. Оно могло быть естественно подъ кундами стеной Азіи, при ограниченнѣхъ нуждахъ и первобытной простотѣ пастырскаго быта; но трудно уживается съ утонченіями роскоши, къ какой мусульмане привыкли позже. По этому многоженство у нихъ вовсе не такъ общенародно, какъ мы воображаемъ. Во всемъ Константинополѣ сѣщется едва ли двѣ сотни Турковъ, у которыхъ было бы болѣе одной жены. Гаремъ, святилище супруги, неприступенъ для самаго хозяина, коль скоро у нея въ гостяхъ чужая женщина. Для каждой жены почти необходимы особой домъ, отдѣльное хозяйство. Это хлопотливо, убыточно, и по силамъ одному богатому сословію. Но и тутъ — человекъ зажиточный или знатный, выдавалъ дочь, нерѣдко выговариваетъ у жениха изустное обѣщаніе, что не будетъ другой госпожи въ домъ. При всемъ этомъ послѣдствія учрежденія гаремовъ остаются вредными; связи родства слабы. Отецъ семейства, принадлежащій имѣнно къ богатому классу, имѣющему наиболѣе вліянія на дѣла и народную нравственность, мало знакомъ съ своими дѣтьми; братья отъ разныхъ матерей — почти чужіе другъ другу. Разводъ употребителенъ во всѣхъ сословіяхъ отъ мала до велика. Онъ не только разрѣшенъ, но можно сказать, находитъ явное одобреніе въ духовномъ законодательствѣ. Любопытны слова корана: «женщины ваше поле—сѣйте его....» онъ ваша одежда — облакайтесь ей.... «твердо ли въ тебѣ намъ-

реніе развестись? Богъ все слышитъ и знаетъ... О пророкъ! молви твоимъ женамъ: хотите ли вку-
сить радости жизни? Я утолю ваши желанія, и от-
пущу васъ честно «— въ скобкахъ» т. е. оставлю
вамъ изъ имѣнія, сколько нужно на прожитокъ. Я
зналъ одного Турка, полицейскаго служителя, кото-
рый буквально держался такихъ правилъ. Онъ уже
разъ былъ женатъ, и въ два съ небольшимъ года
перемѣнилъ двухъ новыхъ жёнъ; третья, видно по-
бойче предмѣстницъ, запретила ему ходить къ соба-
камъ невѣрнымъ. Тѣмъ и кончилось наше знаком-
ство. Разводка въ свой чередъ вольна вступитъ въ
новый бракъ; но онъ затруднителенъ, если она мать
нѣсколькихъ дѣтей. Увѣряютъ, будто по этой при-
чинѣ турецкія жены иногда насильственно губятъ
свое плодородіе, и браки мусульманъ вообще мало-
дѣтны, нежели должно бы ожидать при существую-
щей свободѣ.

Въ другихъ отношеніяхъ семейныя ихъ нравы до-
стойны похвалы. Хозяинъ въ домѣ родъ архинасты-
ря. Его владычество безспорно и кротко. Сынъ, да-
же зрѣлыхъ лѣтъ, входя въ присутствіе отца, цѣлуетъ
край его одежды и ожидаетъ его знака, прежде не-
жели сѣсть. Прислуга, у вельможъ безумно много-
численна, составлена по большей части изъ неволь-
никовъ, купленныхъ на дѣяньи; она считается какъ
будто дополненіемъ семьи.

Слѣдуя давней привычкѣ путешественниковъ, не-
льзя не посѣтить въ Константинополѣ базаровъ, гдѣ

продаются невольники того и другого пола. Вы тщетно будете искать на ихъ лицахъ отчаянія. Иногда статный Черкесъ даже поразитъ васъ молодецкою веселостію; ужели ему такъ нетерпѣливо хочется быть купленнымъ? Почему жъ нѣтъ? онъ самъ наскучилъ ницетою дикихъ ущелій своей родины, закабалить себя добровольно, и пріѣхать искать счастья на бѣломъ свѣтѣ. Есть лица унылыя; однако не ошибитесь: это унылость юноши, котораго изъ деревни везутъ опредѣлять въ полкъ; онъ плачетъ покинувъ домъ отеческій, но ни за какія блага не хотѣлъ бы воротиться; это слезы невѣсты поутру вѣчанія; спросите ее, не отложитъ ли? и подольше просидѣть въ дѣвцахъ? Таково человѣческое сердце; смѣсь противорѣчій и вѣчнаго притворства передъ самимъ собой.

Давно уже замѣчено, что въ Америкѣ покупаютъ невольниковъ для разбогаченія, а на востокъ богатыютъ для покупки невольниковъ. Здѣсь они не средство, а цѣль, и судьба ихъ счастливей. Что такое неволя у турецкаго вельможи? способъ жить на чужой щетѣ, трудясь довольно мало. Произволь господина иногда тяжелъ и страшенъ. Но большею частию онъ смягченъ обычаемъ. Невольникъ снискиваетъ довѣріе хозяина, чрезъ него же пріобрѣтаетъ связи; спустя нѣсколько лѣтъ получаетъ свободу, и тогда ему открыта дорога высшихъ почестей государственныхъ. Треть нынѣшнихъ пашей были невольниками.

Аристократія никогда не была сродною азіатскому духу. Ее не допускаетъ самое многоженство. Во всей Турціи едва ли наберется нѣсколько семей, которыя были бы знатны и богаты долѣе трехъ, много четырехъ поколѣній сряду. Азіатецъ не понимаетъ, какъ можетъ одинъ родъ бытъ, или считать себя, благороднѣе другого. Безчисленные потомки самой дочери пророка живутъ въ нищетѣ, исправляютъ ремесла грубыя; одни ихъ отличія—носить зеленую чалму и пустое прозваніе сендовъ или эмировъ. Это слово когда то значило князь, но ни одному Турку не придетъ въ голову питать къ нимъ за то зависть, или особое уваженіе.

Отеческая заботливость мусульманъ распространяется и на животныхъ. Недавно еще бывали примѣры набожныхъ отказовъ для ихъ прокормленій. По улицамъ Царяграда скитаются стаи собакъ: онѣ не имѣютъ хозяевъ и живутъ доброхотнымъ подаянствомъ, въ родѣ нищихъ. Нѣсколько лѣтъ тому, была рѣчь о предположеніи: очислить отъ нихъ столичные улицы; но дѣло показалось слишкомъ важнымъ; оно могло дойти до великаго муфти, и возбудить ропотъ черни. Рѣшено тѣмъ, чтобы потихоньку душить самыхъ привязчивыхъ, не подвергая цѣлаго собачьяго сословія открытому гоненію.

Вообще привычки мусульманъ, не только внутри, но и внѣ семейства, сохраняютъ много слѣдовъ того блаженнаго времени, когда люди жили какъ братья,

когда общественный бытъ едва отличался отъ домашняго. Восточный бережливъ на слова; онъ охотно замѣняетъ ихъ простымъ, но выразительнымъ тѣлодвиженіемъ. Въмѣсто сухаго европейскаго поклона, онъ прикладываетъ руку къ головѣ и потомъ къ сердцу, какъ будто обѣщая помнить васъ не только умомъ, но и душею. Младшій не стыдится уважить старшаго лѣтами; онъ часто зоветъ его отцемъ и целуетъ у него руку. Патріархальныя приемы въ такомъ родѣ соблюдаются до сихъ поръ между самою знатью—часто, разумѣется, для одной наружности.

По всѣмъ этимъ причинамъ Константинополь, даже въ теперешнемъ упадкѣ, нѣбываетъ путешественника. Что за охота европейцу покидать мощенныя дороги, чистоплутныя жилища, чопорные города своей отчизны, изъ того, чтобы ѣхать любоваться на безобразную груду пестрыхъ домовъ, на обгорѣлую столицу, на страну бѣдную житейскими благами въ сравненіи съ западомъ?—Да! такова странность вкуса: насъ поражаетъ именно то, что вовсе не приготовлено для эффекта. Въ Стамбулѣ человекъ не затянуть въ узкое платье; оно не скроено на одинъ ладъ, не подобрано подъ одну темную краску. Тамошній ремесленникъ не ставитъ въ угоду зрителю на улицу одинъ образцы своего искусства, а самъ не работаетъ, назади въ темномъ чуланѣ. Портной, поваръ, токарь, паяльщикъ, ювелиръ—все безъ исключеній занимаютъ у дороги. Тамъ же мусульманинъ праздно куритъ табакъ, или совершаетъ

при всѣхъ молитву съ умовеніемъ. Наблюдайте ихъ цѣлый часъ—они не оглунутъ: они живутъ для себя, а не для зрителя.

Въ образованной Европѣ этаго не сыщешь. Образованность имѣетъ свои предразсудки, подобно невѣжеству. Какъ растолковать свѣтскому человеку, что онъ можетъ быть счастливъ, даже не играя роли въ обществѣ? Всякому естественно искать добраго мнѣнія ближнихъ. Оно дано намъ Провидѣніемъ какъ ангель-хранитель, котораго внѣшнія слухать повѣркою внутреннему голосу нашей совѣсти: ибо она способна заблуждаться. Но для насъ европейцевъ людское мнѣніе перестало быть ангеломъ хранителемъ. Оно стоитъ волею насъ какъ злобный духъ, какъ неотвзвѣтная тѣнь, сторожить малѣйшія движенія, преслѣдуетъ насъ на одрѣ сна. Пронадай внутреннее счастье—только бы другіе почитали насъ любимцами судьбы. Подавай намъ тоску, заботы, угрызенія—только бы другіе говорили, на насъ указывая: «такой счастливецъ, какъ скоро вынестъ въ люди». Стремленіемъ играть роль едва ли не столько же, какъ любовію къ отечеству, объясняется господствующая по всей Европѣ страсть подавать голосъ въ государственныхъ дѣлахъ, занимать мѣсто въ государственной службѣ. Всякой почитаетъ себя нищимъ, если не живетъ на казенномъ содержаніи. Иные укоряютъ Россію въ томъ, что всѣ воспитанные люди непременно хотятъ служить, и по этому нѣтъ ученаго сословія, нѣтъ терпѣливыхъ изыскателей, любящихъ науку для самой науки. Но

развѣ лучше на западѣ? Гдѣ вы тамъ найдете независимый классъ ученыхъ? Во Франціи все они помѣшались на политикѣ; въ Германіи меньше для этого случаевъ по раздробленію и мелкости нѣмецкихъ государствъ. Но и тамъ ученый профессоръ, какая бы ни была его слава въ мірѣ наукъ, несчастливъ, пока не имѣетъ ордена, или титула совѣтника, пока не можетъ прикнестъ къ своему имени заветную частицу *фонъ*.

Азіатецъ о всемъ этомъ имѣетъ весьма мало понятія; внутренняя жизнь его течетъ спокойнѣе и ровнѣе нашей. Конечно жажда общественныхъ отличій питаетъ соревнованіе; а ему обязана Европа множествомъ открытій, улучшеній. Но много ли чрезъ то подвинулась до сихъ поръ наука внутренняго счастія? Не усными мы съѣсть на скамью училища; почтенные наставники, съ самымъ похвальнымъ умысломъ, шевелятъ и раздуваютъ въ насъ соревнованіе. Предвидятъ ли они, что выйдетъ потомъ изъ юныхъ растений, быстро развивающихся въ искусственномъ пару школьной теплицы? Изъ нихъ большая часть перерѣбуютъ и высохнутъ преждевременно, или возьмутъ ложное направленіе, или изъ-за наружнаго блеска сдѣлаются жертвами бездѣльной пустоты душевной. Посмотрите на частыя самоубійства въ западныхъ краяхъ — самоубійства между людьми, получившими воспитаніе, образованность. Природа отвела для вашихъ радостей неизмѣримое поле, богатое цвѣтами и жатвами. Слѣпые, что жъ велитъ вамъ суетиться около тѣсныхъ стѣ-

пеней крутого помоста? Туда всё толпятся; тамъ добровольно душатъ и другихъ и самихъ себя.

Привыкнувъ полагать счастіе жизни въ шумномъ рукоплесканіи другихъ, европейская образованность не менѣ заблуждается въ отношеніи къ уму. Она ставитъ его наслажденіе въ безпрерывной повизни и перемѣнѣ впечатлѣній. Отъ того сельская жизнь мало для насъ имѣетъ прелести; по всей Европѣ населеніе столицъ непомѣрно умножается на щетъ городовъ, города на щетъ деревень. Что за ненасытнѣйшій звѣрь—европейскій умъ? Картины, книги, общества, газеты, описанія путешествій, настоящія путешествія — всего мало! ничто не утоляетъ бездонной утробы. На лбу просвѣщеннаго человѣка въ наше время можно бы выставить заглавіе извѣстной диссертаціи Пика Мирандольскаго: *о всели и еще кой о гелѣ*. Восточный варваръ почитаетъ насъ угорѣлыми; онъ увѣренъ, что мы за грѣхи наказаны такою тяжелой эпитимією.

Наслажденіе ума зрѣлаго не въ томъ, чтобы порхать отъ одного впечатлѣнія къ другому, не въ томъ, чтобы мѣнять плоды; онъ беретъ изъ нихъ лучшіе, но вкушаетъ до ядра. Хотите ли, слѣдуя методѣ Жакотѣ, выучиться по-французски? прочтите одну французскую книгу, только съ тѣмъ, чтобы ни одно ея слово, ни одна буква не оставались вамъ неясными, и напремѣнно будете знать весь языкъ. У меня былъ въ университетѣ добрый пріятель, отличный латинистъ. Онъ не могъ

никогда прочесть отъ доски до доски Тацита. Почему бы вы думали? потому, что слогъ этаго писателя особенно ему нравился. Примется-бывало за одну главу, да и ну ее перечитывать и восхищаться цѣлый день ея красотами. Этому пріятно родиться бы не на руси, а на востокѣ.

Подобно тому, какъ онъ восхищался Тацитомъ, азіатецъ наслаждается чтеніемъ корана. Это неподражаемый образецъ восточной поэзіи. Магометъ, какъ и все необыкновенные люди, соединялъ въ себѣ самыя противоположныя свойства; онъ умѣлъ хитрить и сражаться со врагами, но въ душѣ былъ поэтъ истинный. Онъ, по всей вѣроятности, безъ шутокъ вѣрилъ своему призванію и вдохновенію свыше: одаренный пламенною фантазією, знакомый съ поэтическимъ жаромъ и восторгомъ, онъ веравду принималъ ихъ за откровеніе Божества. Любопытно замѣчать, какъ иногда въ самомъ коранѣ проглядываетъ авторское самолюбіе. «Отъ вѣка» говорится тамъ «не было писано ничего подобнаго красотахъ этой книги.» При этомъ поневолѣ вспомнишь простодушное сознаніе величайшаго поэта Италіи, Данта, когда въ божественной комедіи онъ безъ околичностей хвалитъ свой собственный слогъ:

Il bello stile che mi fec' onore.

Коранъ можно сравнить съ древнимъ султанскимъ сараемъ въ Константинополѣ. Красоты его не даромъ прославлены во всехъ кингахъ, и неминуемо оставляютъ глубокое впечатлѣніе въ умѣ, до-

ступномъ эстетическому чувству. Путешественникъ съ трепетнымъ любопытствомъ проникаетъ въ этотъ покинутый вертепъ неприсгупной власти, когорал, грома дальніе концы земли, сама утонала здѣсь въ роскошной пѣгѣ. Что за безразсудный лабиринтъ великой величины? цѣтники, гранитныи столпы, мраморная бесѣдка, за нею тронная зала, уединенные дворы, ведущіе къ другимъ дворамъ; великолѣпные притворы къ другимъ притворамъ,—салы, банины кладовыя, фонтаны, конюшни, огромныя кухни: все сбито, все разкидано какъ будто наудачу, и повсюду взоръ поконетъ на богатыхъ видахъ Азии и Европы, украшенныхъ горами, бирюзовымъ моремъ, безоблачнымъ небомъ.

Точно тоже въ коранѣ. Онъ раздѣленъ на 114 главъ; Богъ знаетъ, почему именно на столько; инныя состоятъ изъ пяти строкъ, другія занимаютъ почти полкниги. Онъ расположены въ самовольномъ порядкѣ. Можно бы вывернуть его наизнанку безъ малѣйшей обиды смыслу цѣлаго. Заглавія ихъ странны: корова — единство — желѣзо — невѣрные — рука помощи, и т. п. Содержаніе: всемъ извѣстныя истины — недосказанныя легенды — своеобразныя сравненія — доводы, часто вовсе неидущіе къ дѣлу — правила, иногда противорѣчащія, иногда вышесныя явнымъ произволомъ: все это безъ видимой связи, безъ начала и конца.

Но вчитайтесь въ эту книгу; побудьте на востокѣ, и вы получите о коранѣ болѣе выгодное мнѣ-

ніе: вы поймете, почему созерцательный, чувственный азіатец зоветъ оный *книгою* попреимуществу, и чтить произведеніемъ божественнымъ; поймете— что должно происходить въ его духѣ, когда, среди неисчерпаемыхъ красотъ пламенной поэзіи, онъ встрѣчаетъ на каждой страницѣ таинственныя повторенія: «Богъ любитъ боящихся его...» «Богъ вашъ— Богъ единый...» «Онъ знающъ и премудръ...» «Онъ благъ и милосердъ...» «Онъ силенъ и мщение въ его мщницѣ...» «Слава Господу Царю міровъ!...» «Его повѣдаютъ земля и небо...» «Престоль его объемлетъ востокъ и западъ...» и т. д.

Мусульманскій духъ живетъ и наслаждается повтореніемъ такихъ мыслей. Многія изъ нихъ стары какъ міръ, но и велики какъ міръ. Сколько ни труждайся человѣческая мудрость, она окончательно возвращается къ нимъ же.

Къ совокупному дѣйствию такихъ красотъ прибавьте неподражаемую прелесть выраженія; въ ней веѣ знатоки отдають справедливость подлиннику корана; мы едва можемъ ее цѣнить, зная только посредственныя переводы. Зачѣмъ никто изъ русскихъ оріенталистовъ, пользуясь богатствомъ, силою и гибкостью роднаго языка, не представитъ намъ корана во всевозможно-близкомъ переложеніи съ арабскаго?

Кто прочелъ коранъ и сказки Шехеразеды, можетъ по нимъ составить себѣ уже довольно ясное

понятіе о характерѣ восточной поэзіи; коранъ изображаетъ ее въ лирическомъ, высокомъ; Шехеразада въ простомъ, разговорномъ вкусѣ. Живая фантазія Аравлянъ и Персіянъ, возвращенная на жаркой, каменной почвѣ, гдѣ рѣдкіе оазисы разсыяны въ пустынѣ, произвела много другихъ плодовъ стихотворнаго генія. Турки-османлысы остались народомъ по преимуществу практическимъ. Къ чему для нихъ поэзія? имъ и безъ нея хорошо на Босфорѣ. На немъ остановилась творческая сила ихъ кисти. Если въ какомъ турецкомъ домѣ или кіоскѣ стѣны разрисованы живописью, вы заранѣе можете угадать ея предметъ; вѣрно это проливъ съ зелеными берегами безъ жителей, да кораблями безъ матросовъ (ибо писать живыя души запрещаетъ суевѣріе). Точно такъ и въ архитектурѣ, Османлысы остановились на куполѣ византійскаго храма св. Софій: съ этого образца сняты почти всѣ мечети, построенныя въ Турціи послѣ завоеванія Цариграда. Собственно турецкой поэзіи, можно сказать, вовсе не существуетъ, не во гнѣвъ ученому Гаммеру: онъ имѣлъ терпѣніе насчитать до 2200 турецкихъ стихотворцевъ, и между ними множество вельможъ, нашей, даже султановъ; но почти все это надуто, искажено арабскими рѣченіями, натянutoю игрою словъ; все принадлежитъ не народной поэзіи, а скорѣе школьной рѣторикѣ.

О литературной изобрѣтательности турецкаго народа можно судить развѣ лишь по нѣсколькимъ нѣшамъ, изъ которыхъ нѣшья не лишены чувства,

да по изустнымъ сказкамъ *меддаховъ*. Эти расказники живутъ на востокъ отъ глубокой древности. Праздная толпа сходится въ кофейняхъ, а иногда просто подъ открытымъ небомъ, и слушаетъ ихъ жадно по нѣскольку часовъ сряду. Любители турецкаго языка находятъ въ сихъ расказахъ примѣчательную степень развитія разговорнаго, народнаго слога, безо всякой иноземной или ученой примѣси. Притомъ турецкій меддахъ владѣетъ въ совершенствѣ пантомимою и насмѣшкою. Онъ не просто повѣствователь, но вмѣстѣ актеръ и критикъ нравовъ. Его расказъ—живая комедія, гдѣ въ лицахъ осмѣяны чудаки разнаго сорта и разныхъ націй, какими славится Стамбуль между восточными городами. Меддахъ любитъ входить въ мелкія подробности; онъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ останавливается на самыхъ скромныхъ описаніяхъ, къ великой оградѣ слушателей: восточные не знаютъ въ рѣчахъ цѣломудрія. Впрочемъ тотъ же порокъ существовалъ у древнихъ Римлянъ и Грековъ. Это и должно быть неминусемо повсюду, гдѣ женскій полъ исключенъ изъ общества мужчинъ. Дѣйствіе расказа всего чаще отнесено къ вѣку султана Мурада; цареградскіе Турки до сихъ поръ его помнятъ за то, что онъ былъ горькій пьяница и любитъ обходиться просто. Но вы тщетно бы стали искать здѣсь той неисчерпаемости, того разнообразія вымысловъ, какими поражаетъ насъ Тысяча одна ночь. Явленіе почти всегда пронесходитъ въ обыкновенномъ кругу частной жизни, и представляетъ мало драматическихъ движеній: ибо жизнь мусульманина

чужда европейской хлопотливости; она бѣгетъ медленно, разъ въ разъ, подобно пульсу флегматика. Но опыты часто доказываютъ, что, возбужденная сильнымъ ощущеніемъ, она способна просыпаться внезапно, какъ левъ ото сна, какъ буря послѣ затишья.

Такимъ образомъ востокъ ширѣ коленѣтъ въ своей дряхлости, и уступаетъ первенство младшей себѣ Европѣ. Но, въ противоположность новѣйшему ея быту, припомнимъ, какъ высоко цѣнили наши предки тишину духа, вдругъ обличающаго силу свою подвигами мужества и крѣпости. Преданіе объ этомъ сохраняется въ старинныхъ басняхъ всѣхъ народовъ, особливо славянскихъ. Что такое Иванушка царевичъ, любимое лице нашихъ сказокъ, если не шутливое изображеніе героя? Всѣ почитаютъ его слабоумнымъ; а онъ въ связи съ волшебной силою; ему суждено слуга совершить то, къ чему напрасно подвизаются разумники. Простонародное выраженіе—спать *богатырски*, *сно*, *нѣ* не есть ли тайная похвала, невольная дань уваженія тому, кто крѣпко спитъ—другими словами, кто силенъ тѣломъ и здоровъ духомъ. Вы вѣрно слышали о незнамятиномъ повѣртіи въ народѣ, что дьяволъ и радъ бы уснуть, да не можетъ. Таково понятіе простолюдиновъ о зломъ духѣ: его терзаютъ вѣчный внутренній раздоръ, вѣчная вражда между надменностію желаній и безсиліемъ ихъ исполнить. Байронъ разгадалъ болѣзнь своего времени, изобразивъ такого духа во всѣхъ своихъ поэмахъ. Байронъ поэтъ унынія и надменности, поэтъ запада.

У Славанъ, живущихъ въ Турціи, есть свой баснословный витязь во вкусъ Иванушки: это Марко Краевичъ. До сихъ поръ еще показываютъ въ Адрианополь огромный сапогъ, будто бы ему принадлежавшій и привѣшенный зарѣдкость къ потолку базара. О немъ дошла до нашихъ временъ цѣлая эпопея сербскихъ пѣсень. Изъ нихъ любопытно извлекать народныя понятія о томъ, что такое значить — поступать побогатырски. Ъдетъ ли Марко въ Варадинъ выручать отъ Вучи генерала плѣнныхъ друзей своихъ, или въ Стамбуль избавлять султанскую дочь отъ чернаго арапа: онъ принимается за дѣлю всегда однимъ порядкомъ: сидитъ себѣ, подъ глазами непріятеля пьетъ вкусное вино, да еще не такъ, какъ другіе люди, а цѣлою лоханью въ полтора пуда въсомъ; никому въ усь не дуется; на него сѣсново нилоть десять человѣкъ—смотришь? Марко съ ними управился—сто: то же самое—цѣлые полки: и тѣхъ поминай какъ звали. Марко торжествуетъ; друзья и султанша свободны.

Въ чемъ скать основной мысли такихъ преданій? въ народномъ убѣжденіи, что истинная сила болѣею частію спокойна; ударъ ея рѣдокъ, но вѣренъ.

Титъ Космократовъ.

Апрѣль 1857.

I.

МЫСЛЬ О СѢВЕРѢ *.

—Морозная ночь! полнолуная ночь!

Блескъ неба и снѣга вокруг!—

«Пѣвецъ! простодушныхъ друзей не морочь,

А югъ твой, а пѣсни про югъ?»

—Мой демонъ молчи! външихъ струнь не порочи:

Мысль сердца какъ птица вольна.

Морозная ночь! полнолуная ночь!

Какъ весело: снѣгъ и луна!

* * *

Любуйся: ужъ дымъ не ложится на дотъ,

Надъ кровлей не вьется вънцомъ:

Онъ бѣтъ и легокъ; какъ Пророка глаголь

Онъ къ небу восходитъ столбомъ.

Любуйся: вдоль улицъ, въ рѣшетчатый сводъ

Не льется ручей дождевой;

* Написано въ противоположность стихотворенію: *мысль о югѣ*.
Автора упрекали въ ненаціотическомъ пристрастіи къ полуденнымъ стра-
намъ — вотъ его отвѣтъ и оправданіе.

Тамъ словно серебро до боярскихъ воротъ.
Разостланъ коверъ снѣговой.

* * *

На воздухъ, на воздухъ! Изъ хатъ, изъ палатъ.
Дѣтей своихъ кличетъ морозъ.
Вотъ онъ нашъ кормилецъ! какъ щеки горятъ:
Весеннихъ румянце розъ!
Какая отвага и удалъ въ очахъ!
Льдная нагайка въ рукѣ,
И прынулъ онъ въ сани, и мчится въ саняхъ
На бурномъ гнѣдомъ рысакѣ.

* * *

О родина! въ снѣжныхъ сугробахъ играй
На зло полуночной судьбѣ.
Безъ роскоши солнца, безъ нѣги твой край;
Народъ твой съ природой въ борьбѣ:
Но крѣпость и волю даруетъ борьба,
Но духъ возвышаетъ она.
Морозная ночь! полнолунная ночь!
Ты силъ богатырскихъ полна!

II.

ДУБЪ И РОЗА.

Подъ дубомъ сѣвернымъ растетъ
Одна въ глуши малютка-роза.
Какъ онъ могучъ! какъ бодро ждетъ
И бурь несчастныхъ и мороза!
Но юга трепетный цвѣтокъ
Пугаетъ каждый вѣтерокъ.

* * *

Родное солнце! приласкай
Сиротку бѣдную лобзаньемъ.
Дай полюбить ей русскій край,
Дай подышать благоуханьемъ —
И розу юга, цвѣтъ любви,
Въ странѣ дубовъ усынови!

III.

ОТРОКОВИЦЪ.

Не упреждай годовъ; зрѣй тихо; не вѣди
Развитію красотъ сокрытыхъ впередъ.
Утѣхи раннія отрава, а не сладость:
Лишь цѣломудріемъ лѣветъ и блещетъ младость.
О милая! дозволи златой твоей веснѣ
Безъ искушенія, въ безпечной тишинѣ
Доизрадовать свой вѣкъ. Дни счастья не измѣнять.
Придетъ твоя пора, и юноши оцѣнятъ
Влюбленною душою всѣ прелести твои:
Блескъ утренній ланитъ, густыхъ кудрей струи
Уста цвѣтущія съ двойнымъ, жемчужнымъ рядомъ,
И свѣтлые глаза съ побѣдоноснымъ взглядомъ.

1839.

IV.

ДВѢ ПѢСНИ.

1.

РАЗМОВКА.

«Соректинка, голубица
Померанцевыхъ садовъ,
Что такъ пристально ты смотришь
Вдаль отъ нашихъ береговъ?»

«Всё на море голубое
Да на рѣзвые ладьи,
Ужъ не рвутся ли навомо
Думы праздныя твои?»

«Поцалуй меня: ты знаешь,
Я ревную иногда.»

— Милый! я хочу въ Неаполь;
Повези меня туда. —

«Что въ Неаполь, мой идолъ!
Тамъ обычный, скучный свѣтъ;
Много стуку, много блеску,
Для любви жъ и мѣста нѣтъ.

«А подъ тихой нашей сѣнью
Всё къ согласію манить.
Даже въ листьяхъ голосоъ вѣги
Сердцу внятно говорить.»

— Милый, милый! здѣсь, пустыня,
Тамъ же свѣтлый пиръ людей;
Тамъ забавы, тамъ уборы,
Вѣчный праздникъ для очей.

— Тамъ по улицѣ Толедской
Мы вдвоемъ пойдемъ гулять,
Предъ народомъ ленты, цѣпи
Огмѣчать и выбирать.... —

«Сорентинка, голубица
Померанцевыхъ садовъ,
Больно мнѣ твое признанье.
Бдемъ въ городъ—я готовъ.

«Но въ узорны ленты, цѣпи
Какъ Мадона убрана,
Знай—подъ свой навѣсъ зеленый
Ты воротись одна.

«Тамъ, гдѣ сердцу счастье снилось,
Не хочу припоминать,
Что любовь и сельской дѣвы
Откупная благодать.»

2

ПРИМИРЕНІЕ.

За прихоть женскаго тщеславья,
За рѣзвый бредъ души молодой,
Въ безумномъ гнѣвѣ, тѣнь безславья
Набросилъ я на идолъ мой.

И думалъ: нѣтъ! мечты послушной
За всю вѣдѣ не повлачу:
Я не хочу любви бездушной,
Корыстныхъ благъ я не хочу.

Но какъ же грудь моя забилась,
Когда внезапною грозой
Она, прелестница, явилась
Въ слезахъ и въ блескѣ предо мной!

Когда небесныя всѣ силы
Призвала, дни свои кляня,
И застонала: милый, милый,
Ужель разлюбилъ ты меня!

Въ одно мгновеніе гнѣвъ и пѣни,
Всё разлетѣлось какъ дымъ —
И вотъ ужъ вновь въ зеленой сѣни,
Слеглась руками, мы сидимъ.

Глядимъ на море, гдѣ трепещутъ
Заката яркія струи,
И наши взоры также блещутъ
Златыми искрами любви.

V.

ЗВЕНО.

Былыхъ страстей , былыхъ желаній
Пересмотрѣлъ я старину;
Всю цѣпь моихъ воспоминаній
Я подобралъ звено къ звену.

Какою яркою печатью
Сверкаетъ каждое звено !
Но чувство тихой благодатью
Меня проникло лишь одно.

Ахъ! то звено поры прекрасной ,
Поры надеждъ и чистоты ,
Поры задумчивости лсной
И цѣломудренной мечты.

И я изъ цѣпи разноцвѣтной
Исторгнулъ милое звено,
Чтобъ въ грустный часъ, какъ лучъ завѣтной,
Оно свѣтилось мнѣ одно.

1834.

VI.

ДОМЪ НА БОСФОРЪ.

Зеленый садъ, фонтанъ и розы;
Надъ зеркаломъ воды прохлады полный домъ;
Съ навѣса вьющіяся лозы;
Стѣна завѣтная кругомъ
(Пріютъ домашнихъ тайнъ), а въ сторонѣ кладбище;
Рядъ кипарисовъ, минареть:
Вотъ очеркъ твой, восточное жилище!
Востокъ! вотъ милый твой привѣтъ!

О! въ этомъ свѣтломъ заточеньѣ
Навѣрно жизнь какъ сонъ легка.
Понятно лѣни здѣсь влеченье,
Понятна сладость чубука.
Сядь у окна, кури — дымъ вьется, взоръ ликуетъ,
Ряды картинъ мелькаютъ предъ тобой,

Какъ будто ихъ живописуетъ
Волшебный перстъ деля отдыхъ твой.

Здѣсь—ткань пролива голубая
Съ живыми, яркими узорами ладей;
Тамъ пирамиды горъ; тамъ башни вѣковал,
Увѣчный стражъ гробовъ минувшихъ дней;
Подалъ цѣпь дворцовъ; а далъ у потока
Толпы народа, блескъ одеждъ, шатры деревъ,
И всё озарено алмазнымъ днемъ востока,
Какъ рай очами райскихъ дѣвъ.

Но вотъ за синею громадой Истамбула
Закагъ то розами, то золотомъ горитъ;
Свой звѣздный плацъ ночь тихо развернула,
Умолкъ послѣдній звукъ молитвы. Море спитъ.
Ты близокъ часъ утѣхъ и чувственности страстной.
О! сколь пророка благъ законъ!
Для мысли—свѣтлый міръ; для нѣги—міръ прекрасной
Гарема чистыхъ дѣвъ и жёнъ.

И правовѣрнаго пріемлетъ
Въ ревнивый свой чертогъ рѣшительный гаремъ.

На персяхъ счастья тамъ онъ дремлетъ,
Тамъ предвкушаетъ онъ эдемъ.

Но только тонкій лучъ востока

Къ его очамъ сквозь пологъ проскользнетъ,
Онъ, бодрый, вновь спѣшитъ благословлять пророка,
Любуясь зрѣлищемъ холмовъ своихъ и водъ.

Василій Туманскій.

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Бриана Уоллера Проктора (Bryan Waller Proctor).*

Англійскіе издатели прилагаютъ слѣдующія извѣстія объ его жизни и сочиненіяхъ. «Въ Англіи и въ другихъ странахъ писатель сей болѣе извѣстенъ

* Помѣщая переводъ *Драматическіе очерки* Уоллера, сообщаемъ читателямъ нѣкоторыя подробности касательно выбора ихъ, тѣмъ болѣе любопытныя, что онѣ относятся къ послѣднимъ днямъ жизни Пушкина. Въ книгѣ *The poetical works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall*, изданной 1829 въ Парижѣ, нашелъ онъ много прекрасныхъ произведеній поэзіи, мало извѣстныхъ у насъ въ Россіи. Онъ желалъ познакомить съ ними публику, предположивъ напечатать нѣсколько переводовъ въ «Современникѣ». Эта мысль особенно занимала его въ послѣднее время. Предпочтительно обратилъ онъ вниманіе на Уоллера (Barry Cornwall), который, въ литературной жизни Пушкина, можно сказать, былъ послѣднимъ его собесѣдникомъ. Посреди разнообразныхъ трудовъ по изданію журнала, заготовленію матеріаловъ для исторіи Петра Великаго и по множеству начатыхъ статей въ прозѣ, отнимавшихъ у Пушкина все свободное время, ему некогда было заняться самому предполагаемому переводомъ съ англійскаго. Онъ пригласилъ въ сотрудничество по этому дѣлу извѣстную сочинительницу *Исторіи Россіи въ разказахъ для дѣтей*, Александру Осиповну Пшимоу, которой слогъ такъ ему нравился, и которой знаніе англійскаго языка было

подъ именемъ *Барри Корнуалля*. Неизвѣстно, почему онъ скрываетъ настоящее свое имя. До сихъ поръ еще не было издано его біографіи. Впрочемъ и самые друзья его не много знаютъ о молодыхъ его лѣтахъ. Бріантъ Уэллеръ Прокторъ родился въ Лондонѣ и происходить отъ почтеннаго семейства съ-верной Англіи. Первоначальное воспитаніе полу-сму извѣстно. 25 Января, 1857 года, Пушкинъ писалъ къ ней: «На-
«дняхъ имѣлъ я честь быть у васъ, и крайне жалю, что не засталъ
«васъ дома. Я надѣялся поговорить съ вами о дѣлѣ П. А. обнадѣжилъ
«меня, что вамъ угодно будетъ принять участіе въ изданіи «Современника»,
«Заранѣ соглашаюсь на всѣ ваши условія и съищу воспользоваться ва-
«шимъ благорасположеніемъ. Мнѣ хотѣлось познакомить русскую пу-
«блику съ произведеніями Barry Cornwall. Не согласенъ ли вы пе-
«ревести нѣсколько изъ его Драматическихъ Очерковъ. Въ такомъ слу-
«чаѣ буду имѣть честь препроводить къ вамъ его книгу.» Это было въ
повѣдѣльникъ. На другой день онъ получилъ отвѣтъ дѣвицы Пшимовай,
которая, слышавъ отъ знакомыхъ Пушкина, что онъ обыкновенно, по
окончаніи утреннихъ трудовъ своихъ, часу въ четвертомъ всегда прогу-
ливался, предлагала ему направить прогулку въ ту сторону, гдѣ она
живетъ, и изъявила желаніе лично переговорить съ нимъ объ этомъ дѣ-
лѣ. 27 Января, въ среду (вечеромъ въ этотъ день началось предсмерт-
ная страданія Пушкина, продолжавшіяся до пятницы), въ третьемъ часу
позудили, дѣвица Пшимова получила отъ него пакетъ, собственною рукою
его подписанный, въ немъ книгу для перевода и слѣдующее письмо, по-
слѣ котораго по всей вѣроятности уже некогда ему было написать ни
строки, кромѣ означеннаго адреса на пакетъ къ ней. «Крайне жалю,
«что мнѣ не возможно будетъ сегодня явиться на ваше приглашеніе,
«Покаместъ, честь имѣю препроводить къ вамъ Barry Cornwall. Вы
«пайдете въ концѣ книги пьесы, отмѣченныя карандашомъ. Переве-
«дите ихъ, какъ умѣте—увѣрлю васъ, что переведете какъ нельзя луч-
«ше. Сегодня я нечаянно открылъ вашу Исторію въ разсказахъ, и по-
«неволя зачитался. Вотъ какъ подобно писать!» Тотъ спокойствіа
господствующій въ этомъ письмѣ, порядокъ всегдашнихъ занятій
вспомнившійся до послѣдней минуты, изумительная точность въ част-
номъ дѣлѣ, даже почеркъ этого письма, сохраняющій всѣ признаки
внутренней тишины, свидѣтельствуютъ ясно, какова была сила души
поэта.

Примѣч. Издатель.

чилъ онъ въ Илингъ (Ealing), деревнѣ въ окрестностяхъ Лондона, откуда поступилъ въ училище Гарроу (Harrow), гдѣ пробылъ четыре года, учась вмѣстѣ съ Байрономъ, Пилемъ и другими лицами, прославившимися въ послѣдствіи. Директоромъ гарроускаго училища въ это время былъ докторъ Друри. Его отличныя способности оправданы были успѣхами многихъ знаменитыхъ учениковъ. Это тотъ самый Друри, который, увидя въ Девоншейрѣ игру Кина, постигъ высокій талантъ его, и доставилъ ему мѣсто актера на лондонскомъ театрѣ.

Изъ училища гарроускаго Прокторъ посланъ былъ въ городъ Кальнѣ, въ графствѣ уилтширскомъ, гдѣ поступилъ къ адвокату учиться правовѣдѣнію. Адвокатъ, по имени Атерстонъ, былъ достойный и свѣдущій человекъ. Черезъ четыре года Прокторъ отправился въ Лондонъ.

Во время пребыванія его въ Кальнѣ, многіе знаменитые литераторы жили въ окрестностяхъ этого города, въ числѣ ихъ были: Краббъ, Муръ и Боульсъ. Докторъ Пристлей занималъ домъ противъ того, гдѣ жилъ Атерстонъ. Кольриджъ занялъ послѣтъ самыя комнаты, гдѣ Прокторъ изучалъ юриспруденцію. Эти встрѣчи тѣмъ болѣе примѣчательны, что ни одинъ изъ сихъ знаменитыхъ людей не родился въ Кальнѣ, котораго самый видъ столь же мало можетъ назваться поэтическимъ, какъ литературнымъ или философскимъ.

Оставивъ Кальвъ и первыя мелочныя занятія , поэтъ вступилъ въ училище юрисконсультовъ. По увѣренію всѣхъ , это было *линкольнское училище*. И такъ онъ намѣренъ былъ продолжать изученіе юриспруденціи, но обстоятельства заставили его перемѣнить намѣреніе , и Прокторъ удовольствовался званіемъ только нотаріуса.

Драматическіе очерки , изданные подъ вымышленнымъ именемъ Барри Корнуалля, въ первый разъ напечатаны были въ 1815 году, а въ концѣ того же года онъ издалъ свою *Сицилійскую повѣсть*. Въ короткое время Барри Корнуалль сдѣлался любимцемъ публики. Содержаніе сей повѣсти взято изъ неистощимаго Декамерона, и развито очень удачно; но повѣсть носитъ отпечатокъ какой-то мрачности, впрочемъ непритворной или заимствованной , какъ это бываесть у другихъ писателей. Вообще думаютъ, что слабое здоровье сочинителя было причиною той грусти, которая разлита въ большей части его сочиненій, или, можетъ быть, онъ отъ природы такого расположенія. Въ 1820 году появилась его *Колонна Марція*. Въ этой поэмѣ завязка не такъ счастлива, какъ все исполненіе. Есть превосходныя мѣста въ самомъ высокомъ родѣ; описанія природы благородны; очерки любви блестятъ богатствомъ и живостію чувствъ. *Мирандола* есть одно изъ недавно изданныхъ имъ произведеній: оно вышло въ 1821 году и достойно прежней славы автора.

Образцы, по которымъ Барри Корнуалль создалъ поэтическій слогъ свой, находятся у старинныхъ англійскихъ поэтовъ. Онъ, кажется, съ особеннымъ вниманіемъ читалъ Бомонта и Флетчера, Вебстера, Декера, Марлоу, Масинджера и Мильтона. Онъ такъ глубоко изучалъ нѣкоторыя части произведеній ихъ, что даже увлекся невольнымъ подражаніемъ; это можно видѣть изъ его напечатанныхъ сочиненій.

Прокторъ (чтобы сказать что вѣбуть и о его наружности) невысокъ ростомъ. Его фізіономія исполнена кротости и выражаетъ то спокойствіе и ту меланхолію, которыя замѣтны въ его поэзіи; по лицу узнаешь доброту его сердца и любезный, хотя болѣе слабый, нежели мужественный характеръ. Онъ женатъ, и по необходимости болѣе долженъ посвящать времени домашнимъ занятіямъ. Отъ того вѣроятно онъ теперь такъ рѣдко является передъ публикою. Страница или двѣ въ *New Monthly Magazine*, и случайная дань въ какой-нибудь литературный альманахъ, вотъ все, въ чемъ публика, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, еще видитъ перо его.

Поэтическія произведенія Барри Корнуалля, какъ мы уже сказали, основаны совершенно на драматикахъ XVI вѣка, и все, что пишетъ онъ, глубоко проникнуто ихъ духомъ. Правда, что вы найдете у него мало ихъ энергій, но много ихъ прекраснаго характера, ихъ искусства возбуждать сильныя движенія въ слушателяхъ, много ихъ грусти, ихъ нѣж-

ной страсти. Барри Карнуаль предпочтительно изображаетъ болѣзненные чувства природы и людей, даже ея необузданныя заблужденія. Онъ какъ будто бонится высокаго совершенства чловѣческаго, и ищетъ наслажденія посреди грѣзъ безумной страсти, которая не есть слѣдствіе бѣдственной судьбы, но свойственна героизму его, родилась вмѣстѣ съ нею и составляетъ часть ея существованія. Можетъ быть, это предметъ не самый счастливый для поэзіи; нельзя впрочемъ не сознаться, что въ *Колоннѣ Марціа*, не оскорбляя чувствъ читателя и не измѣняя характеру своему, онъ такъ все обработалъ, какъ только можно лучше. Въ произведеніяхъ Барри Карнуалья есть мѣста, которые могутъ выдержать сравненіе съ отрывками вѣдхъ лучшихъ новѣйшихъ англійскихъ поэтовъ; надобно только читать такіа мѣста отдѣльно, безъ предшествующихъ и послѣдующихъ стиховъ. Въ нѣкоторыхъ пьесахъ своихъ поэтъ изображаетъ сцены спокойныхъ, созерцательныхъ, философическихъ ощущеній, которыя доставляютъ читателю величайшее удовольствіе, и въ себѣ заключаютъ чрезвычайную занимательность. Онъ, кажется, чувствуетъ все, что пишетъ, и потому нельзя не удивляться, какъ онъ въ своей тихой и спокойной поэзіи поддерживаетъ этотъ пламень, который охлаждается скоро у многихъ писателей. Перемены встрѣчаются у него рѣже, нежели у большей части современниковъ: онъ проходитъ свое поприще равномерно, сохраняя все единство милой красоты своей.

Барри Корнуэль не такъ счастливъ въ своихъ повѣстяхъ, или, лучше сказать, въ завязкахъ ихъ, какъ въ исполненіи подробностей. Дурно обдуманное безуміе героя въ *Колоннѣ Маріи* поражаетъ читателя, и не смотря на красоту описанія, представляется ему чѣмъ-то безвкуснымъ. Въ *Сицилійской повѣсти* завязка Бокаччіо: *Діего де-Монтелла*; это не ново. И такъ его достоинство состоитъ въ исполненіи картинъ. Здѣсь его совершенство. Сверхъ того онъ умѣетъ сохранять особенную оригинальность, не смотря на то, что по вліянію на него старинныхъ англійскихъ драматиковъ и можно бы его назвать подражательнымъ. Чарльсъ Ламбъ рабски списываетъ эти образцы, но Барри Корнуэль воскрешаетъ только духъ ихъ и красоты: онъ замѣтываетъ у нихъ только пріятность и чистоту ихъ мыслей. Въ *Мирандоль*, гдѣ пристрастіе къ прежнимъ драматикамъ должно быть еще замѣтнѣе по самому характеру поэмы, онъ сохраняетъ свою независимость также, какъ и въ другихъ произведеніяхъ.

Барри Корнуэль ничего не имѣетъ общаго въ произведеніяхъ съ современниками своими, и черты, отличающія его отъ нихъ, также ясны, какъ поэзія Байрона отличается отъ прозаическихъ рифмъ и гекзаметровъ Соутей. Корнуэль поэтъ точно также замѣтенъ, какъ и человѣкъ: нѣтъ никакой трудности, даже для чужеземца, у котораго предъ глазами его сочиненія, оцѣнить справедливо то и другое. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ поэтовъ Англіи ни одинъ не проходилъ своего, поприща такъ благородно, съ такою

честію и не пользовался такою довѣренностію, и не одинъ не показывать такъ мало самонадѣльности и не имѣть такъ много правъ на славу, какъ Барри Корнуаль. Вотъ его собственное предисловіе къ *Очеркамъ*.

«Сія *Очерки* написаны съ цѣлію испытать, какое дѣйствіе произведетъ образъ сочиненій, болѣе естественный того, который съ давняго времени господствуетъ въ нашей драматической литературѣ.

Я старался соединить поэтическія описанія съ выраженіями душевныхъ движеній; потомъ, гдѣ замѣтна борьба однихъ съ другими, я желалъ, чтобы первый уступалъ мѣсто послѣднимъ. По этому соображенію я осмѣлился оставить въ сочиненіи многія мѣста, занимательныя, можетъ быть, только потому, что представляютъ разговоръ людей.

Мнѣ замѣтять, можетъ быть, что многое въ сихъ *Очеркахъ*, касающееся до описаній, является въ видѣ чисто-поэтическомъ и вовсе не соответствуетъ картинамъ жизни въ обыкновенномъ ея образѣ. Въ такомъ случаѣ, осмѣливаюсь напомнить, что я заставляю говорить такимъ образомъ лица, которые существовали въ вѣкахъ, болѣе рыцарскихъ, нежели нашъ нынѣшній, существовали тогда, когда люди любили увлекаться весьма странными вымыслами.»

I.

ЛУДОВИКЪ СФОРЦА.

I'll close mine eyes,
And in a melancholy thought I'll frame
Her figure 'fore me. Now I have it—how strong
Imagination works! how she can frame
Things which are not! methinks she stands afore me.

WEBSTER.—*The White Devil*, act iii.

Я закрою глаза мои, и въ меланхолической думѣ предстану се образъ предъ собою. Вотъ она—какая удивительна сила воображенія! Какъ можетъ оно творить вещи, которыхъ нѣтъ! Мнѣ кажется, она стоитъ предо мною.

Векстеръ. *Блѣдный Дьяволъ*, дѣйст. iii.

Evad. Stay, sir, stay:
You are too hot, and I have brought you physic
To temper your high veins.
King. Thou dost not mean this; 't is impossible:
Thou art too sweet and gentle.
Evad. No, I am not.

BEAUMONT AND FLETCHER.—*The Maid's Tragedy*, act v.

Жадия. Остановись, государь, остановись: ты слишкомъ разгорячился; я принесла лекарство утишить волнующуюся кровь твою.

Король. Тебѣ не сдѣлать этого; не возможно: ты слишкомъ мила и кротка.

Жад. Нѣтъ, я не такова.

Бомонтъ и Флетчеръ. Трагедія: *Жадия*, дѣйст. v.

Сей очеркъ основанъ частью на происшествіи изъ итальянской исторіи. Лудовикъ Сфорца былъ дядя молодого миланскаго герцога и присутствовалъ на свадьбѣ его съ Изабеллою, внукою короля неаполитанскаго. Сфорца былъ пораженъ красотою Изабеллы, и полагаютъ, что онъ отравилъ племянника своего Галеаццо. Последняя сцена, происходившая спустя годъ, вымыслена.

ЯВЛЕНИЕ I.

Улица.

Герцогъ Медіоланскій, Лудовикъ Сфорца.

Герцогъ.

И эта гордая красавица была также непорочна, какъ прекрасна?

Сфорца.

Чиста какъ пламя на алтарь Діаны, мила какъ утро дня! О, она походила на тѣ свѣтлыя существа баснословной Греціи, которыя, родившись изъ стихій, увлекали смертныхъ любовію въ объятія свои. Никогда образъ болѣе прелестной не мелькалъ во снѣ поэта, Гурію ли представлялъ онъ, или воздушную Перу, или обѣтованіе райа, прославленнаго въ волшебныхъ повѣстяхъ Аравіи; никогда не были милѣе и тѣ существа, которыя съ звѣздныхъ міровъ внимательно смотрятъ на дѣла людей, и часто съ круговращающихся планетъ своихъ льютъ яркіе струи свѣта для исправленія или руководства своихъ любимцевъ. Ея голосъ былъ сладостенъ и полонъ гармоніи, былъ очарователенъ какъ далекіе звуки флейты, игриво носимые рѣзвыми вѣтерками Юномъ по душистымъ холмамъ и цвѣтникамъ.

Герцогъ.

Какъ? вы уже кончили, государь?

С Ф О Р Ц А.

Безумный юноша, еще ты не доволенъ? Хорошо, я могу говорить вѣчно. Шаги ея? Они были легки какъ Дианыны, когда прелестная богиня, смѣясь, скользитъ между своими веселыми нимфами, или когда, оставивъ прохладу свѣтлыхъ водъ и убѣгая отъ рѣзвыхъ орсэдъ, гоняющихся за нею, порхаетъ около дубовъ и сверкающихъ источниковъ. Чело ея, бѣлое какъ мраморъ Лоппъ, осыпалось косами волосъ, черныя крыла ворона; уста, достойныя поцѣлуя Юпитера, скрывали — какъ будто бы пылышками — въ благоуханномъ отверстіи своемъ бѣлыя зерна жемчуга, драгоцѣннѣшаго, нежели тогъ, которой Антоній приносилъ въ даръ Клеопатрѣ; глаза, на которые иногда позволялось смотрѣть, превосходили блескомъ своимъ глаза египетской царицы въ ту минуту, когда она на берегахъ Цидна гордо вплетала въ волосы свои драгоцѣнные каменья, стоявшіе каждый цѣлою областью, и повелѣвала Римлянину обожать себя.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

И она умерла?

(Изабелла показывается въ окнѣ.)

С Ф О Р Ц А.

Умерла, умерла. Но что это? прекрасное видѣніе!

Герцогъ.

Дядюшка, взгляните на нее, здѣсь!

Сфорца.

Какъ? развѣ могилы возвращаютъ своихъ обитателей? или мертвецы, обвитые саванами, имѣютъ власть, по волѣ своей, являться къ намъ, и принимать обыкновенный образъ свой, и снова получать отъ жаднаго червя тѣлесное вещество свое, его прекрасную добычу? Эго она: развѣ можетъ глазъ, зацвѣтшій пылью, заблестать снова, и развѣ можетъ смерть сорвать съ него переносчатый покровъ свой, однажды ею брошенный?

Герцогъ.

Государь!

Сфорца.

Слыхалъ я, и многіе вѣрятъ тому, что иногда душа, оставляя здѣсь темницу свою, бываетъ остановлена въ полетѣ своемъ, и получаетъ повелѣніе снова опуститься на землю, и дать жизнь и чувства какому нибудь грубѣйшему творенію; но это бываетъ въ наказаніе тѣхъ мрачныхъ душъ, которыя дурно исполнили здѣсь назначеніе свое: оно не для тебя, погибшей въ веснѣ дней, едва ли виновной въ малѣйшемъ проступкѣ. А! она исчезла!

(Изабелла отходитъ отъ окна.)

ГЕРЦОГЪ.

Это Изабелла.

СФОРЦА.

Не говори.

ГЕРЦОГЪ.

Я думалъ, государь, что вы видѣли портретъ ея.

СФОРЦА.

Да, да, я видѣлъ; нѣтъ, нѣтъ, я ошибся—никогда. Это насмѣшка смерти. И такъ, это невеста твоя, Галеаццо?

ГЕРЦОГЪ.

Да.

СФОРЦА.

Она прекрасна. Не нынче ты узналъ ее, а никогда не говорили о томъ?

ГЕРЦОГЪ.

Я молчалъ, потому что боялся соперниковъ.

СФОРЦА.

Довольно: дверь отворится.

(Входятъ: Изабелла съ своею свитою, Петръ де Медичи и другіе.)

ГЕРЦОГЪ.

Прелестная Изабелла! Успокоилась ли ты послѣ путешествія? Кажется, усталость пожалуй вредитъ тебѣ, и взоры твои, я вижу, сохранили весь блескъ для побѣдъ въ Медіоланѣ.

ИЗАБЕЛЛА.

Мой долгъ велитъ мнѣ заниматься только *одной* изъ нихъ.

ГЕРЦОГЪ.

А сердце?

ИЗАБЕЛЛА.

И —сердце также.

ГЕРЦОГЪ.

Конечно (*разговариваютъ между собою.*)

ДЕ-МЕДИЧИ.

Государь, государь!

СФОРЦА.

А! мой Де-Медичи! привѣтствую тебя.

ДЕ-МЕДИЧИ.

Благодарю, любезный Сфорца. Я думалъ, что ты не замѣтилъ меня. Всегда ли ты бываешь въ такомъ созерцательномъ расположеніи духа?

С Ф О Р Ц А.

О нѣтъ! Сегодня причиной тому прекрасная принцесса. Но племянникъ позабылъ обо мнѣ.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Любезный дядюшка, простите. Милая Изабелла, вотъ опекунъ мой — отецъ мой, надобно бы сказать; прошу тебя любить его.

С Ф О Р Ц А.

Лудовикъ Сфорца, принцесса, и рыцарь вашъ, если вамъ угодно будетъ назвать своимъ такого ничтожнаго.

И З А Б Е Л Л А.

Благодарю васъ, герцогъ.

Д Е - М Е Д И Ч И.

Это опасный человекъ, принцесса: я видѣлъ, съ какимъ изумленіемъ онъ смотрѣлъ на васъ.

С Ф О Р Ц А.

О, съ какимъ!

Д Е - М Е Д И Ч И.

Какъ будто бы онъ открылъ новую звезду, и былъ подъ вліяніемъ плащъ.

С Ф О Р Ц А.

Прошу тебя... Но принцесса еще не видѣла альповъ днемъ; обратите сюда глаза ваши, Изабелла. Посмотрите! мнѣ кажется, снѣговыя вершины ихъ ярко, блестятъ, какъ будто бы увидѣвъ солнце.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Даже горы привѣтствуютъ любовь мою, и все какъ будто бы дышетъ счастьемъ — всего же болѣе, сердце мое!

И З А Б Е Л Л А.

Осторожьте, милый: я боюсь, что ты избалуешь меня.

С Ф О Р Ц А.

Этотъ день похожъ на праздникъ въ природѣ, принцесса, и вы—царица его!

И З А Б Е Л Л А.

Ни слова болѣе.

Г Е Р Ц О Г Ъ.

Ни слова же. Теперь—теперь къ вѣнчанію: не красивый, Изабелла; клянусь этимъ голубымъ, такъ прекрасно сложеннымъ сводомъ небесъ: подъ нимъ ничего нѣтъ прелестнѣе тебя, моя милая, моя крохотная невѣста, и никого счастливѣе — герцога медіоланскаго! Пойдемъ.

СФОРЦА.

Я иду за вами. *(Они уходятъ.)*

Она ушла—и ночь настаетъ. Какъ! неужели мнѣ, въ мои лѣта, быть безумцемъ? и этотъ мальчикъ обманетъ своего опекуна! Ему' угодно теперь быть герцогомъ въ Медіоланѣ: нѣтъ, нѣтъ, это ужъ будетъ моя забота. О, какіе глаза! нельзя думать, чтобъ она спокойно жила здѣсь: взоръ ея говоритъ другое. Она будетъ управлять всѣмъ, а я.—Если бы я былъ теперь тотъ Лудовикъ Сфорца, который, лѣтъ двадцать тому назадъ, былъ увѣнчанъ во Флоренціи, можетъ быть, она полюбила бы меня. Прочь эта мысль — я безумствую на старости. Надъ чѣмъ одержу я побѣду — надъ любовью ли, или надъ честолюбіемъ моимъ? Но вѣдь здѣсь увлекаетъ меня и то и другое: куда—до этаго все равно! На крыльяхъ судьбы несусь я совершить дѣло важное — такъ кажется мнѣ; не буду спорить съ назначеніемъ моимъ! Подумаю о немъ.

(Уходитъ.)

СЦЕНА II.

(Колпата, здѣе приготовленъ пышный столъ съ кушаньями.)

Изабелла *(одна.)*

Время остановилось и позабыло свою обязанность. А я помню дни, когда оно летѣло! О, какъ

сладостны они были! Тогда я досадовала на быстроту его; а теперь — теперь я обливаю слезами крылья его. Какъ тяжело текутъ минуты! Можетъ ли онъ избавиться отъ меня? О, я почти желаю... а это не должно быть. Чу! чу! раздаются шаги. Это убійца, Сфорца. Теперь, сердце мое, собери силы твои и твердо соверши справедливое дѣло. Такъ.

Сфорца (входитъ.)

Любовь моя! о радость, божество мое! Я прихожу благодарить тебя за снисхожденіе. Не поздно-ли?

Изабелла.

О, нѣтъ, въ самую пору, государь.

Сфорца.

Однакожь ты печальна, моя Изабелла: позволь мнѣ надѣяться, что не случилось ничего дурнаго, ничего такого, что могло бы, прелестная, лишить меня твоего обѣщанія.

Изабелла.

О, будь увѣренъ въ немъ, государь. Душа моя — не перемѣнится. — О! ты задумался: ты упрекаешь меня за печаль мою, но я чувствовала сегодня какое-то уныніе. Чгобы развеселиться, буду думать о томъ, какъ бы достойно угостить тебя, государь.

Сфорца.

Это будетъ гораздо лучше, моя Изабелла.

ИЗABELLA.

Ты имѣешь право на все, государь: молва, разносима о тебѣ въ народѣ, такъ щедро осыпаетъ тебя хвалами, что каждое сердце *должно* пламенно желать принадлежать тебѣ. И даже я, вдова, еще не совсѣмъ позабывшая свои горести, и даже я здѣсь, я—сквозь слезы улыбаюсь тебѣ какъ солнцу апрѣля: но, государь, надобно какъ нибудь остановить твои вѣчныя побѣды въ любви, чтобы ты не слишкомъ гордился. Я должна сдѣлать это.

С Ф О Р Ц А.

Должна, должна, моя Изабелла.

ИЗABELLA.

Да, я сдѣлаю это. Ты будешь мой совершенно—до смерти. До сихъ поръ страданія мои еще были всѣ со мною: сердце мое истерзано ими. Ты утѣшишь, уладишь ихъ.

С Ф О Р Ц А.

Какимъ образомъ?

ИЗABELLA.

Мы найдемъ средство—нѣтъ, нѣтъ, не такъ свободно, государь; побѣдить меня надобно словами (хотя бы и пустыми), улыбками, клятвами (пусть для тебя притворными)—нѣжными взглядами и тонкимъ

ласкательствомъ. Начинай же, государь, говори мнѣ что нибудь! Я горю отъ нетерпѣнія.

Сфорца.

О, что скажу я! Ты такъ мила мнѣ, что слова мои покажутся обманомъ для многихъ. Люди говорятъ, что женщины, которыхъ описываютъ намъ поэты, были только тени, были только сны ихъ. Тоже скажутъ они и о тебѣ.

Изабелла.

О! государь, о мнѣ некому говорить.

Сфорца.

Но я хочу, чтобы сладчайшая поэзія воспѣвала твое; чтобы счастье передать намъ образъ твой ваятели считали и своею собственною честью и честью прелестнаго искусства ихъ; чтобы живописцы въ удачномъ вымыслѣ представили тебя и меня, моя любезная, тебя, склонившуюся ко мнѣ на руку. . .

Изабелла.

Счастливая мысль.

Сфорца.

И въ видѣ вѣнчанной Юноны; меня какъ Юпитера, въ одну изъ его лучшихъ, божественныхъ минутъ—въ томлѣніи любви подъ взоромъ твоимъ.

ИЗABELLA.

Эта царица небесъ была сварливая, государь, и я . . .

СФОРЦА.

И такъ, ты будешь въ видѣ той богини, которая въ древнихъ, неподражаемыхъ сказаніяхъ представлялась собирающею цвѣты на поляхъ Сициліи: о, она была прекраснымъ предвѣстіемъ тебѣ! Вокругъ тебѣ будутъ возвышаться долины, покрытыя мягкой травою, дремлющія въ лучахъ солнца; будутъ струиться голубые ручьи Сициліи; и зеленые лѣса, съ листочками, только что освѣщенными раннимъ утромъ, будутъ склоняться отъ вліянія тихаго западнаго вѣтра, какъ будто-бы приветствуя лучезарнаго Аполлона въ ту минуту, какъ онъ улыбаясь показывается съ востока. Еще что? Да! ты будешь стоять на колѣнахъ и рвать цвѣты и смотрѣть въ сторону, какъ будто бы прислушивалась къ чему-то, а я буду тамъ, въ видѣ бога, стремительно несущагося къ тебѣ, моя прелестная Прозерпина.

ИЗABELLA.

Дурная повѣсть.

СФОРЦА.

Какъ, милый?

ИЗABELLA.

Да вѣдь, поэтому, ты возмешь меня въ адъ съ собой? Прости мнѣ, государь, я больна. Приди, сдѣлай честь столу моему и вкуси чтонибудь изъ моего бѣднаго угощенія.

СФОРЦА.

Охотно.

ИЗABELLA.

Мы будемъ одни.

СФОРЦА.

Тѣмъ лучше. (*Садятся за столъ*). Я не голоденъ, но буду пить здоровье твое, владычица моя!

ИЗABELLA.

Это вино удивительно, государь, и — подобно тѣмъ каплямъ, которыхъ пьютъ философы и называютъ элексиромъ жизни — оно сдѣластъ тебя бессмертнымъ.

СФОРЦА.

Дай же мнѣ его, прекрасная! Пусть не знаешь ты никогда ни одного часа грусти!

ИЗABELLA.

А! остановись, остановись — потише, подожди.

С Ф О Р Ц А.

Какъ, отъ чего?

ИЗ А Б Е Л Л А.

Но... развѣ, развѣ ты будешь пить безъ мепя? Не стыдно ли? Посмотри на этотъ плодъ: старый, морской капитанъ, объѣздившій кругомъ весь свѣтъ, привезъ со мнѣ съ индѣйскихъ острововъ: жители ихъ поклоняются ему, какъ божеству. Посмотри.

С Ф О Р Ц А.

Онъ сладокъ вкусомъ. Покойный племянникъ мой любилъ какой-то плодъ, похожій на этотъ.

ИЗ А Б Е Л Л А *(въ сторону)*.

Благодарю васъ, духи мести! Теперь пора вкусить безсмертнаго вина, государь, и выпить въ честь купидона.

С Ф О Р Ц А.

Такъ, купидона. Это былъ хитрый богъ: онъ по-мрачалъ глаза людей; объ этомъ мило рассказано въ баснѣ. Но мои глаза—не смотря на всю любовь мою—свѣтлы какъ глаза стойка. О!

ИЗ А Б Е Л Л А.

Что! что такое, государь?

СОВРЕМЕН. 1857, № 4.

7

С Ф О Р Ц А.

Вино очень холодно.

ИЗ А В Е Л Л А.

Оно скоро покажется тебе горячее. Говорить, что оно согревает сердце. Вчера я читала объ одномъ старикѣ, поэтѣ греческомъ, который посвящалъ всю жизнь свою вину и умеръ отъ винограда: вѣдь это справедливо, кажется.

С Ф О Р Ц А.

Да. Это вино. . . .

ИЗ А В Е Л Л А.

А сколько рассказываютъ повѣстей о людяхъ, которыхъ безчестная жизнь имѣла безчестный конецъ: я думаю, что кровожадный убійца всегда умираетъ также отъ убійства, а изменникъ отъ измены. Тотъ, кто губилъ сироту, приходилъ и самъ въ бѣдность: таково опредѣленіе великаго Творца и правосудія! Такъ сцена злодѣйства обращается на дѣйствующаго въ ней; такъ черныя мысли возстаютъ и разрушаютъ планы злѣрскихъ изобрѣтателей; такъ —
лѣдъ дается за лѣдъ.

С Ф О Р Ц А.

О сердце мое!

ИЗABELLA.

Что, развѣ вино все еще также холодно, государь?

СФОРЦА.

О! я горю. Воды! я горю отъ жажды. О! что это значить?

ИЗABELLA.

Ты блѣдень, государь: я позову на помощь. Люди!

(Слуги входятъ).

ИЗABELLA.

Привлжите этого человѣка къ мѣсту его.

СФОРЦА.

Вѣроломная.

ИЗABELLA.

Довольно. Выдѣте *(Слуги уходятъ)*. Государь, я не буду обманывать тебя: ты выпилъ такое питье, которое отравитъ тебя отъ насъ.

СФОРЦА.

Сердце мое, сердце мое! Злодѣйка! Я слабѣю, слабѣю—ахъ!

ИЗABELLA.

Я хотѣла легче совершить правосъдіе свое, но невозможно было. Я чувствовала, что ты долженъ умереть для меня, для сына моего, для Медіолана. Ты *убійца* супруга моего. Не устремляй на меня глазъ своихъ: это грустная истина. Ты завладѣлъ первымъ мѣстомъ въ герцогствѣ, и повергъ во прахъ все права моего ребенка. Что скажешь на это? Не опровергнешь ли словъ моихъ? пока еще есть время, отвѣчай мнѣ.

(Сфорца умираетъ).

Ты молчишь. И такъ, ты осужденъ навѣкъ. Мнѣ почти жаль видѣть у тебя такой мраморный взглядъ. Ахъ! эта шея, носившая цѣпь герцога, это голова, украшавшаяся короной, окостенѣли теперь; а еще такъ недавно мускулы ихъ двигались, отдавая приказанія рабамъ. Глаза его неподвижны. Какъ походить онъ теперь на тѣ страшные образы, сидящіе въ каменной бѣлизнѣ своей на гробницахъ, памятникахъ холодныхъ обитателей ихъ! Говори! развѣ ты окаменѣлъ? Что можешь ты сказать въ свое оправданіе, государь? Отврати отъ меня глаза свои злодѣй! какъ смѣешь ты смотрѣть на меня? Ты не будешь болѣе влюбленъ. Прочь: развѣ я должна разбудить тебя? Какъ лѣниво повисли руки его! Отврати отъ меня глаза. Не смѣю прикоснуться къ нему—однакожъ надобно. А! онъ умеръ—умеръ. И отъ меня! Благія небеса! простите меня; я горестная вдова, я мать: для сына моего я сдѣлала это. Я не родилась жестокою, но этотъ убійца немилостиво

сердно преслѣдовать насъ; онъ вырвалъ бы у меня милаго щенца моего: а у меня онъ одинъ только — чтожь было дѣлать? Другаго спасенія не было, и кровь пошла за кровь.

II.

ЛЮБОВЬ ИЗЛЕЧЕННАЯ СНИСХОЖДЕНІЕМЪ.

Areth. T is a pretty sad-talking boy, is it not?

Bellario, thou canst sing and play?

Bell. If grief will give me leave.

Areth. Alas! what kind of grief can thy years know?

Thy brows and cheeks are smooth as waters be

When no breath troubles them

BEAUMONT AND FLETCHER.—*Philaster.*

Арсо. Это милый, печально-поющий мальчикъ, не такъ ли? Белларіо, ты можешь намъ спѣть и сыграть?

Белл. Если горестъ позволить мнѣ это.

Арсо. О! какую горестъ могутъ знать твои годы? Чело и щеки твои еще такъ гладки, какъ бывасть вода, поколеблемая ни однимъ дуновеніемъ вѣтра.

Бомонтъ и Флетчеръ.—*Филистеръ.*

It were all one,

That I should love a bright particular star,

And think to wed it, he is so above me.

In his bright radiance and collateral light

Must I be comforted, not in his sphere.

All's Well that Ends Well.

Это было бы тоже, какъ если бы я полюбилъ звезду свѣтлую, особенно прекрасную, и думать назвать ее *своею*, не смотря на то, что она горитъ такъ высоко надо мною. Я долженъ быть счастливъ въ сѣ лучезарномъ блескѣ и далекомъ сіяніи, а не въ сферѣ ея.

Конецъ вытаетъ дѣло.

Сей Очеркъ основанъ частію на повѣсти изъ Боккачіо.

СЦЕНА I.

Зала пишества.

Донъ Педро, избранный король Сициліи и
придворные.

Донъ Педро.

Наполните кубки: мы вынемъ въ честь красоты.
Въ свою очередь, я называю царицу. Сюда—но
Салерно не пьеть.

Первый придворный.

Пью, государь, взгляните!

Донъ Педро.

Хорошо. «Здоровье королевы неаполитанской!»
Пусть обойдетъ кругомъ этотъ заздравный кубокъ.

Всѣ.

Здоровье королевы неаполитанской!

Первый придворный.

Она въ самомъ дѣлѣ прекрасна: ваше величество,
нельзя спорить съ вашимъ вкусомъ.

Донъ Педро.

Надѣюсь, что нельзя: никто не можетъ отказаться
отъ кубка, въ честь женщины, хотя бы она и

не была совершенствомъ. Господа! въ моей землѣ, романической Испаніи, хвалы расточаются всеѣмъ женщинамъ, и никому съ обидою другаго. Дурно, неблагородно затѣмъ говорить о прелестяхъ одной женщины, чтобы намекнуть на недостатки другой.

Первый придворный.

Конечно, государь.

Донъ Педро.

И такъ, не будемъ говорить, что уста красавицы нашей походятъ на прекрасный лукъ купидона, тогда, когда можетъ слышать это другая, у которой они не такъ прелестны. Не будемъ клясться, что черные глаза несравненны, потому только, что ими плѣняетъ насъ милая наша; подруга ея, можетъ быть, точно также прелестна голубыми глазами, какъ она черными. Но гдѣ нашъ молодой Пинолигъ? Позовите его, а между тѣмъ, Джуліо, мы будемъ пить въ честь твоей красавицы. Кто она, говори!

Второй придворный.

Прекрасная Лизана!

Всѣ.

Лизана!

Донъ Педро.

Прекрасная Лизана! Кто же она?

Второй придворный.

Бѣдная дѣвушка. Но всѣ господа наши клянутся, что она Венера, и — не знаю кто. Кажется, дочь художника.

Первый придворный.

Такъ точно, и говоря поистинѣ прекрасна! Вотъ онъ идетъ.

Ипполитъ *(сходя)*.

Государь!

Донъ Педро.

Мы только что говорили о тебѣ. Подойди поближе: отъ чего тебя здѣсь не было?

Ипполитъ.

Государь, мнѣ нельзя было притти ранѣе.

Донъ Педро.

Отъ чего же?

Ипполитъ.

О государь! вы другъ красоты: и такъ не станете болѣе спрашивать меня.

Донъ Педро.

Ты правъ; наливай же полнѣе. Господа, здоровье прекрасной Ипполиты: вѣрно она скоро будетъ называться такъ.

И п п о л и т ь.

Если вамъ угодно пить здоровье той милой дѣвушки, которую я сейчасъ видѣлъ, то пусть будетъ известно ея имя: ее зовутъ Лизаной. Здоровье прелестной Лизаны!

Д о н ь П е д р о.

Мы уже пили здоровье ея.

И п п о л и т ь.

Вышейте еще разъ, государь; вы не найдете ей подобной во всей Сициліи вашей, не смотря на то, что она теперь таеь въ болѣзнь. Надмогильное существованіе ея едва можно назвать жизнью: она любить, и любовь ея есть почти отчаяніе.

Д о н ь П е д р о.

Какъ? и любезный ея не знаетъ этаго?

И п п о л и т ь.

Нѣтъ! она спокойно переноситъ свои страданія. Наконецъ я рѣшился тронуть сердце ваше, государь.

Д о н ь П е д р о.

Ты умѣешь сдѣлать это: я уже другъ ей.

И п п о л и т ь.

Описать ли вамъ, по привычкѣ моей, стихами прелестный образъ ея? Потомъ вы узнаете повѣсть любви ея.

Донъ Педро.

Берегись, стихи не ведутъ къ сердцу, и страсть никогда, или по крайней мѣрѣ рѣдко выражается рифмами. Но впрочемъ свой намъ нѣсно свою.

Ипполитъ.

Тихо лежитъ теперь на подушкѣ своей больная любовно дѣвушка. И если бы по временамъ не являлось на чель ея трепетнаго бѣшенія пульса (какъ будто силы сердца въ жестокой борьбѣ съ смертію перелстаютъ въ ней отъ одного мѣста къ другому), вы могли бы не знать, жива ли она; но вечерамъ только прокрадывается на щеки ея легкій румянецъ, похожій на нѣжный цвѣтъ плодоноснаго дерева, или на тотъ прелестный оттѣнокъ, котораго мы съ такимъ любовнытствомъ ищемъ въ груди молодой бѣлой розы.

О, если бы любовь спасла отъ смерти эту милую дѣвушку! Она лежитъ какъ увядающая лилія, которая простираетъ по воздуху бѣлые листочки свои, чтобъ еще разъ согрѣть ихъ на лѣтнемъ солнышкѣ. Она любитъ, томится, исчезаетъ отъ насъ, и можетъ скончаться прежде, нежели протечетъ одна ночь. О, неужели въ Сициліи нашей есть такое холодное сердце, которое никогда не заволнуется отвѣтомъ на бѣшеніе ея сердца? Она любитъ юношу благороднаго, царственнаго — замѣтьте это—юношу храбраго; но, можетъ быть, онъ нѣсколько разъ проходилъ мимо нея, и никогда не замѣчать нѣжной красавицы, обожасмой нами; или, если глаза его и

склонялись на нее во время какого нибудь веселаго праздника или шумнаго турнира, то вѣрно безъ намѣренія: горделивый, огненный взоръ его заставлялъ молчать навѣки блѣдную дѣвушку.

Д. ПЕДРО.

Я не помню его.

ИППОЛИТЪ.

Государь!

Д. ПЕДРО.

Я говорю, что этотъ юноша съ ужаснымъ взоромъ. . .

ИППОЛИТЪ.

Онъ не таковъ, ваше величество!

Д. ПЕДРО.

Кто онъ? ты говоришь, что онъ царской крови. Если улыбка или нѣсколько ласковыхъ словъ сдѣлаютъ добро этой бѣдной дѣвушкѣ, то клянусь, она не будетъ имѣть въ нихъ недостатка.

ИППОЛИТЪ.

Не будетъ? Я берусь за это слово ваше, государь: склонитесь ко мнѣ и слушайте: этотъ великій человекъ—но не возбужу ли я вашего негодованія?

Д. ПЕДРО.

Перестань, и говори.

И П П О Л И Т Ъ.

И такъ, онъ—Донъ-Педро, принцъ Аррагоній, и недавно избранный король Сициліи.

Д. ПЕДРО.

Ипполитъ! правда ли это? или ты думаешь, что сердце мое будетъ благодарить тебя, если расскажешь твоей выдуманъ?

И П П О Л И Т Ъ.

Онъ справедливъ точно такъ, какъ моя вѣрность къ вамъ, государь.

Д. ПЕДРО.

Конецъ собранію нашему, или—лучше — Джуліо, угощай вмѣсто меня: мнѣ надобно отлучиться на нѣсколько часовъ. Смотри же, представляй хозяина, какъ будто государь дома.

ВТОРОЙ ПРИДВОРНЫЙ.

Повинуюсь вамъ, государь.

Д. ПЕДРО.

Пойдемъ же.

И П П О Л И Т Ъ.

Одно слово, государь. Я слышалъ, кажется, что вы любите принцессу австрійскую?

Д. П Е Д Р О.

Да, люблю всѣмъ сердцемъ.

И П П О Л И Т Ъ.

И такъ, вы не погубите этой прелестной дѣвушки. Она ослѣплена теперь — (она любить васъ)—и вы такъ добры, что не пожелаете повредить ей; можете быть, есть сердце, любящее ее съ такою же нѣжностію, какъ любите вы вашу благородную даму.

Д. П Е Д Р О.

Что значить это?

И П П О Л И Т Ъ.

Государь, я желаю, чтобы она была счастлива, да—ничего болѣе, какъ только—счастлива, государь.

Д. П Е Д Р О.

Ипполитъ, ты поступилъ дурно съ тѣмъ, кого называлъ другомъ своимъ: ты не рѣшасишься ввѣряться мнѣ. Давно уже ты любишь эту дѣвушку?

Ипполитъ.

Государь!

Д. Педро.

Я ожидаю твоего отвѣта.

Ипполитъ.

Я...

Д. Педро.

Давно ли ты любишь эту прекрасную дѣвушку?

Ипполитъ.

О! всю жизнь мою, государь.

Д. Педро.

Это продолжительная любовь, можно сказать по правдѣ. Но пойдемъ со мною, показывай мнѣ дорогу и въ это время расскажи мнѣ о любви своей. Когда же мы придемъ туда, то ты скажешь, что одинъ изъ придворныхъ, отъ имени короля, пришелъ видѣть Лизану, или что нибудь похожее на это. Я долженъ говорить ласково, но, добрый юноша, ты не будешь страдать за эту причудливую прихоть дѣвушки. Я буду за тебя ходатаемъ.

Ипполитъ.

Государь, государь! о какъ сердце мое благодарить васъ!

Д. ПЕДРО.

Поѣдемъ же.

СЦЕНА II.

С п а л ь н а.

Лизана и мать ея.

Лизана.

Матушка, какъ зовутъ этаго знатнаго господина, который пришелъ навѣстить меня? Странно. Если бы смѣлъ подумать—однакожь посмотримъ его, вѣдь—что еще страшнѣе—вѣдь король прислалъ его сюда! Слышала ли ты это, милая матушка, вѣдь король прислалъ его видѣть твою блѣдную Лизану—король...

М а т ь.

Я знаю это.

Лизана.

Не правда ли, что это очень милостиво?

М а т ь.

Да, это показывать много доброты.

Лизана.

Да, очень, *очень* много: ты не чувствуешь, какъ добръ король. Что сдѣлала ему я, я, немнѣющая никакого достоинства!

М а т ь.

Полно, дитя мое. Король, можетъ быть, слышалъ о красотѣ твоей.

Л и з а н а.

О матушка!

М а т ь.

Да отъ чего же бы и не такъ? Я увѣрена, что стихи, * записанные о тебѣ, дошли до двора.

Л и з а н а.

Перестань, матушка.

М а т ь.

Можетъ быть, Ипполитъ....

Л и з а н а.

Что, что?

М а т ь.

Я сказала....

Л и з а н а.

Слышала, матушка, слышала. О! теперь я понимаю, какъ узналъ король о моемъ безуміи. Никогда не буду я въ состояніи взглянуть прямо въ глаза этому посланному отъ него. Не хорошо, не дружески поступилъ Ипполитъ: зачѣмъ бѣлю ему (онъ выросъ

вмѣстѣ со мною какъ братъ) измѣнять мой тай-
нѣ! Стыдно, стыдно ему!

М а т ь.

Ты должна быть теперь веселѣе, милая. Мы покажемъ двору, что не тамъ только живутъ красавицы.

(*Донъ Педро входитъ*).

Л и з а н а.

Онъ идетъ: тише!—Ахъ, это король!

М а т ь.

Лизана!—Эта слабость часто случается съ дочерью моею: не безпокойгесь, добрый господинъ. Лизана! открой глаза, дитя мое; король прислалъ къ тебѣ одного изъ своихъ придворныхъ.

Л и з а н а.

Государь, добрый государь! Слабость моя не допускаетъ меня преклонить колѣна и благодарить васъ какъ должно.

Д. П е д р о.

Что это значитъ?

Л и з а н а.

О, государь, неужели вы думаете, что я не узнаю васъ! Да, я знаю даже и то, отъ чего проис-

текаетъ ваше благородное снисхожденіе: вы видѣли брата моего (или не брата, подобно брату любящаго меня) молодого Ниполита.

Д. П е д р о.

Опѣ здѣсь теперь. Добрая госпожа, вы оставите меня на нѣсколько минутъ одного съ вашею дочерью?

М а т ь.

Конечно, государь.

Л и з а н а.

Ниполитъ здѣсь: милая матушка, поди къ нему и узнай, прошло ли его уныніе.

(Мать уходитъ).

Д. П е д р о.

Прелестная Лизана! ты должна вылечить его, если я не ошибаюсь. Лизана, я слышалъ (правда ли это, не знаю) что ты... нѣтъ, нѣтъ, не красный.

Л и з а н а.

Государь, смущеніе мое. . .

Д. П е д р о.

Милая, простодушная дѣвушка.

Лизана.

Правда, я не имѣю никакихъ извиненій: по Имполитъ не долженъ былъ дѣлать этого.

Д. Педро.

Ты имѣешь причину любить его: чтожь до меня...

Лизана.

Знаю, государь; я безумна.

Д. Педро.

Я долженъ улыбаться этому, Лизана!

Лизана.

О, не смѣйтесь надо мною!

Д. Педро.

Смѣяться надъ тобою? Зачѣмъ?

Лизана.

Государь, я, бѣдная дѣвушка, была слишкомъ смѣла; я знала еще вѣремя (и что такъ увеличиваетъ вину мою) все неизмѣримое, ужасное пространство, раздѣляющее меня съ тропомъ. Вы были государемъ, я не болѣе, какъ бѣдной поселенкой Сициліи. Иногда я удивляюсь какъ могло сердце мое вознестись такъ высоко; но любовь не смотритъ на различіе состояній!

Д. Педро.

Благодарю тебя за любовь твою.

Лизана.

Государь!

Д. Педро.

Милая дѣвушка, сердце мое благодарить за твои чувства; я долженъ быть твоимъ рыцаремъ, прекрасная Лизана, и горе дерзкому, который осмѣлится показать неуваженіе къ цвѣтамъ твоимъ: я буду носить ихъ. Пусть они состоятъ изъ бѣлаго, подобнаго дѣвической чистотѣ твоей, и румянца розы: онъ покажетъ, что сердце твое также пламенно, какъ непорочно (*улыбается*).

Лизана.

О добрый государь!

Д. Педро.

Лизана.

Лизана.

О *милый* король мой (да позволено мнѣ будетъ одинъ разъ въ жизни дать это сладостное названіе государю моему)! Вы совершили дѣло, которое заставитъ всѣхъ уважать, заставить всѣхъ любить васъ. Я уже чувствую себя излеченною. Ваше величество, когда вы изберете себѣ невѣсту изъ дома знаменитаго, чтобы украсить тронъ вашъ и придать прелесть жизни вашей; вы можете безъ страха сказать ей, что одна молодая Сициліянка все

еще любить васъ, но съ такимъ благодарнымъ, съ такимъ смиреннымъ чувствомъ, что никогда не будетъ опасною для любви ея.

Д. Пед ро.

Если я буду имѣть когда нибудь жену, то она научится любить тебя, милая дѣвушка, и она будетъ также благодарна за твою незаслуженную любовь.

Лиза п а.

О, не говорите такъ, государь; нѣтъ, нѣтъ, не незаслуженную—но я не скажу всего, что могла бы сказать.... отъхъ похвалахъ, какія расточаетъ страна наша королю своему: вы слышите это отъ многихъ.

Д. Пед ро.

Но ни отъ кого такъ пріятно, какъ отъ тебя, Лизана.

Лиза н а.

О! вы скоро научите меня льстить, государь: но простите, я говорю очень смѣло.

Д. Пед ро.

Продолжай, продолжай, я остановлю тебя поцелуемъ, когда ты заговоришься слишкомъ, но этотъ поцалуй будетъ такой, какой бы далъ тебѣ братъ

твой. Поговоримъ о лучшемъ предметѣ. Выслушай меня. Этотъ грустный юноша, Лизана, который со дня смерти своей матери, кажется, томится въ болезни—добръ? не правда ли?

Л и з а н а.

О, да! но иногда онъ вдругъ убѣгаетъ отъ меня и говорить такъ странно со мною, и недавно, даже такъ огорчительно для меня!

Д. П е д р о.

Это одна изъ слабостей любви, моя милая. Это хитрое усиліе ума, старающагося разсѣять глубокое чувство словами, совершенно противоположными ему: и это дѣлается въ надеждѣ показать себя любимому сердцу—менѣе достойнымъ любви. Но я имѣю порученіе, Лизана. Слушай: Исполни любовь—тебѣ.

Л и з а н а.

Государь!

Д. П е д р о.

Но въ то время, когда сердце его такъ сильно билось, онъ слышалъ, что ты любишь другаго. Чтожь сдѣлалъ онъ тогда? Онъ расказалъ государю повѣсть любви твоей (твоей прекрасной, нѣжной любви, милая дѣвушка) и такимъ образомъ пожертвовалъ собою.

Лизана.

Ахъ!

Д. Педро.

Однакожь онъ заслуживаетъ что нибудь: если бы я былъ на твоёмъ мѣстѣ, я отблагодарилъ бы его за это сердцемъ своимъ.

Лизана.

Государь—мое сердце!

Д. Педро.

Это единственный даръ, какого онъ можетъ пожелать, исключая, можетъ быть, тѣхъ, какіе я заставлю его принять съ этихъ перъ отъ меня. Подумай, Лизана, что этотъ молодой человекъ можетъ умереть, если ты не поможешь и не спасешь его. Говори! ты смотришь сомнительно: это будетъ благородное дѣло; я буду любить обоихъ васъ и помогать вамъ; говори же, Лизана!

Лизана (*полотнось*).

Государь, пусть будетъ такъ.

Д. Педро.

И будь увѣрена (охотно бы желать я неговорить объ этомъ), будь увѣрена, что сердце твое подлѣ его сердца не будетъ дрожать отъ холода; оно будетъ принадлежать ему во всей чистотѣ и полно-

тъ своей, исключая той частицы его, которую требую удѣлить для дружбы моей.

Лизана.

Вы даёте мнѣ прекрасный урокъ, и я благодарна вамъ. Страсть, увлекавшая меня къ вашему величеству, еще существуетъ, но такъ ограничена вашимъ милостивымъ снисхожденіемъ, что дѣлается совершенно различною отъ того, чего требуетъ Ипполитъ. Я буду любить его, какъ супруга моего — васъ, какъ благороднѣйшаго изъ друзей моихъ.

Д. Педро.

Довольно. Войди, Ипполитъ. Я говорю тебѣ.
(Ипполитъ входитъ).

Д. Педро.

Приблизься. Я не скажу ни слова; Лизана скажетъ тебѣ все, что желаешь ты слышать.

Лизана.

Подойди же ближе, любезный Ипполитъ. Будь счастливъ, если сердце мое можетъ сдѣлать тебя счастливымъ.

Д. Педро.

О милая дѣвушка, день твоей свадьбы будетъ днемъ моего коронованія!

III.

СРЕДСТВО ПОБЪЖДАТЬ.

Hamlet. I have heard

That guilty creatures sitting at a play
Have, by the very cunning of the scene,
Been struck, so to the soul, that presently
They have proclaimed their malefactions.

Hamlet.

Гамлетъ. Я слыхалъ, будто преступники, смотря на трагедію, бывали иногда такъ до души поражены лучшими мѣстами представленія, что въ ту же минуту признавались въ преступленіи.

Гамлетъ.

Job. He gave him first his breeding;
Then shower'd his bounties on him like the Hours,
That, open-handed, sit upon the clouds,
And press the liberality of heaven
Down to the laps of thankful men.

Ben Johnson.—*New Inn.*

Job. Сначала онъ воспиталъ его; потомъ, какъ Часы съ отверстыми руками сидящія на облакахъ и рассыпающіе щедроты небесъ на благодарныхъ людей, онъ осыпалъ его благодѣяніями.

Повѣсть, похожая на сей Очеркъ, разсказывается объ одномъ изъ герцоговъ гизскихъ.

С Ц Е Н А.

Комната во дворцѣ.

Принцъ, Цезаріо.

Ц Е З А Р І О.

Ваша свѣтлость изволила посылать за мною.

П р и н ц ѣ.

Да, садитесь, любезный Цезаріо. Вы, кажется, нездоровы.

Ц Е З А Р І О.

Нѣтъ, государь.

П р и н ц ѣ.

Вы были недавно на праздникѣ: я знаю это, вы пировали у графа Вителли, а пиры его продолжаются до поздней ночи. Берегитесь: здоровье ваше можетъ пострадать отъ того.

Ц Е З А Р І О.

Вамъ угодно было, государь, говорить со мною о такомъ дѣлѣ, которое требуетъ скорого исполненія?

П р и н ц ѣ.

Нѣтъ, не очень.

Ц Е З А Р І О.

И такъ я могу явиться къ вамъ завтра.

П р и н ц ъ .

Итъ, поговоримъ сегодня, если вы уже здѣсь. Цезаріо, я хотѣлъ разспросить тебя о томъ молодомъ человѣкѣ, который живетъ съ добрымъ, старымъ судьёю Колониною. Вѣдь онъ чужестранецъ здѣсь?

Ц Е З А Р І О .

Такъ точно, государь; его зовутъ Педро, итъ, Діего, родомъ изъ Мадрита: онъ хорошо знаетъ языки, происходитъ отъ древней, благородной фамилии, кажется, изъ дома Меднискаго.

П р и н ц ъ .

Въ самомъ дѣлѣ? И такъ ты хорошо знаешь его?

Ц Е З А Р І О .

Итъ, государь, и я стыжусь, говоря это.

П р и н ц ъ .

Какъ ты думаешь, честенъ ли этотъ молодой человѣкъ?

Ц Е З А Р І О .

Честенъ ли? О, конечно, или я очень обманываюсь.

П р и н ц ъ .

Такъ онъ не былъ предателемъ твоего дяди, какъ говорили мнѣ?

ЦЕЗАРІО.

Нѣтъ, государь, онъ не могъ быть такъ низокъ: дядя мой былъ его первымъ и лучшимъ другомъ.

П р и н ц ѣ.

Я не думалъ, чтобы свѣтъ былъ такъ золъ. Теперь будь внимателенъ, Цезаріо, и ты услышишь странную повѣсть. Въ прошедшую ночь человѣкъ въ маскѣ вошелъ въ домъ богатаго вельможи, здѣсь въ Палермо. Слышишь ли, какъ рокошетъ Этна? Я боюсь, что скоро будетъ изверженіе.

ЦЕЗАРІО.

Точно, государь, эти звуки ужасны.

П р и н ц ѣ.

Пришлецъ молилъ о жизни своей. Онъ говорилъ, что покаялся совершивъ ужасное дѣло и пришелъ открыть его. Великій-Судья (его жизнь была въ опасности) обѣщаль полное прощеніе. Но ты не слушаешь меня...

ЦЕЗАРІО.

О, нѣтъ, ваша свѣтлость, напротивъ того, очень внимательно.

П р и н ц ѣ.

И такъ онъ открылъ, что юноша, котораго знаменитый старецъ осыпалъ богатствами и милостя-

ми, которому внушалъ всѣ добрыя наставленія, забывъ лучшіе совѣты его, былъ глухъ къ тѣмъ божественнымъ словамъ, какія душа шепотомъ говорить намъ для предостереженія отъ ошибокъ. Онъ рѣшился убить своего благодѣтеля: это ужасно.

ЦЕЗАРІО.

О! онъ заслуживаетъ...

ПРИНЦЪ.

Мы поговоримъ объ этомъ послѣ. И такъ этотъ человѣкъ, осквернившій сердце свое гнуснѣйшимъ изъ пороковъ—неблагодарностью, поклялся умертвить своего друга.

ЦЕЗАРІО.

Государь!

ПРИНЦЪ.

Тебѣ это невѣроятно? Да, для золота онъ убилъ бы стараго и вѣрнаго друга; для золота онъ повлекъ бы по землѣ немногіе сѣдые волосы его, которые поцѣдило время, остановилъ бы теченіе благородной крови его, которая и безъ того не могла бы долго обращаться.

ЦЕЗАРІО.

Увѣрены ли вы во всемъ этомъ?

П р и н ц ъ.

Вотъ какъ устроилъ быть заговоръ: умертвить здѣсь было бы опасно — и для того его связали бы и перевезли въ мѣсто, болѣе уединенное.

Ц Е З А Р І О.

Куда же, куда?

П р и н ц ъ.

Скажу тебѣ, куда, потому что однажды буря загнала меня самого туда же. На морскомъ берегу, противъ Калабринъ, есть замокъ, почти обратившійся теперь въ развалины; говорятъ, что когда-то совершено было тамъ убійство, и съ тѣхъ поръ онъ необитаемъ. Онъ тусклъ и блѣденъ цвѣтомъ, стоитъ на скалѣ, которой основаніе изрыто въ пещеры дикими морями вѣковъ протекшихъ. Вѣтры стонутъ и завываютъ по переходамъ ихъ; горный орелъ вьетъ тамъ гнѣздо свое. Но все это необитаемо: и на обширномъ пространствѣ окрестностей нѣтъ ни одной хижины.

Ц Е З А Р І О.

Это около восточной стороны Этны?

П р и н ц ъ.

О, такъ ты знаешь и мѣсто. Теперь, любезный Цезаріо, какъ ты думаешь, могъ ли бы тамъ чело-вѣкъ, разорвѣвшій всѣ связи, соединившій его съ

людьми, совершить преступленіе? И въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ Эгны! Назадъ тому не болѣе тридцати лѣтъ (въ последнее изверженіе), когда рѣки лавы текли къ тому мѣсту, этотъ замокъ былъ въ опасности. Я былъ тогда далеко отсюда, и видѣлъ, какъ лились огненные ручьи, какъ обращали они въ пенелъ и орѣховыя рощи, и темныя сосны и вѣтвистыя дубы. Громъ гремѣлъ, бурныя волны вздымались, шумно били въ скалы и наполняли грознымъ ревомъ своимъ каждую впадину. Всѣ стихіи были въ это время въ движеніи: земля колебалась и извергала пламя; вѣтры, море и сильный дождь шумѣли; молніи, какъ посланницы бѣдствій, струились, то здѣсь, то тамъ, зубчатымъ путемъ своимъ. . . .

ЦЕЗАРІО.

О! довольно.

ПРИНЦЪ.

Вообрази же, Цезаріо, какую картину представить бы несчастный старикъ въ этомъ плачевномъ замкѣ! Вообрази, что ты видишь его предъ собою, освѣщеннаго уединенною лампою. Бѣлые волосы его обгренны кровью; въ глазахъ ужасная неподвижность мертвеца; на устахъ мраморная, никогда уже неизмѣняющаяся, только одной смерти принадлежащая улыбка; голова его повисла, шел не гнется; старое, любящее сердце его, всегда такъ страстно бившееся, походить на замолкшія струны! Я не могъ бы убить собаки любящей меня, а ты?

ЦЕЗАРІО.

Никакъ, государь, никакъ!

ПРИНЦЪ.

Ты, кажется, ужасашься.

ЦЕЗАРІО.

Да, это страшная картина.

ПРИНЦЪ.

Но она может сдѣлаться справедливою.

ЦЕЗАРІО.

Будемъ надѣяться, что нѣтъ.

ПРИНЦЪ.

Надѣяться? надежда уже исчезла. Какъ ты думаешь, Цезаріо, каковъ будетъ видъ у Испанца, если этотъ вопросъ достигнетъ прямо сердца его? Я думаю, что онъ не будетъ блѣднѣе тебя въ эту минуту. Цезаріо! вѣдь око Господа было устремлено на него.

ЦЕЗАРІО.

Да, я надѣюсь. . .

ПРИНЦЪ.

Берегись.

ЦЕЗАРІО.

Государь!

П р и н ц ъ.

Берегись проклинать его: тяжкое бремя и безъ того уже лежитъ на немъ. Грѣхъ и яростныя желанія мучать его; свѣтъ произнесетъ надъ нимъ проклятіе свое; Богъ и люди отрекутся отъ него...

Ц Е З А Р І О.

О! перестаньте, перестаньте государь; взгляните на меня, лежащаго здѣсь, здѣсь у ногъ вашихъ, на меня, недостойнаго, но теперь избавленнаго совершенно отъ преступленія. Пощадите меня.

П р и н ц ъ.

Встань. Прощаю злодѣйство твое; но люди, недобные тебѣ, низкіе, обыкновенные, подкупленные убійцы, не должны бродить по свѣту такъ свободно.

Ц Е З А Р І О.

О, если бы вы могли видѣть теперь мое сердце!

П р и н ц ъ.

Я не хочу видѣть эту мрачную обитель грѣха. Оставимъ это: выслушай меня—нѣтъ, не говори ни слова. Это будетъ другая повѣсть. Цезарію, ты явился въ первый разъ въ Сициліи ребенкомъ: благородный отецъ твой, изнуренный трудами и продолжительными несчастіями, умеръ, едва успѣвъ испросить покровительство тебѣ. Съ тѣхъ поръ, помнишь

ли ты, чтобъ я когда отказалъ тебѣ въ состраданіи моемъ или въ добрыхъ совѣтахъ? Если поминишь, то смѣло упрекни меня.

ЦЕЗАРІО.

Нѣтъ, вы были всегда милостивы ко мнѣ — слишкомъ милостивы.

ПРИНЦЪ.

Однажды, во время тяжелой болѣзни твоей, когда никто не хотѣлъ входить въ твою зараженную комнату — подумай объ этомъ—я, не смотря на то, что государь твой

ЦЕЗАРІО.

Сжальтесь!

ПРИНЦЪ.

Слушай меня. Я поднеслъ тебѣ то спасительное лекарство, безъ котораго ты долженъ былъ умереть. Я ходилъ за тобой; я провелъ съ тобою не одну душную ночь, потому что все оставили тебя. Со-знаюсь, что дурно было съ моей стороны жертвовать своею безопасностію: я былъ уже государь коронованный; но неужели тебѣ порицать меня за это? Наконецъ ты выздоровѣлъ и могъ снова владѣть мечемъ: ты обратилъ его противъ моего родственика (моего племянника), и я простилъ тебя.

ЦЕЗАРІО.

Это случилось въ пылу ссоры.

П р и н ц ъ.

Я сказали, что простилъ это. Потомъ другое, болѣе низкое желаніе овладѣло тобою: тебѣ захотѣлось богатства моего. Признаться, я никогда не отгадалъ бы этого.

ЦЕЗАРІО.

О, это было не такъ, государь!

П р и н ц ъ.

Хорошо, пусть будетъ не такъ: но красота Аврелии, этой хитрой престестинцы, имѣла гораздо болѣе власти надъ тобою, нежели благодарность. О, стыдъ!

ЦЕЗАРІО.

Государь, отецъ мой! О, еще разъ повѣрьте мнѣ! Я не стою этого; но если вы можете еще разъ имѣть ко мнѣ вѣру, то пусть мученія ада... Но я не буду, не буду терзать любви вашей; я сдѣлаю болѣе, я заслужу ее. Я могу умереть теперь: душа моя въ одинъ этотъ часъ открыла до твердости; но я желаю жить, чтобъ показать вамъ себя.

П р и н ц ъ.

Цезаріо! свѣтъ осудить меня, но я еще разъ испытую тебя: не можетъ быть, чтобы сердце твое

— вѣдь ты имѣешь его — захотѣю еще разъ повредить мнѣ. Однажды императоръ Цезарь наложилъ свое совершенное прощеніе на молодого, обманувшаго его Цинну, и это была такая тяжесть, которой обманщикъ никогда не въ силахъ было сбросить. Цезаріо, такъ точно и я отъ всей души прощаю тебя.

ЦЕЗАРІО.

Благодарю.

ПРИНЦЪ.

Какъ? Цезаріо, ты слабѣешь? Ты повинись теперь, нежели въ то время, когда Аврелія поцаловала тебя и преклонила къ преступленію душу твою. Слушай: никто не знаетъ о сеорѣ нашей. Схоронимъ ее въ груди нашей и будемъ говорить, какъ всегда.

ЦЕЗАРІО.

Дайте мнѣ нѣсколько времени, государь, и я буду въ состояніи благодарить васъ. Теперь же, если смѣю просить васъ, позвольте мнѣ удалиться и установить всѣ мысли мои на великости вашего снисхожденія.

ПРИНЦЪ.

И такъ прощай.

ЦЕЗАРІО.

Благороднѣйшій изъ князей земли! да будетъ совершенно спокосенъ сонъ твой: ты два раза овладѣл

душей Цезаріо. Если какой нибудь злодѣй скажетъ тебѣ теперь, что я замышляю противъ тебя новое преступленіе—не вѣрь ему. Если я самъ буду клясться, что я врагъ твой — назови меня обманщикомъ. О, позволь мнѣ еще разъ упасть къ ногамъ твоимъ, позволь благодарить тебя! Обожаемый отецъ мой! взгляни на твоего блуднаго сына. Благодарность — благодарность отъ всего сердца моего!

П р и н ц ъ.

Прощай, прощай, Цезаріо. Поди, оправься отъ твоего смущенія. Прощай, прощай.

—

IV.

АМЕЛІЯ УЕНТУОРТЪ.

С Ц Е П А І.

К о м н а т а.

Уентуортъ, Амелія.

Амелія.

И такъ ты рѣшился послать Карла въ Индію?

Уентуортъ.

Да.

АМЕЛІЯ.

Бѣднѣйка! Онъ такъ грустенъ и блѣденъ: ему невозможно жить тамъ. Несчастна судьба того, кто долженъ оставить землю, видѣвшую его рожденіе, хранившую его въ теченіе нѣсколькихъ пріятныхъ лѣтъ, оставить друзей, любящихъ его, мѣста любимыя имъ, оставить все это для страны отдаленной. Онъ умретъ. Помни это предвѣщаніе Амеліи. О! не будь жестокъ къ бѣдному юношѣ. Не задунай своей чувствительности. Не правда ли, вѣдь ты не пошлешь его, Уентуортъ?

УЕНТУОРТЪ.

Онъ отправится чрезъ двадцать дней.

АМЕЛІЯ.

Какъ можешь ты быть такъ жестокъ? Онъ не поѣдетъ.

УЕНТУОРТЪ.

Мнѣ кажется, сударыня, что вы принимаете слишкомъ много участія въ этомъ молодомъ человѣкѣ. Судьба его рѣшена, будьте увѣрены въ томъ.

АМЕЛІЯ.

Милордъ!

УЕНТУОРТЬ.

Говорю вамъ, что ваша нѣжность, ваша безумная привязанность къ этому мальчику, вовсе не уместна.

АМЕЛІЯ.

Перестаньте, перестаньте.

УЕНТУОРТЬ.

Сударыня, это нѣжное дружество для жены Готфрида Уентуорта не должно существовать. О, вы можете улыбаться. Клянусь...

АМЕЛІЯ.

Уентуортъ, вы конечно шутите, шутите со мною.

УЕНТУОРТЬ.

Продолжайте, продолжайте: вы считаете меня совершеннымъ глупцемъ. Женщина, глаза мои видятъ, очень ясно видятъ тебя и все мое безчестіе. Клянусь небесами: я не буду насмѣшкой, не буду басней людей для... О вы видите, что я еще щажу вашъ слухъ! Я...

АМЕЛІЯ.

Вы оскорбляете меня, сударь...

УЕНТУОРТЬ.

Простите; я въ самомъ дѣлѣ не кстати остороженъ въ выраженіяхъ: вы будете презирать меня за это, но я все еще думаю, что женщины, въ общей массѣ ихъ, скромны.

АМЕЛИЯ.

Уентуортъ! ты дурно поступилъ со мною. Ты забылъ все, чѣмъ обязанъ мнѣ, мнѣ, женѣ твоей. Ты забылъ—забылъ, но я могу ли забыть все, чѣмъ пожертвовала тебѣ въ грустной покорности слову отца моего? Могу ли забыть мою молодость, родительскій домъ, мое сердце? Ты знаешь, ты зналъ и тогда, что все это я принесла тебѣ въ жертву. Ты обѣцалъ отцу моему спасти отъ нищеты старость его; но вспомни, какъ исполнилъ ты обѣщаніе свое. Онъ взросъ среди пышности и блеска и не могъ склониться подъ иго бѣдности, какъ склоняются подъ него люди, никогда не испытавшіе теплоты лучей счастія. Онъ отдалъ меня какъ жертву, и я увидѣла себя—ахъ, съ какимъ ужасомъ! увидѣла себя увлеченною тобою—злымъ ангеломъ жизни моей—въ зловѣщее величіе! Я сдѣлалась горестной супругой, несчастливцей, невольницей страстей твоихъ; но я клялась—да простить меня Господь!—клялась любить тебя, когда я любила другаго, и ты зналъ это: да, ты зналъ, сердце мое было уже отдано, и ты все-таки принялъ руку мою! Оставь меня.

УЕНТУОРТЬ.

Ты кончила? Женищина, неужели ты думаешь, что все это притворство можетъ отклонить меня отъ моего намѣренія, отъ моей твердой воли? Я оставляю тебя теперь, но помни, что твой любимецъ—о, не пугай меня нахмуренными бровями, я не замѣчу того—твой милый юноша увидитъ скоро Индію, или ты проводишь его въ темницу здѣсь, въ Англіи. Прощай.

АМЕЛІЯ.

Остановись—еще одно слово прежде, нежели мы разстанемся. Я прошу тебя (хотя оскорбленія, сдѣланныя мнѣ, велики, и гордый духъ мой съ трудомъ склоняется на эту просьбу), я прошу тебя снять проклятіе твое съ этого юноши. Онъ невиненъ. Онъ совершенно невиненъ предъ тобою. Чтожъ касается до меня, то я также слишкомъ невинна, чтобы просить за себя; но дай сказать мнѣ, что съ того печальнаго часа, когда я сдѣлалась женою твоею, я была такъ вѣрна холодному союзу нашему, какъ будто сердце мое съ самаго начала принадлежало тебѣ, или какъ будто было побѣждено твоимъ великодушіемъ послѣ. Еще разъ умоляю тебя, для твоего собственнаго утѣшенія, для твоей чести и моего имени: пощади этого мальчика. Спокойнымъ голосомъ сердца невиннаго требую отъ тебя этого.

УЕНТУОРТЬ.

Ты только болѣе раздражаешь меня противъ него. Женщина: всегда ли прѣсѣбы твои такъ горячи, какъ теперь? Клянусь небомъ и землею, если бы я еще колебался, то это заставило бы меня рѣшиться. Поди въ свою комнату теперь, и въ глубокомъ размышленіи обдумай, какъ хорошо будетъ раздаваться имя твое—въ то же время и мое имя—когда его будутъ произносить въ насмѣнкахъ. Это стоитъ помышлений твоихъ. Долго скрывать я гнѣвъ свой, и позволять тебѣ поступать по волѣ твоей. Ты дерзко умножила вины свои; будь же благороднѣе теперь: спаси славное имя, или я разскажу всему свѣту, какъ дурно хранишь ты тайны свои (*Уходитъ*).

АМЕЛІА.

Опѣ ушелъ, и я здѣсь... О, несчастная! Отецъ мой, отецъ мой! Какое сердце было у тебя, что ты бросилъ меня въ этотъ неизмѣримый, грустный міръ съ такимъ другомъ! Я лучше согласилась бы трудиться отъ бѣднаго утра до темной ночи, согласилась бы жить въ прежней бѣдности и весело улыбаться, прогоняя горе отъ нашей сельской хижинны. Тамъ жилъ бы съ нами человекъ, который любилъ тебя и всѣми силами своими помогать бы въ кораблекрушеніи нашего счастья. Ты не слушала его, а я слышала его страстные убѣжденія, видѣла его горячія слезы, и бросилась на грудь старика, прожившаго два раза

годы мои! Что нужды до того? Все прошло уже!
Успокоюсь: кто тамъ?

КАРЛЪ (*входитъ*).

Я. Вы плачете?

АМЕЛІЯ.

Перестань. Спусти шторы. Лѣтніе вечера становатся у насъ жарки. Поди, сорви мнѣ тотъ цвѣтокъ.

КАРЛЪ.

Эту розу? Она наполняетъ благоуханіемъ комнату. Цвѣтъ ея прелестенъ, какъ...

АМЕЛІЯ.

Румянецъ стыдливой заворы, или мой. Я вижу тебѣ надобно сравненіе.

КАРЛЪ.

Вы веселы, даже слишкомъ веселы для важнаго разговора. Кто былъ здѣсь?

АМЕЛІЯ.

Никто, не скажу: я дала обѣщаніе, котораго не нарушу. Развѣ только неотступная просьба заставитъ меня сдѣлать это.

КАРЛЪ.

Такъ позвольте же мнѣ принести вамъ эту просьбу.

АМЕЛІЯ.

Дитя, перестань. Поди, принеси мнѣ побольше цвѣтовъ—фіалокъ...

КАРЛЪ.

Вотъ онѣ; дайте мнѣ приколоть ихъ въ волосы ваши.

АМЕЛІЯ.

Нѣтъ, нѣтъ. Фіалки—поэтамъ: тебѣ принадлежатъ онѣ. О, какъ хорошо! Я люблю видѣть, какъ ты прячешь ихъ на груди своей. Если бы онѣ были золотыя, какъ тѣ, которыми награждаютъ поэтовъ, ты могъ бы дорожить ими.

КАРЛЪ.

Онѣ для меня гораздо дороже золотыхъ—онѣ были ваши, Амелія.

АМЕЛІЯ.

Дай мнѣ розу.

КАРЛЪ.

Но куда положить ее?

АМЕЛІЯ.

Куда? въ руку мнѣ, въ волосы. Посмотри! какъ краснѣетъ она, смотря на наше ребячество. Отдай мнѣ ее. Куда? куда прячутъ женщины свои любимые цвѣты? Только на груди своей, безумный юно-

ша. Перестань—я сама сдѣлаю это. Что это? какъ ты печаленъ, какъ ты дрожишь!

КАРЛЪ.

Милая Амелія!

АМЕЛІЯ.

Называй меня матерью, Карлъ.

КАРЛЪ.

Мой опекунъ....

АМЕЛІЯ.

О! не говори мнѣ о немъ. Карлъ, я шучу съ тобою, а мрачный видъ суроваго супруга моего, какъ грозная туча, опускается на меня. Далеко надобно уѣхать тебѣ, милый мой Карлъ, далеко отъ единственнаго друга, тебя любящаго: въ Индостанъ.

КАРЛЪ.

Я знаю это.

АМЕЛІЯ.

Я буду часто думать о тебѣ, милый Карлъ. Думай иногда и ты обо мнѣ. При звукахъ военной трубы, вспомни робкую подругу, которую ты знавалъ нѣкогда за морями, въ Англіи.

КАРЛЪ

Пощадите сердце мое.

АМЕЛІЯ.

Я не думала, чтобъ у тебя было сердце: вѣдь оно погребено.

КАРЛЪ.

Амелія, о Амелія, неужели вы никогда не узнаете это бѣдное сердце, которое рвется, умираетъ за васъ! О! не приходите въ негодованіе, но теперь, повѣрьте какъ глубоко, некрещено и вѣрно....

АМЕЛІЯ.

Если это шутка, ты хорошо играешь ролью своею; если же правда, что я тогда?

КАРЛЪ.

О! клянусь этими жгучими слезами, клянусь всѣми моими, погруженными въ вашу образъ днями, всѣми бессонными ночами, клянусь вамъ, мнѣйшая изъ смертныхъ, я люблю, люблю васъ, *любя* Амелія! Позвольте мнѣ одинъ разъ назвать васъ такъ. Не презирайте мною, не уничтожайте меня. Я не прошу любви, не смѣю просить ее. Но не попирайте ногами сердца моего, моего чистаго, дѣвственнаго сердца. Я отдаю его вамъ во всей его цѣлости: въ немъ нѣтъ мѣста ни для какого другаго чувства. Духъ мой сдѣлается вашимъ духомъ — я обожаю васъ, и изъ угожденія къ вамъ — обожаю въ молчаніи. Скажите только однажды, что вы не ненавидите меня за это — говорите, говорите!

АМЕЛІЯ.

Ахъ!

КАРЛЪ.

О! не плачь обо мнѣ, милая любовь моя! Вы сказали, что супругъ грозитъ вамъ. Такъ придите ко мнѣ: у меня есть для васъ убѣжище и сердце, гдѣ вѣчно, вѣчно вы будете царствовать! Амелія! милая Амелія! Скажите мнѣ одно слово ласки и согласія! Скажите только одно слово, и если уже не ласки, то хотя слово надежды, сомнѣнія, страха, только не отчаянія; скажите мнѣ, что нѣкогда вы можете любить меня, что если нѣкогда жестокій супругъ вашъ перестанетъ существовать, вы вспомните обо мнѣ, или что вы желаете мнѣ счастья, или что можетъ быть, сердце ваше...о, говорите, чтонибудь со мною, Амелія!

АМЕЛІЯ.

Развѣ любовь твоя такъ сильна?

КАРЛЪ.

Такъ сильна! Она свилась съ моею жизнью, она жизнь моя, пища, стихія, которой я дышу; она мое безуміе, безуміе сердца моего; она для меня все!... О какую картину рисовало воображеніе мое на несбыточныхъ желаніяхъ моихъ!... Я думалъ, что мы можемъ нѣкогда жить вмѣстѣ въ какойнибудь отдаленной странѣ, и въ мечтахъ моихъ развивалось столько плановъ бла-

женства для насъ и для всего, что окружало бы насъ—и милымъ верховнымъ гениемъ всего были всегда вы! Прелестная Амелія, вы слушаете меня съ грустною улыбкой?

АМЕЛІЯ.

Я хочу выслушать все: я должна выслушать все. Ахъ, ахъ!

КАРЛЪ.

Не плачь, не плачь обо мнѣ, любовь моя, Я—я ничто, я не стою одной слезы твоей; я уйду... Еслибъ я могъ снять поцалуемъ эти капли дождя!... Нѣтъ, нѣтъ не буду огорчать тебя. Одиаконъ... О! какой рай—любовь, любовь счастливая, любовь взаимная! Я не поѣду, или мы поѣдемъ вмѣстѣ. Тамъ въ лѣсахъ есть убожища для юныхъ и счастливыхъ душъ: мы полетимъ туда, будемъ жить тамъ, подлѣ какого нибудь источника, гармонически журчащаго подлѣ солнцемъ Индіи, или жилищемъ нашимъ будетъ пріятный островокъ, покрытый цѣлый годъ цвѣтами и плодами, гдѣ лѣто, осень и весна вѣчно молоды, гдѣ зима никогда не показывается и гдѣ живетъ одна природа въ веселой красотѣ своей. Ты будешь счастливъ, кроткая Амелія, наконецъ и я—но къ чему говорить обо мнѣ? Прости мнѣ, что я смотрю теперь на тебя, и кланусь тебѣ и любовью, и ночью, и всѣми сладко-любящимися часами тихой, звѣздной ночи, какъ безпрѣдѣльно, какъ безраздѣльно я принадлежу тебѣ! О моя

милая красота! Какое сердце у него, что онъ можетъ огорчать, можетъ обижать тебя! Онъ виновень... нѣтъ, нѣтъ: не смотри такъ!

АМЕЛІА.

Я виновна предъ тобою въ жестокости. Карль, я въ самомъ дѣлѣ виновна. Когда сегодня супругъ мой осмѣлѣлъ меня угрозами, говорилъ мнѣ о всенародномъ, великомъ безчестіи, меня ожидающемъ, я отвѣчала презрѣніемъ: но зачѣмъ не была я такъ жестока къ тебѣ, бѣдный юноша, зачѣмъ не видѣла я этой любви заранѣе?.. Карль, я изгнала тебя такъ рано изъ отечества—вижу это теперь—я одна: ты долженъ ненавидѣть меня за это.

КАРЛЬ.

Я буду любить тебя, какъ свѣтлое небо. Неподвижныя звѣзды не будутъ такъ постоянны, какъ я. Я весь твой. Ни грѣхъ, ни горестъ, ни мгила, ни весь холодъ могилы не оледенятъ любви моей: она будетъ жить за предѣлами смерти, какъ духъ той тѣни, которая, можетъ быть, принесетъ тамъ покаяніе въ моихъ преступленіяхъ.

АМЕЛІА.

Перестань, ты говоришь дико.

КАРЛЪ.

Были люди, которые любили въ продолженіе многихъ лѣтъ отсутствія, любили среди страданій и опасностей; въ числѣ ихъ былъ одинъ и такой, который бросить жизнь и цѣлый міръ за улыбку женщины; можно сказать еще болѣе: любовь жила и въ груди демоновъ, жила одна посреди злыхъ страстей, и горя тамъ, какъ священный погребальный свѣточъ, она обращала мрачное жилище свое почти въ свѣтило. Отъ чегожъ и я...

АМЕЛІА.

Кажется, я слышу шаги. Какъ странно ты говоришь теперь. Оставь меня, скорѣе оставь меня.

КАРЛЪ.

Это идетъ тиранъ твой: лучше бѣги отъ него.

АМЕЛІА.

Если ты имѣешь жалость, то уйди.

КАРЛЪ.

И такъ прости; но если онъ отвергнетъ тебя....

АМЕЛІА.

Тогда я... но иди: ты мучишь меня.

КАРЛЪ.

Иду (*Уходитъ*).

АМЕЛІЯ.

Прости, прости, бѣдный юноша; судьба твоя такъ печальна, что даже и мнѣ позволено пролить о тебѣ слезу. Мужъ мой нейдетъ: и такъ я пойду навстрѣчу къ нему; пусть невинность моя и оскорбленія, мнѣ причиненныя, будутъ моими защитниками. Ахъ! тяжело терпѣть тамъ, гдѣ мы должны бы произнести приговоръ; тяжело просить тѣхъ, которые должны бы умолять насъ! Я вижу, какъ хороши этотъ свѣтъ! Власть и несправедливость идутъ въ немъ рука въ руку, сильныя и ненавидимыя; а терпѣливая добродѣтель и блѣдная скромность—какъ печальные цвѣты слякомъ ранней весны или сорваны прежде, нежели почки ихъ распустятся, или растоптаны ногами прохожихъ, или развяны суровыми вѣтрами. Не такъ ли?... Но я наслаждалась лучами солнца, я рассыпала улыбки мои щедро, безнечю! А теперь, теперь... по что нужды! Все кончено. Буду ли я жить презрѣнною или любимою... Любимою! нѣтъ, лучше ненавидимою. Это унижить гордость мою и заставить согласиться на побѣгу. Это можетъ случиться.

СЦЕНА II.

Значительное пространство времени протекло между сего
и предыдущею сценою.

Комната. Ночь.

Амелія, Маріанна.

МАРІАННА.

Вы проснулись, милая леди.

АМЕЛІЯ.

Давно проснулась. Смотря на свѣтила небесныхъ
несвольно думаю, какъ будто я спала нѣсколько дней.
Который часъ теперь?

МАРІАННА.

Скоро будетъ бить полночь.

АМЕЛІЯ.

Пусть она бьетъ. Небо тихо и свѣтло, и таково
наконецъ и дуна мол. Не знаю, имѣютъ ли небеса
вліяніе на духъ нашъ въ продолженіе всей жизни
или только въ дни смерти; но никогда прежде ду-
ша мол не смотрѣла на нихъ съ такою надеждою
радости, и никогда такъ болезненно не стремилась
къ совершенному исполненію этой надежды. Марі-
анна, дай мнѣ видѣть болѣе неба. Такъ — хорошо.
Здорова ли ты, милая дѣвушка?

МАРІАННА.

О! да: но вы говорите сегодня такъ странно. Вы прежде любили говорить о простыхъ, обыкновенныхъ вещахъ, и всегда развеселили меня: а теперь вы наводите на меня грусть.

АМЕЛІЯ.

Безнечная дѣвушка, разве ты не чувствуешь, что слова мои веселы? Посмотри, посмотри навверхъ: сводъ небесъ, усыянный звездами, блеститъ какъ уборъ певѣсты. Сама царица позавидовала бы этой пышной лазури, обвивающей міръ ночи. Ахъ, ахъ! я помню безумные дни мои! Какъ дики, какъ необузданны были тогда желанія мои: невольники, драгоценныя каменья, красота несравненная, толпа усердныхъ друзей.... но теперь все это забыто! Стану мечтать, какъ мечтала въ то время, когда надежда сіяла мнѣ. Милая Маріанна, нѣтъ ли у тебя пѣсни для слуха больной женщины? Однажды я слышала, какъ ты пѣла: *Говорили, что глаза его, нѣтъ, не такъ; мнѣ трудно вспомнить слова: Его глаза были свѣтлы, какъ солнце полудня.*

МАРІАННА.

Такъ, такъ. Память ваша хороша. Слушайте же меня. Я вижу, что мнѣ нельзя ошибиться.

АМЕЛІЯ.

Я слушаю. Начинай.

П л с н я.

«Его глаза были свѣтлы, какъ солнце полудни, ея же—хоть горделивы, но тинѣ блистали, и были пріятны и ясны, какъ луна не покрываля облаками. Ахъ, и должно ли было имъ такъ скоро потухнуть.

«Его голосоъ похожъ былъ на дыханіе войны; ея—былъ слабѣе, былъ гораздо нежнѣе. Но когда онъ вздыхалъ о своей страстной любви, она смѣялась съ презрѣніемъ—онъ бѣжалъ отъ нея, и умеръ.»

М а р і а н н а.

Есть еще третій куплетъ, другаго наѣва, но непонятенъ, походить на глухой ропотъ въгравъ лѣгнѣй вечеръ. Послушайте его:

«Говорять, онъ умеръ на морѣ, и постелью его была дикая, круто поднимавшаяся волна; постелью ея должна быть могила сухой земли: готовьте ее скорѣе—ей нужно уже изголовье.»

А м е л і я.

Какъ медленно, и какъ безмолвно плыветъ время въ звѣздномъ пути своемъ! Вѣчно идетъ оно, и вѣчно, вѣчно будетъ идти. Спокойно восходитъ оно съ золотымъ утромъ, и ночью съ луною. Кажется, я вижу, какъ широко простираетъ оно свои могучія крылья, какъ вѣчно парить надъ безчисленными толнами людей, подобно огромному коршуну, носящемуся надъ добычей своей. Посмотрите! я здѣсь, а время

кажется, проходить мимо; завтра я уже перестану существовать, а оно все еще будетъ здѣсь, и голубые часы будутъ улыбаться съ небесъ суетливому свѣту также весело, какъ и въ то время, когда я была жива, чтобъ привѣтствовать ихъ. Только одно сердце прольетъ нѣсколько слезъ. Бѣдный Карль!

Карль, *сходя.*

Я здѣсь. Вы звали меня.

Амелія.

Ты кстати пришелъ. Мысли мои были полны тобою, милый Карль. Твоя мать (теперь я принимаю это имя) въ часъ смерти своей имѣетъ право говорить къ твоему юному сердцу. Я была бы спокойна, если бы одна вещь не тревожила меня. Мужъ мой былъ суровъ со мною—конечно, но онъ мужъ мой, и ты не забудешь этого, когда какое нибудь жестокое чувство взволнуетъ сердце твое? Не мсти за меня. Вѣдь ты не будешь мстить? Нѣтъ? Развѣ такъ трудно исполнить послѣднюю просьбу мою? Онъ мужъ мой; еще болѣе, онъ былъ отецъ того мальчика съ голубыми глазками, котораго нѣкогда ты такъ нежно любилъ. Ты помнишь, какъ блѣдые вѣки его закрылись въ то самое время, когда открылась первая роза весны? Послѣ того прошло уже два года... нѣтъ, болѣе, болѣе, и теперь я спѣшу къ нему. Милый младенецъ! Онъ былъ единственнымъ дитя мое! Какъ прекрасенъ онъ былъ въ

бѣлой одеждѣ, обвивавшей холодное тѣло его... Какъ все въ немъ походило на мраморный сонъ, и когда мы спустили его въ постельку подъ зеленый дернъ, я думала, что сердце мое разорвется на части—и я осталась жива. Но я устала отъ этой жизни.

МАРІАНА.

Вамъ не должно говорить такъ много, милая леди. . . .

КАРЛЬ.

Въ самомъ дѣлѣ не должно...

АМЕЛИЯ.

Хорошо, я буду молчать: но не такъ. Въдѣ прежде, нежели мы пустимся въ путь, должно проститься съ друзьями, пожелать имъ счастья, попросить ихъ быть осторожными, попросить ихъ помнить наши благословенія. Такъ, милый Карль, носи въ груди твоей воспоминаніе объ Амелии. Она всегда любила тебя—всегда; любила нежною любовію матери, не болѣе. Карль! я живу въ этомъ горестномъ мірѣ тридцатую весну: ты былъ сыномъ моимъ въ теченіе цѣлой трети этаго времени. Я прижимала тебя къ груди моей, когда ты былъ мальчикомъ, едва видѣвшимъ восемь разъ начало и копецъ весны. У тебя горячее сердце, Карль, я низкая толпа поглотить его, если... Но ты долженъ сдѣлать это сердце могилою, и въ ней глубоко схоронить его юныя, прекрасныя чувства.

КАРЛЪ.

Я сдѣлаю все, чего желаете вы, все, но вы не можете умереть и оставить меня.

АМЕЛІЯ.

Ты увидишь, какъ спокойно подойдетъ ко мнѣ смерть и положитъ блѣдный, холодный палецъ свой на мои теперь улыбающіеся уста: эти глаза — люди клялись мнѣ — были свѣтлѣе звездъ, блистающихъ на небѣ, и должны померкнуть! Одинъ часъ...

КАРЛЪ.

О! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! о! не говорите такъ! Я не въ силахъ вынести этихъ словъ. Развѣ вы хотите растерзать мое сердце?

АМЕЛІЯ.

Нѣтъ, я хочу приготовить его къ переменѣ, которая должна скоро случиться. Будемъ говорить спокойно. Когда я умру...

КАРЛЪ.

Ахъ, Амелія!...

АМЕЛІЯ.

Не этого хочу я. Ты имѣлъ всегда много твердости духа: покажи ее теперь. Не одинъ разъ слы-

шла я, какъ—ты говорилъ о войнѣ и опасностяхъ...
О!...

УЕНТУОРТЬ *сходитъ.*

МАРІАННА.

Она побѣдилъ—говорите, говорите...

КАРЛЪ.

О бѣдная матушка!—Какъ! вы здѣсь?

УЕНТУОРТЬ.

Я пришелъ просить у нея прощенія. Дайте мнѣ коснуться руки ея. Амеія! Она ничего не чувствуетъ! Амеія! бѣдная, увядшая! я былъ слишкомъ жестокъ... несправедливъ...

КАРЛЪ.

Посмотрите!

МАРІАННА.

Она оставила насъ!

КАРЛЪ.

Неправда! Оживи! матушка! оживи! оживи!

МАРІАННА.

Напрасно!

КАРЛЪ.

Такъ это правда? Душа моя изнемогаетъ, лишается всѣхъ чувствъ! О матушка, матушка! Я не могу плакать о ней. О! если бы нѣсколько ослѣпляющихъ слезъ помрачили глаза мои, чтобъ я не видѣлъ ее лежащей такъ предо мною! Неужели смерть въ самомъ дѣлѣ поразила ее такъ прекрасную! такъ жестоко обиженную, и никогда не сдѣлавшую ни одной ошибки! такъ любимую тѣмъ, кому теперь любить ничего не осталось!... О! сіяющее небо! если ты сзываешь теперь на мою къ себѣ своихъ свѣтлыхъ ангеловъ; то успокойся: свѣтлѣйшій изъ сонма твоего уже улетѣлъ, оставилъ насъ, и все мрачно долу, на землѣ. Теперь я буду блуждать далеко, далеко отсюда, какъ странникъ безъ отечества. Я найду грустную отраду въ такой жизни, и когда скажу: *у меня нѣтъ друга въ цѣломъ мірѣ*, сердце мое наполнится гордостью, обманетъ само себя изружностью счастья! Такъ! въ этомъ самомъ одиночествѣ есть наслажденіе, котораго никогда не знаетъ человѣкъ общественный. Я буду переходить изъ одной страны въ другую, буду чужимъ вездѣ, и какъ крѣпнетъ тѣло, перенося порывы всѣхъ вѣтровъ, такъ душа моя, насмотрѣвъ на печальныя стороны всѣхъ вѣщей, соберетъ мужество перенести прошедшее, Теперь-то въ Индонстанъ!

V.

СОКОЛЬ.

Фредерико, изъ фамили Альбернги, любилъ знатную дѣвицу и не былъ любимъ ею. Благотворительностію и слишкомъ щедрыми подарками онъ расточилъ все свое богатство, и у него остался только одинъ соколъ. Случилось, что неблагоклонная любезная посетила его въ это время; не имѣя чѣмъ угостить ее, онъ рѣшился приготовить рѣдкое и лакомое кушанье изъ сокола. Будучи побуждена такою чрезвычайною преданностію, она перемѣнила прежнія чувства свои къ нему, избрала его супругомъ своимъ и сдѣлала богатымъ человекомъ.

(Боккачіо) Старинныя преданія.

СЦЕНА I.

Паружность лѣтныя. Захожденіе солнца.

ФРЕДЕРИКО одинъ.

О бѣдность! пойму ли я наконецъ твой горькій урокъ! Ты, имѣющая такъ много власти надъ этой прекрасной землею, ты, суровая противница утѣшительнаго довольства, ты, нарушительница сна, скажи, что сдѣлалъ я тебѣ, что ты такъ жестоко преслѣдуешь меня? Не заставляй меня говорить о томъ, какъ я поступалъ во время счастья; добро, сдѣ-

ланное нами, погребено въ тайнахъ его — но прочь эта мысль: она слишкомъ маловажна, чтобы остановиться на ней. Я чувствую теперь, что духъ мой не советѣтъ упсть съ богатствомъ. Солнце заходитъ: какъ въ эту минуту кончины своей, оно подходитъ на героя, прошедшаго со славою свое поприще! прощальная улыбка его имѣетъ въ себѣ что-то свѣтое; она рождаетъ сожалѣніе, но сожалѣніе нѣжное, не соединенное съ горестію, сожалѣніе, какое чувствуетъ сердце, видя его спокойно опускающимся внизъ и постепенно исчезающимъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ, томно отдохнувъ на вершинѣ той западной горы, оно промелькнетъ на все взоръ прекрасіе всѣхъ прожитыхъ имъ прежде: это прощальный подарокъ, почувствованный всѣмъ, что любило и цѣлю въ его жаркой творческой улыбкѣ. И оно разстается съ міромъ не незамѣтно; нѣтъ, въ этотъ золотой часъ вездѣ наблюдается тишина; птички, разсыпавшія поутру пѣсни свои трелями и отрясавшія свои включенныя перушки отъ радости, которую чувствовали при его восхожденіи, теперь молчать; а если и слышу вдалекѣ какое нибудь пустынное пѣніе или протяжное мычаніе звѣря, то какъ будто для того, чтобы означить безмолвіе. Такъ въ большомъ городѣ, соборный колоколъ, поднявъ мѣдный языкъ свой, кажется, останавливается на одно мгновеніе крылья времени и громко возвѣщаетъ бдительному слуху студента или больного «полночь наступаетъ.» Тогда можно бродить безъ цѣли, и прислушиваясь къ лѣтописямъ церкви думать, что иногда эти звуки означаютъ другое, и воз-

носятъ навѣрхъ къ звѣздамъ и могущественной луны ложную вѣсть изъ этаго мрачнаго міра о томъ, будто бы все въ немъ также спокойно, какъ тамъ!.. Свѣтъ солнца перемѣнился и оттѣнки его потемнѣли теперь до пурпура. Что это? Кто-то идетъ? Кто тамъ?—Дама.—О Джіана!

(Джіана сходитъ, за нею молодая двѣрушка.)

Д Ж І А Н А.

Да, сеньоръ, вы можете удивляться.

ФРЕДЕРИГО.

Нѣтъ, это не удивленіе, милый сеньора; я пораженъ великою честію, которую такая прекрасная гостя оказываетъ бѣдному жилищу моему.

Д Ж І А Н А.

Вы забыли прошедшія времена.

ФРЕДЕРИГО.

Нѣтъ, сеньора, нѣтъ; эти времена живы, какъ цвѣты моей памяти — они собираются отдѣльно отъ всего другаго для часовъ святѣйшихъ, и безопасно защищены отъ грубаго удивленія и несноснаго любопытства незнакомцевъ; они—они составляютъ теперь мое единственное утѣшеніе; и боюсь, чтобы они не завяли, я обхожусь съ ними бережно, очень бережно, и поливаю ихъ моими слезами.

ДЖІАНА.

Бѣдность сдѣлала васъ мрачнымъ, сирѣчь Фредерико.

ФРЕДЕРИКО.

Простите меня; конечно это дурно встрѣчать печально такую гостью, какъ вы: вы родились для счастья.

ДЖІАНА.

Ахъ! боюсь, что нѣтъ.

ФРЕДЕРИКО.

О! конечно, конечно; и оно такъ прилично вамъ. Дай Богъ, чтобъ никогда печаль не потревожила, никогда тяжелые часы не опустились на такое легкое сердце.

ДЖІАНА.

Вы некусно упрекаете меня: легкость значить нечувствительность.

ФРЕДЕРИКО.

Я не думалъ такъ. Джіана! Погубите меня вашею ненавистью, если я когданибудь упрекну васъ: что значу я, пораженный несчастьемъ и холоднымъ прикосновеніемъ бѣдности, я, отверженный, раззоренный, погубившій себя безуміемъ!

ДЖІАНА.

Причиной всему этому была я.

ФРЕДЕРИГО.

О! нѣтъ, нѣтъ: у меня было много недостатковъ, которыхъ тяжесть до сихъ поръ остается со мною. Еще разъ скажу вамъ: что значу я, чтобы смѣть упрекать васъ! Перестаньте думать объ этомъ: считайте меня только вѣрнѣйшимъ слугою вашимъ, поклявшимся жить и умереть для васъ.

ДЖІАНА.

Довольно о прошедшемъ, насладимся настоящимъ.

МОЛОДАЯ ДѢВУШКА.

Сеньора пришла къ вамъ кушать, сударь.

ДЖІАНА.

Да, это правда.

ФРЕДЕРИГО.

Эта честь слишкомъ велика для меня: могу ли я предложить вамъ мое бѣдное угощеніе? Если бы можно было угощать сердцемъ — я угостилъ бы васъ поцѣрски: но будете ли вы снисходительны ко всему, что...

ДЖІАНА.

О! я пришла раздѣлить холостой обѣдъ: онъ состоитъ всегда изъ простыхъ и обыкновенныхъ ку-

ианьсвѣ. Теперь мы пойдемъ отдохнуть въ ваши садъ, сеньоръ: вечерній вѣтерокъ долженъ быть тамъ очень пріятенъ, и такъ прощайте до свиданія.

ФРЕДЕРИГО.

Прощайте, милая сеньора. Вы найдете тамъ нѣсколько—ахъ! берегитесь оступиться.

ДЖАНА.

Да, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь трудно пройти.

ФРЕДЕРИГО.

Вы найдете нѣсколько книгъ въ бестѣжѣ, на полкѣ, до половины закрытой вьющейся жимолостью: это книги поэзіи. Сколько я помню, вы любили се нѣкогда, думая, что она приводитъ человека къ истинному и прекрасному человѣчеству. Теперь же глупцы привыкли смѣяться надъ нею.

ДЖАНА.

У васъ хорошая память, сеньоръ. Вѣдь этому уже—дайте мнѣ сосчитать: да, этому уже почти шесть лѣтъ.

ФРЕДЕРИГО.

Да, около этого времени.

ДЖАНА.

Васъ многіе почитали тогда наследникомъ графа Филиппа; онъ разсердился на васъ: за что это?

ФРЕДЕРИГО.

О! за какую-то бездѣлицу: я уже забыть съ.

ДЖАНА.

Нѣтъ, скажите, вѣдь говорили, что ваша неблаго-
дарность была тому причиной

ФРЕДЕРИГО.

Я не могъ жениться по его желанію.

ДЖАНА.

Такъ эта причина?

ФРЕДЕРИГО.

Ничего болѣе, повѣрьте мнѣ.

ДЖАНА.

Я не знала этого прежде. Прощайте. (*Уходитъ.*)

ФРЕДЕРИГО.

Она пришла обѣдать со мною — со мною — пи-
щимъ! Чѣмъ же угощу я божество мое? Ни одной
копѣйки денегъ, ни одной, клянусь небесами, и не
однаго друга, который бы далъ какую нибудь ма-
лость займы такому несчастливцу, какъ я. А она
съ высоты своей гордости... нѣтъ, цѣтъ, у не-
нѣтъ гордости. Если я буду извиняться передъ нею

она подумасть, что я въ самомъ дѣлѣ бѣденъ, и скажетъ, что несчастіе уморило съ голоду духъ италійскаго дворянина. Довольно: я долженъ угостить ее. А! пѣть, пѣть, пѣть, пѣть, не такъ: всякое средство кромѣ этого. Біанка!

Біанка входитъ.

ФРЕДЕРИГО.

Эта дама будетъ обѣдать здѣсь.

БІАНКА.

Что вы говорите, сударь? Едва ли сыщется у насъ одинъ кусокъ чего нибудь; развѣ плоды?

ФРЕДЕРИГО.

Такъ я возьму ружье свое, и достану для нея кушанье въ воздухѣ.

БІАНКА.

Невозможно: теперь уже поздно. Вы знаете, что старый нашъ Марсъ прогоняетъ отсюда всѣхъ птицъ.

ФРЕДЕРИГО.

А, негодай! пусть же онъ умретъ за это; припеси его сюда.

БІАНКА.

Сокола, сударь?

ФРЕДЕРИГО.

Да, этаго кровожаднаго сокола. Какъ часто онъ губилъ невинныхъ птичекъ: теперь пусть умретъ самъ. Онъ долженъ умереть, хотя изъ одной благодарности: пусть одинъ разъ онъ услужитъ мнѣ! *Одинъ разъ*—не часто ли онъ оказывалъ мнѣ услуги? Что дѣлать! Я сверну его жестокою шею, и достойно угоню мою царицу.

БІАНКА.

Вотъ онъ, сударь.

ФРЕДЕРИГО.

Гдѣ? негодная птица, сюда... не буду смотреть на нее.

БІАНКА.

Ахъ! онъ уже заколотъ: посмотрите, посмотрите, какъ онъ трепещется!

ФРЕДЕРИГО.

Глупая! Выдь отсюда. Я называю ее глупою! не я ли глупецъ—себялюбивый, низкій рабъ! Да, да. Взгляну на него, хоть однажды: а! вотъ онъ лежитъ. Клянусь небомъ, мнѣ кажется, онъ укоряетъ меня! Но бѣдна птица, я любилъ тебя въ ту минуту, когда умертвилъ. Прочь отсюда. (Бianka уходитъ). Марсь! мой храбрый Соколъ, и такъ заколотъ тебя, моего вѣрнѣйшаго слугу, который кормилъ и

любить меня въ то время, когда я былъ покинутъ
всѣмъ свѣтомъ? Никогда болѣе не будемъ мы съ то-
бою играть въ войну, никогда ты не будешь уже
притворяться мертвымъ... мертвымъ!... И своими
мыслими, рѣвыми хитростями веселить уединеніе
господина своего! Никогда болѣе, старый мой Марсъ!
ты, бывшій царемъ птицъ!—никогда болѣе не вос-
парнишь ты горделиво на своихъ быстрыхъ крыль-
яхъ, и не будешь носиться по воздуху за добычей.
Никто лучше тебя не умѣлъ одолевать сильныхъ
горныхъ вѣтровъ, утомлявшихъ птицъ, болѣе роб-
кихъ. Я видалъ, какъ пугался орелъ, встрѣчавшій
тебя на пути своемъ, какъ всѣ дикія птицы лѣсовъ
нашихъ знали тебя и боялись твоего клыка, видалъ,
какъ ты плавалъ по воздуху летящею грозою, стра-
шною для всѣхъ. И помню я также, какъ ты при-
несъ однажды дикаго лебедя мнѣ, твоему жестоко-
му господину; да, я помню это—и какъ ловить ты
въ полуденномъ воздухѣ крикливаго коршуна, и какъ
рвать пунцовыя перья его, все для меня, а я —
умертвить тебя! Бѣдная птица! ты была достойна
человѣчества, и я чувствую по этимъ трепещущимъ
рукамъ, что совершилъ преступленіе противъ мое-
го рода.

С Ц Е Н А II.

Капюта.

Фредерико, Джіана.

Дж і а н а.

Мое посѣщеніе кажется вамъ странно?

ФРЕДЕРИГО.

Нѣтъ, синьора, нѣтъ.

ДЖІАНА.

Должно казаться такъ: я чувствую это.

ФРЕДЕРИГО.

Я благодаренъ вамъ въ высочайшей степени.

ДЖІАНА.

Прежде выслушайте меня. Какъ вы думаете, что привело меня сюда? Я имѣю просьбу, исполните ее, умоляю васъ.

ФРЕДЕРИГО

Вамъ стоитъ только сказать ее: вы можете повѣловать мною совершенно. О! вы знаете это, и оскорбляете меня, если сомнѣваетесь.

ДЖІАНА.

Я думаю такъ, и потому начну. Слушайте, любезный синьоръ. У меня есть дитя: никогда мать не любила такъ сына своего. О! какъ онъ былъ прекрасенъ! какъ нѣженъ! Но зачѣмъ мнѣ рассказывать вамъ о всемъ, что было въ немъ милаго: вы знаете его, синьоръ, и я чувствую, что сердце ваше опечалилось бы, еслибъ бѣдный маляутка умеръ; а сегодня ему очень худо. Еслибъ вы могли слы-

шать, синьоръ, какъ онъ зоветъ васъ, какъ говоритъ, что любить васъ больше всѣхъ послѣ матери.

ФРЕДЕРИГО.

Перестаньте плакать. Могу ли я чѣмъ нибудь утѣшить вашего прелестнаго мальчика? Я люблю его какъ сына своего.

ДЖІАНА.

Синьоръ!

ФРЕДЕРИГО.

Я забылъ. Я люблю его, синьора: разве здѣсь нужно прощенье? разве любовь моя...

ДЖІАНА.

Вы не понимаете меня — я благодарю васъ за любовь вашу.

ФРЕДЕРИГО.

Джіана! какъ?

ДЖІАНА.

За любовь вашу къ моему бѣдному мальчику — онъ томится въ болѣзнь, и только одна вещь въ цѣломъ мірѣ еще занимаетъ его желанія: это—... я могу назвать ее.

ФРЕДЕРИГО.

Не мнѣ ли принадлежитъ она?

ДЖІАНА.

Да, да; мнѣ стыдно просить ее у васъ, но что дѣлать матери?

ФРЕДЕРИГО.

Она ваша, Джіана, ваша, хотя бы это была голова мол.

ДЖІАНА.

Это—соколы ваши. О! простите: я вижу, какъ драгоценна для васъ эта птица, и знаю, какъ мало правъ имѣю я просить ее. Простите меня.

ФРЕДЕРИГО.

Ахъ! огорченіе мое неспривторно!

ДЖІАНА.

Чувствую безуміе свое. Вы не должны разстаться съ вашимъ бѣднымъ и вѣрнымъ другомъ. Не будемъ говорить объ этомъ болѣе: я поступила жестоко, предложивъ вамъ эту просьбу. Синьоръ, я не возьму его у васъ за цѣлый міръ! я не буду грабить васъ

ФРЕДЕРИГО.

О! еслибы это было возможно! Бѣдный Марсъ! Ваше дитя, синьора, огорчится, услышавъ, что бѣднаго, стараго друга его нѣтъ на свѣтѣ.

ДЖІАНА.

Невозможно! я видѣла его, когда пришла къ вамъ.

ФРЕДЕРИГО.

Его пѣтъ на свѣтъ. Повѣрьте словамъ моимъ, судариня, этой птицы пѣтъ у меня.

ДЖІАНА.

О! это не походитъ на васъ. Для меня нужны извиненія.

ФРЕДЕРИГО.

Прелестная синьора! не считайте меня жалкимъ до такой степени: птицы пѣтъ на свѣтъ. Я вижу, что вы все еще сомнѣваетесь. И такъ выслушайте же. Вы посетили меня, желали обѣдать со мною; а это былъ самый голодный день моей бѣдности. У меня не было денегъ, чтобы купить чтонибудь. Но могъ ли я сказать объ этомъ вамъ? Я видѣлъ, что красота, любимая мною, спускалась съ высоты величія своего въ жилище мое, и дарила улыбкой своей того, кого оставилъ весь міръ. Нѣкогда и я былъ въ числѣ людей, говорившихъ ей о любви — позвольте мнѣ умолять объ искренности этой любви! Имя мое было знаменитое, княжеское; сердце мое еще не совсѣмъ забыло привычное ощущеніе свое: я все еще любилъ васъ—я чувствовалъ это. И потому могъ ли я унизиться и рассказать, какъ презрительно, какъ ничтожно было положеніе мое? Могъ ли я отпустить васъ домой безъ обѣда? Дѣвушка, сопровождавшая васъ, смѣялась бы надо мною. Синьора! тогда же я поклялся, что угощу васъ и сдѣлать это. Благородный Марсъ мой,

ты доставить намъ собою славное блюдо, котораго
вкусить могла бы и сама Юнона!

Д ж і а н а .

Что это значить?

Ф р е д е р и г о .

Мы съели за обѣдомъ эту несравненную итицу,
предъ которой преклопился бы баснословный фе-
ликсъ. Храбрая итица! ты спасла честь мою!

Д ж і а н а (*посль минутнаго молчанія*).

Вы поступили поцарски, Фредериго. Если я ко-
гданибудь забуду это, то пусть не буду знать
счастія. Синьоръ, душа ваша благородна и чувстви-
тельна, и мнѣ кажется, я могу положиться на нее
въ часъ гора или опасности.

Ф р е д е р и г о .

О, Джіана!

Д ж і а н а .

У меня есть дитя, любящее васъ за мать свою;
вы проникли до самыхъ тайныхъ изгибовъ серд-
ца этой матери. Можетъ ли она предложить вамъ
награду?

Ф р е д е р и г о .

Какъ? что вы хотите сказать? О Джіана! милая
Джіана, не возносите бѣднаго сердца моего такъ вы-
соко, чтобы оно не крушилось въ паденіи.

ДЖІАНА.

Но оно не упадетъ, если я могу поддержать его, или если моя рука можетъ вознаградить вашу продолжительную и часто испытанную вѣрность. Я приняла, Фредерико, не такъ какъ молодая дѣвушка—краснѣть и показывать притворное сомнѣніе въ сердце, которое—я знаю—принадлежитъ одной мнѣ. Чувствую, что вы любили меня вѣрно. Простите мнѣ теперь причину, которая такъ долго удаляла меня отъ васъ: когда нибудь я открою ее вамъ. Я не родилась жестокою, хотя, можетъ быть, и кажусь такою.

ФРЕДЕРИГО.

Что могу я сказать?

ДЖІАНА.

Ничего. Я понимаю все, что происходитъ въ сердце вашемъ.

ФРЕДЕРИГО.

Оно готово разорваться, но отъ радости, отъ радости. Джіана! моя Джіана! какъ блаженны будутъ дни наши! Мы будемъ жить такъ счастливо, какъ пчелы, скрывающія въ ульѣ свои сладкіе соты, и такъ весело, какъ лѣтнія бабочки; только мы будемъ умнѣе ихъ: я буду вѣчно рабомъ твоимъ; нѣтъ, не такъ, о! любовь моя, милая, божественная, прекраснѣйшая—я буду солнцемъ жизни твоей, пе-

измѣннымъ ни въ какое время года, а ты будешь
 моимъ неувядшимъ цвѣткомъ, моимъ еще не рас-
 пустившимся цвѣткомъ красоты, моею царскою ро-
 зою, цвѣткомъ любви моей, я буду носить тебя на
 сердцѣ моемъ, и никогда, никогда ты не увянешь. Я
 буду любить тебя могучею страстно, моя царица,
 и въ жаркіе часы дня буду усыплять тебя музы-
 кою, сладостнѣйшею пѣснью лѣсныхъ птичекъ; я бу-
 ду клясться, что глаза твои подобны звѣздамъ (да,
 да, звѣздамъ; только блескаты еще пріятнѣе ихъ),
 и что станъ твой прекраснѣе стана тѣхъ прослав-
 ленныхъ нимфъ, которыя по словамъ поэтовъ жи-
 ли встарину въ лѣсахъ Аркадіи. Милое божество
 мое! Я увѣчаю тебя бѣлѣйшими лиліями, и по-
 томъ, какъ поклонникъ одной любви, преклонюсь
 предъ тобою и буду обожать тебя. И такъ ты со-
 гладишься быть моею? Любовь моя, любовь моя!
 въ какой нѣжности проведемъ мы вмѣстѣ жизнь
 нашу! тѣсно соединенные сердцами, мы пронесемъ
 черезъ тотъ міръ, полный заботъ, какъ птички въ
 восточныхъ вѣвствяхъ!

Д ж а н а.

О! вы въ бреду, Фредерико.

Ф р е д е р и к о.

Я буду хранить тебя, какъ скупой; буду непре-
 станно сморгать за тобою: утромъ, въ полдень, ве-
 черомъ, ночью. У насъ будутъ часы, которые сво-
 имъ серебрянымъ звономъ будутъ считать минуты

вани, и я буду записывать это время, и вести милый календарь любви. Сегодня я запишу улыбку, завтра новое, менѣ скромное выраженіе блестящихъ глазъ твоихъ—тамъ поцалуй, сорванный съ коралловыхъ губъ твоихъ; запишу также и то, сколько времени онъ длился, тамъ, твой голосъ, звучный какъ струны арфы, на которую вѣютъ осенніе вѣтры, нежный какъ прикосновеніе падающее на освѣщенный луною инструментъ пѣвца серенады—ничто не пройдетъ незамѣченнымъ. Ты будешь моею домашнею богинею; не улыбайся, не трясись недоувѣрчиво кистями кудрей твоихъ: клянусь тебѣ, что это будетъ такъ—это будетъ такъ, любовь моя.

ДЖАНА.

Ты не въ умѣ, мой милый, право не въ умѣ!

ФРЕДЕРИГО.

О нѣтъ! Былъ некогда ваятель, богогворившій бѣлый, имъ созданный мраморъ, до тѣхъ поръ, пока по словамъ повѣсти царица кипрескал, или какое-то другое прекрасно-доброе божество, коснулась жизнью до блѣднаго камня, и онъ сдѣлался невѣстою Нималіона: но до тебѣ, еще прежде щедро осыпанной природою всеѣмъ богатствомъ ея, до тебѣ коснулась теперь любовь красотою своею: стало быть ты вдвое болѣе достойна обожанія человѣческаго; ты—но позволь мнѣ отдохнуть, у меня недостаетъ дыханія.

ДЖАНА.

Отъ болтливости.

ФРЕДЕРИГО.

Отъ восторга. Но теперь я могу обожать тебя въ молчаніи.

ДЖАНА.

Вечеръ темнѣ. Мнѣ пора итти; прости до завтра...

ФРЕДЕРИГО.

О! нѣтъ еще, нѣтъ еще. Посмотри, луна, свѣтлая луна взошла, и кажется, нѣтъ свой нѣжный, сладостный блескъ на вновь соединенныхъ любящихся. Посмотри, она улыбается! и приказываетъ тебѣ подождать: неужели ты не послушаешься царицы неба? Берегись.

ДЖАНА.

Прости, нѣтъ, нѣтъ, мнѣ надобно итти.

ФРЕДЕРИГО.

Мы пойдемъ вмѣстѣ.

ДЖАНА.

Нѣтъ, не сегодня: люди мои ожидаютъ меня у рыбачей хижины.

ФРЕДЕРИГО.

Но еще нѣсколько словъ, и потомъ я разстанусь съ тобою, на длинную ночь. Позволь мнѣ завтра притти—я уже вижу это позволеніе въ глазахъ твоихъ—позволь мнѣ притти, и принести съ собою всю любовь мою и положить ее къ ногамъ твоимъ. О! ты будешь моимъ милымъ, путеводнымъ свѣточъ до тѣхъ поръ, пока сіяютъ блестящіе круги этой плывущей по небу планеты. Нѣкогда Халдейцы наблюдали съ высокихъ башенъ теченіе звѣздъ и утверждали потомъ власть ихъ надъ всею землею; такъ, милая Джіана, и я буду защищать мое идолопоклонство. Доказательства мои будутъ сильны, они заключатся въ красоть и очарованіи темной лазури твоихъ любовью блистающихъ глазъ, въ свѣтлыхъ жилкахъ выходящихъ по шеѣ твоей и скрывающихся въ бѣлой груди; въ твоемъ гладкомъ челѣ, въ волосахъ, густыми волнами разсыпанныхъ по прекраснымъ плечамъ твоимъ; въ твоемъ спокойномъ достоинствѣ, въ твоемъ скромномъ умѣ, въ твоемъ нѣжномъ, побѣждающемъ краснорѣчіи; въ женской прелести и любви—любви склонившейся теперь ко мнѣ бѣдному! Такіа доказательства конечно утверждаютъ мое идолопоклонство.

А. Ишинова.

ДИДОНА.

(ЧЕТВЕРТАЯ ПЬЕСА ЭНЕИДЫ.)

Посвящ. Д. М. Княжевичу.

Дидона повѣряетъ любовь свою къ Энею сестрѣ Анитѣ, которая подаетъ ей надежду на вступленіе съ нимъ въ бракъ. Юнона, желая этого брака для удаленія Энея отъ береговъ Италіи, вступаетъ въ переговоры съ Венерою. Эней и Дидона, во время охоты, застигаются грозною, и укрываются въ одной и той же пещерѣ. Молва объявляетъ о новомъ союзѣ Дидоны Гетулійскому царю Ярбу, который приноситъ ревнивыя жалобы свои Юпитеру Аммону. Зевсъ посылаетъ съ Меркуріемъ повелѣніе Энею плыть въ Италію. Замѣчая тайныя приготовленія къ отплытію, Дидона старается удержать Троянскаго вождя просьбами и убѣжденіями; но видя наконецъ, что ничто его не трогаетъ, рѣшается на самоубійство. Новое явленіе Меркурія ускорять отплытіе Энея. Дидона въ отчаяніи всходитъ на приготовленный ей сестрою для возмужанія костеръ и пронзаетъ грудь мечемъ Энея.

... Царница, давно ужъ томимая тяжелой тоскою,
Язвы скрываетъ въ груди, и ситдается пламенемъ тайнымъ.
Въ умъ ей приходятъ и доблесть и родъ знаменитый героя;
Образъ и рѣчи его глубоко ей врылись въ сердце,
И тоска не даетъ безмятежнаго отдыха членамъ.
Вотъ обошла уже вновь со свѣтлымъ ликомъ Фебъ землю
И разсыла въ небѣ влажныя тѣни аврора,

Сердцемъ больная Дидона къ сестрѣ своей рѣчь обращаетъ:
 Анна, какія мечты тѣснить и тревожать мнѣ душу!
 Ахъ, какой новый приницъ вступилъ во владѣнія наши!
 Какъ онъ прекрасенъ, какъ духомъ могучъ и мужественъ въ битвѣ!
 Да, не вотице я увѣрена въ томъ, что онъ божеской крови..
 Перерожденнымъ дунамъ измѣняетъ боязнь. О, сколь мнотой
 Участью быть онъ гонимъ! О какихъ намъ рассказывать бра-
 Если бъ въ душу неизменно и твердо я не рѣшилась (пяхъ!
 Въ брачныя узы ни съ кѣмъ не вступать по конецъ моей жизни,
 Послѣ, какъ первую страсть мою смерть обманула ненадно.
 Если бъ противны мнѣ не были брачныя свѣчи и ложе,
 Можетъ быть, только теперь не могла бы вины я избѣгнуть.
 Анна, призвѣюсь тебѣ: послѣ участи горькой Сихея,
 Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ Пенаты разбѣяны братоубійствомъ,
 Онъ лишь одинъ мои чувства склонилъ, и упавшую душу
 Къ жизни воздвигъ. Узнаю снова вась, слѣды страсти минувшей!
 Но пусть прежде земля подо мною разберзнетъ утробу,
 Иль Всемоущій перуномъ низринетъ отсель меня къ тѣнямъ,
 Вѣднымъ тѣнямъ Древа, въ пѣдра глубокія ночи,
 Прежде, чѣмъ, стыдъ, я нарушу тебѣ, или презрю законъ твой.
 Тотъ, кто первый съ собой сѣдинилъ меня узами брака,
 Взялъ и любовь мою; съ нимъ да почіетъ она и въ могилѣ!
 Такъ говорила, и слезы ручьями катились на перси.

Анна въ отвѣтъ: О, любимая мной болѣ, свѣта подруга!
 Иль въ одиночествѣ горькомъ всю юность провести ты ждасяшь.
 Милыхъ дѣтей не деля, не зная любви наслаждений?
 Или ты минешь угодить тѣмъ праху и тѣнямъ усопшихъ?
 Пусть будетъ такъ! Но досель тебя не склонили къ замужеству
 Ни Ливійцы, ни Тиръ еще прежде того; ты отвергла
 Ярба и прочихъ князей, вскормленныхъ Африкой, славной
 Блескомъ побѣдъ. Иль противиться хочешь и сердца влечению?
 Развѣ забыла, на чьихъ ты земляхъ воздвигаешь свой городъ?
 Здѣсь селенія Гетуловъ, не знающихъ равныхъ въ сра-
 Тамъ Нумидійцевъ толпы, а тамъ въроломные Сирты; (женъ ;

Далѣ стѣнь, изсушенная зноемъ, жилище свирѣныхъ
Барцитовъ. Вспомни еще о войнѣ, восходящей отъ Тира,
И объ угрозахъ родни...

Вѣрно, по волю боговъ и содѣйствию мощиой Юноны,
Вѣтромъ направлѣтъ къ брегамъ нашимъ бытъ кораблей Пліонъ.
Вообрази, о сестра, какъ усилятся городъ и царство дескихъ.
Бракомъ такимъ! Въ соединеніи тѣсномъ съ оружіемъ Тев-
Сколько подвиговъ новыхъ возвысятъ Пунійскую славу! (кровь,
Ты же молился богамъ и, склонивъ ихъ угодною жертвой,
Гостепріимствомъ займись и отерочкѣ придумай причины:
Гдѣ морь, скажи, бушуютъ Борей и дождливый Оріонъ,
Флютъ весь въ развалинахъ, небо еще для пловцевъ неспо-
Такъ говоря, воспалила любовію страстную душу, слышно.
Недоумьную надежду дала, и стыдъ усыпила.

Идутъ немедля во храмъ, у святыхъ алтарей да испро-
Мира душъ; по обычаю, лучинныхъ основъ закалаютъ (сать
Фебу, Лію-отцу и Церерѣ, законы дающей,
Прежде же прочихъ Юнонѣ, связующей брачныя узы.
Чашу десницей держа, въ красотѣ несравненной, Дидона
Ситѣ бѣлѣйшей телятъ вино межъ роговъ изливаетъ, (ныхъ
Нль предъ безсмертными ходитъ вблизи алтарей утѣшен-
День торжествуетъ дарами, и, въ нѣдра закланныхъ животныхъ
Взоръ свой вперя, вопрошаетъ трепещущій жизнию потрохъ.
Умъ прорицателей тщетный! Увы, что помогутъ безумной
Храмы, обѣты, тогда, какъ проникнута пламенемъ тонкимъ
Внутренность вся, и скрывается въ неряхъ лѣва живая!
Съ мукой пальцей въ груди, царица злосчастная бродитъ
Въ улицахъ города, лани подобясь, которую настырь (путь,
Въ рощахъ Креійскихъ, безпечную, издали дротомъ настиг-
Самъ не замѣтивъ того, и летучую сталь въ ней оставилъ:
Раненный звѣрь чрезъ лѣса и поля и ущелія Дикта (рахъ.
Скачетъ стрепгавтъ; а смертельное древко дрожитъ въ его ребъ-
Вотъ вдоль по улицамъ водить Дидона съ собѣю Энея,
Кажетъ Сидонскую пышность и градъ воздвигаемый кажетъ;

Речь съ нимъ заводить, но звуки безъ словъ на устахъ за-
 Но лишь день западетъ, Дидона пиры учреждаетъ, (мирають.
 И, безрасудная! слышать рассказы о битвахъ Троилскихъ
 Снова желаетъ, и съ устъ повѣствующихъ взора не сводить.
 Послѣ жъ, когда разлучатся, и тусклый свой факель чредою
 Скроетъ луна, и ко сну пригласить заходящія звѣзды,
 Въ домъ пустомъ горюетъ одна и на одрѣ позабытый
 Вернется: съ милымъ въ разлукѣ, все слышитъ и видитъ его
 Или, Асканія взявъ, плынная ликомъ отцовымъ, (лишь,
 Держитъ у лона, любовь обмануть несказанную мыслъ.
 Башень зачатыхъ постройка оставлена; ратному дѣлу
 Юность не учится; пристань и вѣрныя средства къ защитѣ —
 Все позабыто; коснѣютъ, прервавшись, работы: и стѣны
 Съ рядомъ огромныхъ зубцевъ, и взбѣжавшія къ небу бой-
 (ицы.

Только узрѣла Дидону такой одержимую страстью,
 Даже забытую стыдъ для любви, Громовержца супруга
 Съ сими словами подходитъ къ богинѣ любви, Цитерѣ:
 Да, вы стяжали хвалу превосходную знатной добычей,
 Ты и твой сынъ! Велика и достойна жить въ памяти слава
 Двухъ боговъ, побѣдившихъ единую смертную казнь! (кой
 О, мнѣ извѣстно и то, какъ отъ стѣнъ Олимпійскихъ украд-
 Ты съ подозрѣньемъ глядѣла на зданья Пунійскаго града.
 Но къ чему то ведетъ? и зачѣмъ теперь распри такія?
 Лучше пусть миръ вѣковѣчный, съ союзомъ Гименовымъ купно,
 Нашъ соединитъ! Чего всею желала душой — обрѣла ты:
 Страстью пылаетъ Дидона, безумье ей въ кости проникло.
 Будемъ же общимъ народомъ, богиня, равною править
 Властною: пусть соединится Дидона бракомъ съ Фригійцемъ:
 Пусть, какъ приданое, власти твоей Тирійцевъ подклонитъ.

Ей въ отвѣтъ (разумѣлъ лукавый смыслъ речи, вручавшей,
 Да на Ливійскихъ брегахъ Италійское царство воздвигнеть)
 Такъ возразила Венера: О кто же безумецъ отвергнетъ
 Волю твою, или въ битву вступить пожелаетъ съ тобою?

Пусть лишь, какъ ты говоришь, соизвѣствуетъ счастье дѣлу.
 Но не открыли судьбы мнѣ, желаетъ ли городъ единый
 Дать Юнигеръ Тирійцамъ съ народомъ, изнеженнымъ изъ Трои;
 Хочетъ ли ихъ соединенъ, или дружеской связи межъ ними.
 Сердце супруга молениемъ извѣдать прилично супругъ.
 Дѣйствуй; я слѣдую. Ей отвѣчала царица Юнона:
 Трудъ на себя я беру; а теперь тебѣ кратко скажу лишь,
 Какъ все то можетъ случиться, что предстоить намъ; внимай мнѣ
 Завтра Эней, съ вѣщательной Дидоной вмѣстѣ, на морю
 Въ ближній отправятся, лишь только изъ перелѣсныхъ тумановъ
 Снова изыдетъ Титанъ и лучами всю землю осияетъ.
 Тутъ я черную тучу на нихъ, отягченную градомъ
 (Съ тѣю пока, съ тѣся, окружають лавы всю долину),
 Сверху пролью, и перуномъ небесную твердь поколеблю.
 Спутники врозь разбѣгутся, скрытые черною мглою;
 Вождемъ же Троилскій съ Дидоной къ одной и той же нещери
 Придутъ. Я буду ужъ тамъ; и, если со мной ты согласи,
 Тѣснымъ союзомъ ее соединишь съ нимъ, какъ мужа съ женою.
 Тамъ будетъ брачный ихъ одръ. Не противься тому, Цитерей:
 Тихо кивнула glavой, улыбаясь придуманнымъ кознямъ.

Вотъ ужъ Аврора, возставъ ото сна, океанъ покидаетъ.
 Въ утреннемъ блескѣ, изъ ератъ цвѣтъ юношей града исходитъ.
 Тянутся сѣти, тенета, ширококонечныя коня,
 И Массилійскіе всадники съ чуткою стаєю гончихъ.
 Въ спальнѣ медитъ царица: ее ожидаетъ у входа (томъ,
 Сономъ почетныхъ гражданъ; багрецомъ изукрашенъ и златомъ)
 Конь ея борзый грызетъ покрытыя цѣной удила. (донмъ)
 Вотъ наконецъ, среди придворныхъ толпы, выступаетъ Ди-
 Въ свѣтлой Сидонской хламидѣ, обшитой цвѣтнстой каймою;
 Туль за плечами златой, и власы перевязаны златомъ,
 Запономъ чистаго злата застегнутъ хитонъ пурпуровый.
 Вотъ и Фригійскіе мужи во слѣдъ и веселый Асканій
 Идутъ. Межъ ними Эней, красотой затмѣвающий прочихъ,
 Самъ вызывается изъ спутники ей, и ходъ замыкаетъ.

Словно, когда отъ Аикійской зимы и отъ быстрою Кеаноа
 Богъ Аполлонъ убѣжалъ, родимый Делосъ навѣнцаетъ, и инсь
 Нѣсны и пляски возставитъ; вокругъ алтарей тамъ, смѣшавъ
 Празднуетъ Критяне, Дріоны, съ нестрой толпой Агаонр-
 Богъ же на Цита вершины восходить, и мягкіе капри совь;
 Листіемъ вѣжнымъ вѣнчалъ, повязкой златой ихъ связуетъ;
 Тутъ за плечами звенитъ: не съ меншею бодростію нынѣ
 Шель прародитель Оней, красотой лучезарной сіялъ.

Только ловцы по горамъ добрались договницъ неприступныхъ;
 Вдругъ, отгоршисъ отъ темени скалъ своихъ, дикія козы
 Ринулисъ внизъ; а съ другой стороны, по открытому полю,
 Пыль на бѣгу поднимая столбомъ и стѣснялся въ кучи,
 Скачутъ еленей стада, и холмы за собой оставляють. зымъ,
 Отрокъ Асканій межъ тѣмъ, веселясь бѣгуномъ своимъ бор-
 Мчится по доламъ, то тѣмъ, то другихъ на бѣгу упрещая; выхъ
 Всею душею онъ молить, чтобъ между безсильныхъ живот-
 Съ горъ испустился иль вепрь опѣннень, иль левъ златогривый.

Въ воздухъ тою порой поднимается рѣпотъ великій;
 Велѣдъ за тѣмъ низвергается дождь, перемѣнанный съ градомъ.
 Тутъ, въ безнорядкѣ, Тирійцесъ толпа съ молодежью Троянской
 И Цитерен внукъ Дарданійскій стремится чрезъ пашни
 Крова въ испугъ некатъ: а съ высотъ такъ и хлещутъ потоки.
 Вождь же Троянской съ Дидоной къ одной и той же пещерь
 Вместе приходатъ: Земля съ богинею браковъ, Юноной,
 Знакъ подаетъ; зеркалаи огни и эфиръ, соучастникъ
 Брака, и съ темени горъ завопили жалобно Нимфы.
 День тотъ былъ первымъ началомъ всѣхъ бѣдъ и первой причиною
 Смерти: Дидона съ тѣхъ поръ, ни молвъ, ни приличію невенмая,
 Мыслить уже не о тайныхъ утѣхахъ любви сокровенной,
 Связь свою бракомъ зоветъ, прикрывая проступокъ названьемъ.

Вскорѣ Молва чрезъ обширные Ливій грады проходитъ,
 Злая Молва, быстрыйшая прочихъ всѣхъ золь и несчастій;

Слы въ бѣгу обрѣтаетъ она, отъ движенія тучитеть;
 Малая съ страху сперва, къ небесамъ возносится вскорѣ;
 Землю пятой попираетъ, главою скрывается въ тучахъ.
 Матерь-земля, говорятъ, раздраженная гнѣвомъ безсмертныхъ,
 Въ младшія сестры родила ее Энцеладу и Кею,
 Быстрыя ноги ей давъ и проворнымъ крыломъ надѣшени.
 Страшный уродъ-исполнитъ, у котораго перьевъ на тѣлѣ
 Столько же, сколько и бдѣщихъ подъ нимъ очей, и (о чудо!)
 Столько же звучныхъ усть, языковъ и ушей на сторожѣ.
 Ночью, шипя въ темнотѣ, межъ землею и небомъ на крыльяхъ
 Вьется она, и живительнымъ сномъ очей не смыкаеть.
 Днемъ же стражемъ сидитъ пль на грѣбѣ возвышенной кровли,
 Или на башняхъ высокихъ, и сильныя грады пукаетъ;
 Больше вѣстница лжи и разврата, чѣмъ вѣстница правды,
 Разныя слухи теперь межъ народовъ она разсѣвала,
 Въ радости злобной равно возвышала съ былымъ небылое:
 Будто бы прибылъ Эней, рожденный отъ крови Троянской,
 Коего мужа Дидона прекрасная бракомъ почтила;
 Будто бы цѣлую зиму они утоняютъ въ забавахъ,
 Области царства забывъ, и предавшись плѣгъ постыдной.
 Все это злая богиня въ уста людскія влагаеть.
 Вотъ уже путь свой она къ Ярбу царю обращаетъ;
 Вѣстію духъ возжигаетъ его, и гнѣвъ въ немъ сугубить.

Гирамантиды сынъ, Аммономъ похищенной нимфы, (вѣсу,
 Въ царствѣ обширномъ своемъ сто огромныхъ храмовъ Зе-
 Сто алтарей онъ воздвигъ, посвятивъ и огонь негасимый
 Съ вѣчною стражей богамъ, и тучиющій кровью животныхъ
 Полю, и цвѣтушіе разнаго рода плетеньемъ пороги.
 Онъ, въ изступленіи сердца, палимаго горестной вѣстью,
 У алтарей, говорятъ, передъ ликомъ безсмертныхъ, въ то время,
 Руки подымавъ съ униженьемъ, Юпитеру долго молился:
 Зевсъ всемогущій, кому, на украшенныхъ ложахъ пируя,
 Родъ Македонскій теперь возмываетъ Лепейскій напитокъ,
 Зришь ли все это? Или, родитель, тѣхъ молній, что мещешь,

Вступь страннымъ? и огнь, по тучамъ вѣющійся сѣно,
 Въ трепетъ сердца приводя, раздражается ропотомъ тщетнымъ?
 Женщина, въ нашихъ предѣлахъ скитаясь, какъ данища наша,
 Городъ воздвигла здѣсь скудный; ей дали мы беретъ подъ нашъ
 Дали законы земли, и что же? жена та отвергла
 Нашу любовь, и на царскій престолъ свой пріяла Энея.
 Вотъ ужъ Наристъ этотъ, сопровождаемый подумулами,
 Подъ Мессійскою митрой сокрывъ умищенный свой волосъ,
 Нынѣ хитищемъ владѣть; а мы въ твои храмы приносимъ
 Тщетные наши дары, и ласкаемся тщетою слабой.

Такъ вопиющему сыну, алтарь захватившему данью,
 Внявъ Всемогущій, и очи свои обращаетъ къ стѣнамъ нинѣ.
 Царскихъ палатъ и къ любовникамъ, лучшій призывъ помѣвивъ-
 Послѣ, къ Меркурію рѣчь обративъ, отдастъ повѣщанье:
 Сынъ мой, иди, призови и зефирозъ и крылья на помощь;
 Князю Троянъ, который теперь въ Кароменъ Тирійскомъ
 Медитъ, не видя впереди судьбами дарованныхъ градовъ,
 Слово мое огнеси на крылахъ быстровѣннаго вѣтра:
 Нѣтъ, не такимъ, какъ онъ днесь, его прекрасная мать
 Намъ обѣщала, и дважды спасла не затымъ отъ Ахейвъ,
 Но да Италій онъ, войны и могущества полной,
 Править, возстаеи тамъ родъ отъ крови блгстательной
 И подъ законы свои подклонитъ цѣлую землю. (Теткровъ,
 Если его не пѣняеть и блескъ толпикихъ дѣлій,
 Если онъ самъ, для славы своей, трудовъ не подъемлетъ,
 То неужели завидуетъ сыну въ величїи Римскомъ? дитѣ?
 Что предприѣмлетъ? въ надеждѣ какой у враговъ своихъ мед-
 Нль Авзонійское племя, Лавинїи нивы забыть онъ?
 Пусть откликнется! это воля моя; будь вѣстникомъ оной.

Рекъ, и Меркурій спѣшитъ исполнить отца повѣщанье:
 Прежде всего прикрываетъ къ ногамъ своимъ крылья златыя,
 Конъ его, поднимая высоко надъ бездною моря
 И надъ перестыю земной, съ быстротою молніи посятъ.
 Послѣ прїѣмлетъ свой жезлъ: онъ имъ вызываетъ изъ Орка

Блѣдныя души, другія же въ тартаръ печальный изводятъ;
 Сны посылають, отъемлютъ, и они кончиной смежастъ;
 Также подьмлютъ и вѣтры и плыветъ сквозь густыя туманы.
 Вотъ налету уже зрится оны вершину и ребра крутыя
 Атланта твердаго небо подпершаго гордой главою;
 Атланта, коего темя лѣсистое, скрытое вѣно
 Черною тучъ иленой, и дождемъ и вѣтромъ събѣтается,
 Сны въ на раменахъ обильный лежатъ; съ подбородка же старца
 Рыки бѣгутъ, и отъ льда густая брада замерзаетъ. (Цилиней
 Здѣсь, въ первый разъ, на уравненныхъ крыльяхъ ширяясь,
 Остановился: отсюда, вѣсмы тѣломъ на волны склоненный,
 Брошенъ, итець подобно, летающей низко вдоль моря
 Близъ береговъ и близъ рыбой обильныхъ подвѣсныхъ утесовъ.
 Точно такимъ же полетомъ летѣть, межъ землею и небомъ,
 Къ берегу песчаному Ливіи, воздухъ крыломъ разѣкая,
 Вѣстникъ, по предку родившей его, Цилинейская отрасль.

Вотъ, лишь крылатой пятой коснулся онъ кушъ Африкан-
 Видитъ: Оней воздвигаетъ дворцы и кладетъ основанье (скихъ,
 Новымъ домамъ; усыпанъ зѣздами изъ желтаго ясна
 Мечъ у него, и горитъ отъ Тирійскаго пурпура лена * ,
 Съ плечъ опущенная внизъ: подарки щедрой Лидоны,
 Собственноручно украсившей ткань тонкой битію золотою.
 Вѣстникъ не медя речеть: Кароатена высокаго нынѣ
 Ты основанья кладешь, жемчужобецъ, и городъ красивый
 Звѣдешь, увы, забывая и царство свое и величье!
 Самъ отъ Олимпа блестящаго нынѣ меня посылаетъ
 Царь вѣсхъ боговъ, вращающій небо и землю по волѣ; (вѣйнымъ:
 Самъ онъ приказъ мнѣ отнестъ повелѣтъ по вѣтрамъ быстро-
 Что предпріемлешь? въ надеждѣ какой въ земляхъ Ливіи медь-
 Если тебя не плывлетъ и блескъ обѣщанной славы, (лишь?
 Если ты самъ, для славы своей, трудовъ не подьмлешь;
 То хоть возри на цвѣтущаго сына, возри на надежды
 Юна, которому берегъ Италіи съ Римской землею

* Родъ плещи.

Опредѣлиши судьбы. Говоря это, вѣстникъ Зетеса,
 Въ самой срединѣ рѣчей еще, видимый образъ оставивъ
 И, въ отдаленіи отъ глазъ, съ синевою прозрачною слился.

Но прародитель Эней онемѣлъ, устранный видѣньемъ;
 Дыбомъ поднялись власы, и голосъ замеръ въ гортани.
 Хочетъ онъ бѣгству предаться и мѣлкія страны покинуть,
 Будто громомъ, совѣтомъ и волей безсмертныхъ сраженный.
 Что же предприметъ? съ какими рѣчами дерзнетъ подойти онъ
 Къ гнѣвной царицѣ? Какое начало придумасть рѣчи?
 Духъ смѣтенный его отъ предмета къ предмету стремится,
 Въ разныя стороны вдругъ увлекаясь и все покидая.
 Лучшимъ ему наконецъ показался средство такое:
 Ницетъ Мнестея, Сергеста и храбраго мужа Клоанта,
 Флотъ имъ велитъ снарядить, созвать сотоварищей къ брегу
 И приготовить оружіе, тщательно скрывши причину
 новаго хода всѣхъ дѣлъ; а пока въ простотунномъ незнаньи
 Не ожидаетъ царица разрыва столь сладостной страсти,
 Хочетъ онъ самъ, для пріестуна къ дѣлу, выбрать минуты
 Нѣжныхъ бесѣдъ съ ней, и ходъ предпріятія устроить. Съ весельемъ
 Мужи спѣшатъ покориться ему, и приказы исполняютъ. Темъ

Но предузнала царица и кто бы любовь обмануть могъ?
 Козинъ Эней, и первая будущность всю разгадала,
 Вѣрнаго даже страшась: неустовой, ей объявила
 Злая Молва, что суда снаряжаютъ, къ отплытію готовясь.
 Умъ потерявъ, свирѣпѣетъ она, и по цѣлому граду
 Буйная носится, словно Тіада средѣ праздниковъ шумныхъ,
 Въ часъ тотъ, когда возбуждаютъ въ ней жаръ трехгодичныя Вак-
 Оргіи, и отъ воззваній дрожить полуночный Цитеронъ. (ху
 Вотъ сама наконецъ обращается съ рѣчью къ Энею:

Ты еще думаешь, что можешь сокрыть, вѣроломный, такую
 Злую измѣну, и тайно покинуть владѣнія наши?
 Или тебя ни любовь, ни данныя прежде обѣты,

Ни ужасный Дидоны конецъ удержать ужъ несилами?
 Въ зимнее время еще, ты стой флюгъ снаряжася, жестокий,
 Въ самыя бури сына пуститься въ открытое море?
 Какъ? если бѣ пивъ незнакомыхъ и чуждыхъ жилищъ не
 Если бы дренія Троя еще досель стояла; искалъ ты,
 Чьи бы по бурному морю суда навѣщать ее стали?
 Или меня ты бѣжишь? Слезами, десницей твоею
 (Бѣдной мнѣ ничего ужъ нѣга теперь не осталось!),
 Связью любовною нашей, и пачатымъ только Гименомъ,
 Если когда-либо я угодила тебѣ, или что было
 Сладко тебѣ отъ меня, умоляю: надъ гибнущимъ домомъ
 Сжался и, если мольбамъ мѣсто есть, оставь предпріятіе!
 Ты была причиной, что Ливій племя и князи Номадовъ
 Нынѣ меня ненавидятъ, Тиріецъ—мнѣ вратъ; для тебя же
 Я позабыла и стыдъ, и то, чѣмъ однимъ возвыналась,
 Прелкій призывъ. На кого меня, слабую, гостя, покидаешь?
 (Имя гостя одно отъ супруга теперь мнѣ осталось!)
 Ждатель ли еще, чтобъ Пигмалионъ брать мой стѣны разрушилъ,
 Или чтобъ Ярбъ Гетуліецъ въ неволю повлечь за собою?
 Пусть бы еще, до разлуки съ тобой, мнѣ осталась надежда
 Сына имѣть отъ тебя; хоть бы въ этомъ дворцѣ предо мною
 Прыгала малютка - Эней, лицомъ на большаго похожий:
 Я бѣ не считалась тогда совершенной вдовой, или вдовицей!

Такъ говорила. Эней, по внушенію Зевеса, спокойнымъ
 Окомъ взиралъ, и скрѣпясь, печаль подавлялъ въ своемъ сердцѣ.
 Кратко сказалъ наконецъ: О царица! заслугъ твоихъ многихъ,
 Коими можешь хвалиться, я никогда не забуду;
 Нѣтъ, никогда не раскаюсь я въ томъ, что помню Одиссу,
 Самъ себя помню пока, пока духъ этимъ тѣломъ владѣть.
 Кратокъ мой будетъ отвѣтъ: не мысли, чтобъ думалъ скрывать я
 Втайнѣ отъѣздъ свой; не мни, чтобъ когда либо я домогался
 Этого брака, и прибылъ сюда для союза съ тобою.
 Еслибъ судьбы предоставили мнѣ наслаждаться свободно
 Жизнью моею, и по собственной волѣ устроить дѣла всѣ;

Въ градъ Трояскомъ, близъ милаго непа друзей моихъ,
 Я бѣ обиталъ, и Пріама чертоги стояли бѣ досель: (нынѣ
 Новый Пергамъ я воздвигъ бы изъ праха друзьями побѣж-
 Но теперь Аполлонъ Гривейскій и Ликій боги — деннымъ.
 Мнѣ велѣтъ овладѣть обширной землей Игальской:
 Тамъ и любовь и отчизна моя! Коль тебѣ, чужестранецъ,
 Крѣпкіе замки и видъ Ливійскаго града любезны;
 То для чего же завидуешь ты, что въ странѣ Авзонійской
 Будутъ жить Теверы? Прилично и намъ отыскивать царства!
 Только лишь звезды златыя проглянуть, мнѣ въ сповѣдь!
 Мрачный образъ Анхиза отца представляется грозно; шлахъ
 Мнѣ упрекаетъ въ неправдѣ и отрокъ любезный Асканій,
 Коего странѣ Гесперійскихъ, дарованныхъ рокомъ, лишаю.
 Нынѣ ужъ вѣстникъ боговъ, самымъ низпосланный Зевсомъ,
 (Сына главой и моею клянусь!) по вѣтрамъ быстротѣйшимъ
 Вопо его мнѣ принесъ: я зрѣлъ самъ въ лучезарномъ сіяньи
 Бога, входящаго въ градъ, и своими ушами гласъ слышалъ.
 О, перестань же себя и меня разнѣять ты печалью:
 Слѣдую я не по волѣ своей...

Такъ говорилъ. На него ужъ давно съ отвращеніемъ вз-
 Грозныя очи вращая, она, и всего измѣряя (раетъ,
 Взоромъ нѣмымъ. Наконецъ, вся пылая, такъ отвѣчаетъ:
 Нѣтъ, не богиня родила тебя, въроломный; не Дарданъ
 Предокъ тебѣ! Изъ кремнистой скалы породилъ тебя вѣрно
 Твердый Кавказъ, и тигрицы Гиркана вскормили сосцами.
 Что еще долѣ скрывать? нѣтъ готовится къ большому горю?
 Вдохъ онъ одинъ испустилъ ли на плачъ мой? смутился ли очами?
 Промылъ ли слезы когда? сострадалъ ли о бѣдной подругѣ?
 Что я теперь изберу? Ни великая Зевса супруга,
 Нѣтъ, ни Сатурній-отецъ не узрѣтъ того окомъ спокойнымъ!
 Вѣрности нѣтъ ужъ нигдѣ! Изверженный на берегъ, нищій
 Принять былъ мной; я, безумная, власть мою съ нимъ раздѣлила,
 Гибнувшій флотъ и друзей отъ гибели мотой избавивъ.
 Фуриі сердце мнѣ жгутъ! Вотъ теперь Аполлонъ-прорицатель,

Вотъ и Ликійскіе боги, и посланный Зевсомъ съ Олимпа
 Вѣстникъ боговъ приносить по вѣтру приказъ беззаконный.
 Подлинно дѣю богамъ тутъ! и какъ не нарушить покоя
 Имъ для того! Не дерзну тебя я и не спорю съ тобою.
 Слѣдуй въ Италію вѣтромъ, ницѣ по волнамъ собѣ царства!
 Но, если боги правдивые силу имѣють, надѣюсь:
 Казнь ты получишьъ средѣ камней подводныхъ, и имя Дидоны
 Часто звать будешь! Огустевуя, буду слѣдить за тобою (домъ,
 Пламенемъ лютымъ; когда же хладъ смерти раздѣлитъ духъ съ тѣ-
 Тѣною повсюду помчусь за тобой: возскорбѣшь, несчастивецъ!
 О, съ какой радостью, въ царствѣ твоемъ, я услышу объ этомъ!
 Такъ прервала, не окончивши, рѣчь, и вдругъ изъ покоя
 Вышла и пала безъ чувствъ, оставивъ Энея, который
 Въ страхѣ великомъ еще пребывалъ и готовился много
 Высказать ей. Принимають прислужницы тѣло царицы,
 Къ мраморной спавъ несутъ и тамъ возлагають на ложе.

Но прародитель Эней, сколь ни сильно желаніе героя
 Въ грусти царицу утѣшить, рѣчами разсѣять печали,
 Сколь ни страдаетъ душою онъ самъ отъ великой любви;
 Но, повелѣнье боговъ исполняя, къ судамъ поспѣваетъ.
 Тевкры за трудъ принимаются съ жаромъ, и съ берега спускають
 Въ волны суда: ужъ кли засмоленные плаваютъ въ морѣ.
 Вѣтви, одѣтыя въ зелень, и дубы сырые изъ лѣсу
 Сносятся снѣ, отправленіемъ снѣжна...
 Зри, какъ тамъ бродитъ народъ, и толпами стремится изъ града,
 Словно, когда муравьи, запасаясь къ зимѣ, расхищаютъ
 Зеренъ огромную кучу и кровлей занавѣ прикрываютъ:
 Полеми идетъ чернѣющій рой и добычу сквозь зелень
 Тѣсною тропинкой везетъ; одни, подпирая плечами
 Крупныя зерна, катятъ ихъ; другіе толпы погоняють,
 Медленность ихъ исправляя: трудами кишитъ вся дорожка.
 Чтоже при зрѣищѣ этомъ ты оцѣнила, Дидона?
 Сколько вдохновъ исторглось изъ персей, когда ты узрѣла
 Съ башни высокой, какъ берегъ широкій кидѣтъ, и все море

Кликомъ Троянскихъ мужей, въ твоихъ очахъ, оглашалось?
 Богъ жестокой любви, къ чему не побудилъ ты смертныхъ?
 Хочешь Дидона еще испытать и мольбы и слезы,
 Хочешь душевную гордость вторично смирить предъ любовью,
 Да, неиспытанный вновь, не покинетъ ея онъ на гибель.

Анна, ты видишь, какъ берегъ народомъ кишитъ; отовсюду
 Валитъ толпа за толпой; паруса призываютъ вѣтъ вѣтеръ;
 Вотъ и плывцы, веселясь, выками кормы украшаютъ.
 Еслибъ, сестра, я предвидѣть могла столь великое горе,
 Вѣрь, я и вынести смогла бы его. Единую просьбу,
 Анна, исполни для бѣдной сестры; лишь тебя въроломный
 Онъ уважалъ, и тебѣ лишь одной повѣрялъ свои тайны;
 Ты лишь одна знаешь время, когда его сердце доступно:
 О, поспѣши же къ надменному гостю и моли смиренно:
 Пить, не я дала клятву, съ Данайцами вмѣстѣ, съ Ахиллѣй,
 Племя Троянъ истребить, и суда къ Періаму послала;
 Пить, не я потревожила тынь и испель Анхиза!
 Что же къ словамъ моимъ онъ не склоняетъ упорнаго слуха?
 Мнится... куда? Какъ послѣднюю дара, несчастная проситъ
 Пусть подождетъ, для удобнаго плаванья, вѣтровъ попутныхъ.
 Я не о бракѣ былomъ, нарушенномъ имъ, умоляю,
 Или, чтобъ Лаціймъ красный и царство свое онъ покинулъ;
 Времени только прошу, утишенія страсти прошу я: (горю
 Пусть хоть несчастный мой жребій приучитъ пока меня къ
 Милости этой послѣдней желаю (о, скажись надъ бѣдной!);
 Я за его снисхожденіе сторицей воздамъ моею смертью.

Такъ умоляла, и вопли ея, чрезъ несчастную Анну,
 Слуха героя касались не разъ; но ни плачемъ, ни стономъ
 Онъ не подвижся; не вялъ ни единому слову мольбы:
 Рокъ не велитъ сострадать, божество ему слухъ заграждаетъ.
 Словно, когда на окрышій столѣтьями дѣбъ налетятъ вдругъ
 Съ Адыновъ Борен, и мощнымъ дыханьемъ своимъ потр яса
 Вырвать стремятся его: поднимается трескъ, и глубоко

Листья съ ствола потрясеннаго почву вокругъ устилають;
 Но онъ впился въ скалу, и на сколько вершиной къ зениту,
 Корнемъ на столько жъ во глубь къ подземному царству под-
 Такъ потрясають мольбы непрестанныя душу героя (ходить.
 И печалью великою сердце его наполняютъ; (слезы.
 Но неизмѣнна въ немъ мысль, и лиотелъ лишь тщетныя

Временемъ тѣмъ Дидона злощастная, рока страшася,
 Смерть призываетъ; ей больно взирать на лазурный сводъ
 Но еще боль постыль ей свѣтъ солнца, когда, возлагая (неба.
 Жертвенный даръ на алтарь олимпийскій, узрѣла внезапно,
 (Страшно сказать!) какъ священная влага вся почернѣла,
 И въ излияньи вино заструилось нечистою кровью.
 Но Дидона того и самой сестрь не открыла.
 Кромѣ сего, во дворцѣ, изъ мрамора храмъ былъ устроенъ
 Прежнему мужу: Дидона, тотъ храмъ уважая отменно,
 Бѣлой волною одѣла его и цвѣтами увила.
 Здѣсь ей слышался гласъ и слова къ ней взывавшаго мужа,
 Въ часъ, когда темная ночь простирала покровъ свой на землю.
 Часто здѣсь также внимала она, какъ зловѣщую пѣсню
 Филинъ на кровлѣ стоналъ, разливаясь плачемъ проглѣннымъ.
 Многія, кромѣ того, предсказанья гадателей славныхъ
 Ей угрожаютъ жестокой бѣдой. Въ сновидѣньяхъ, за нею
 Гонится часто свирѣпый Эней; но всегда напоследокъ
 Видитъ забытую другомъ себя, одинокую, будто
 Дальней дорогой идти и пустынями ищетъ Тирійцевъ.
 Такъ толпы Эвменидъ зрѣть безумный Пентей предъ собою:
 Свѣтять два солнца ему и являются Оны двойныя.
 Такъ Орестъ, Агамемноновъ сынъ, средь позорищъ народныхъ,
 Змѣй ядовитыхъ и съзбочей адескихъ бѣжить, предносимыхъ
 Матерью гнѣвной: а мстятѣи Диры сидятъ на порогъ.

Вотъ уже, когда, побѣжденная скорбью, отчаянья жертва,
 Смерть рѣшилась вкусить и обдумала втайнѣ съ собою
 Время и средство къ тому, подходитъ къ печальной подругѣ,

Умысль улыбкой скрывая, чело проясняя надеждой: (ругу)
 Способъ мной найденъ, сестра, говорить ей: проздрать же под-
 Способъ—его возвертнуть, или несчастную страсть уничтожить.
 Есть на краю океана, близъ самаго запада солнца,
 Крайний предѣлъ Доіонской земли, гдѣ Атлантъ высокій
 Ось всего міра, съ горящими звѣздами, рамою вращаетъ.
 Нынѣ оттолъ приходила ко мнѣ Массилійская жрица,
 Храмъ Гесперидъ сторожившая, самая та, что дракону
 Пищу давала и вѣтви священные дрова хранила,
 Макъ спотворный для звѣря кропя медовой росой.
 Хвалится жрица та силою чаръ разрывать, кому хочетъ,
 Душу отъ горя, другимъ насыпать тяжелыя скорби;
 Рѣкъ теченьемъ владѣть она, обращаетъ вспять звѣзды;
 Тынн ночныя на свѣтъ вызываетъ: и слышно, какъ воютъ
 Идра земли подъ пятой, и съ высотъ выпускаются дубы.
 Противу воли, сестра, (богами, тобой и твоею
 Милою главою клянусь!) прибѣгаю къ средствамъ волшебнымъ.
 Ты же на заднемъ чертога дворѣ костеръ возвышенный
 Тайно поставь, и оружіе мужа, забытое въ спальнѣ
 Пить въроломнымъ, съ одеждою всей, и супружескій одръ напи
 (Гибель мою!) положи на него. Уничтожить должна я,
 Слѣдя жрицовой волѣ, всю память о мужѣ коварномъ. . .
 Смолкла она, и незапная блѣдность лице покрываетъ.
 Аинь однако не входить въ мысль, чтобъ подъ чуднымъ обрядомъ
 Скрытъ былъ обрядъ погребальный; безумья сестры незамѣтя
 Большого, чѣмъ по кончинѣ Сихей, она не страшится,
 И выполняетъ приказъ.

Только въ дворѣ потаенномъ чертога воздвигнулся къ небу
 Грозный костеръ изъ смолистыхъ вѣтвей и изъ дуба, Дидона,
 Мѣсто плетнемъ оградивъ, въичаетъ его погребальнымъ
 Листіемъ; всю же одежду героя и мечъ, имъ забытый,
 Съ ликомъ его, возлагаетъ на одръ, съ извѣстной ей цѣлью.
 Окрестъ стоять алтари; съ распущенными жрица власами
 Громко вызываетъ къ безсмертному сонму, къ Эреву, къ Хаосу,

Также къ Гекатѣ тройной, троеликой дѣвъ Діанѣ;
 Мѣсто кругомъ орошается мнимой влагою Аверна;
 Требуешь травъ, источающихъ сокъ вредоноснаго яда,
 Травъ, собираемыхъ мѣдными серпомъ при сіяніи луннымъ;
 Требуешь также того, что срываютъ съ чела жеребенка,
 Матки любовью у птенца похищая на вѣкъ *
 Обувь съ ноги одной снявъ и одежду свою распоясавъ,
 Близъ алтарей, злопозвѣстная жертва покорною дланью
 Хлѣбъ предлагаетъ богамъ и вращающимся смертныхъ судьбою
 Звѣздамъ; потомъ, если есть божество справедливое въ небѣ,
 Для незанято горящихъ сердецъ, и его умоляешь.

Ночь наступила, и сонъ безмятежный крылами своими
 Обнявъ усталою землю; мѣся и свирѣлое море
 Стихли; когда жъ до середины пути докатились звѣзды,
 Только все поле замолкнуло; звѣри, пернатыхъ рой нестрѣй,
 Жители свѣтлыхъ озеръ, обитатели пустынь, покрытыхъ
 Терніемъ дикимъ, предавшись сну въ тишинѣ полуночной,
 Всѣ отложили заботы, и сердце труды позабыло,
 Но незлосчастное сердце Дидоны; она ни мгновенья
 Сномъ не забылась; ни очи, ни грудь не пріемлютъ покоя
 Ночи отрадной: заботы растутъ, и воскресшая снова
 Страсть свирѣлѣетъ и носится въ яростномъ гнѣвѣ разливѣ.
 Сердце упорствуетъ въ ней, и такъ разсуждаетъ съ собою:
 Что буду дѣлать? прибѣгнули вновь къ женихамъ моимъ преж-
 Я, посрамленная? будуль молить униженно о бракѣ (имѣть
 Тѣхъ, кого столько ужъ разъ презирала приниматьъ въ супруги?
 Чтожъ? и такъ следовать съ флотомъ Троилскимъ рабынею Тев-
 Не потому ли, что имъ столь полезна была моя помощь, (кровь?
 И сохраняютъ они благодарность за прежнюю милость?
 Но пусть рѣшусь и на то: кто изъ нихъ на корабль горделивый
 Бѣдную приметъ? Ещель, о безумная, ты не постигла
 Клятвопреступнаго рода Лаомедонлихъ коварныхъ?
 Чтожъ изберу? Полечу ли одна за торжественнымъ флотомъ?

* *Hippomanez*, изрость у лошадей. См. *Plin.* I. 8. 42.

Ня съ Тирійскою силою всей, средь толпы подчиненныхъ,
 Вслѣдъ устремлюсь, и едва лишь отторгнутыхъ мной отъ Сидона
 На море вновь повлеку и по вѣтру скитаться заставлю?
 Пить! я должна умереть; желѣзо печаль уничтожить!
 Ты, побѣжденная плачемъ безумной, ты первой, подруга,
 Золь всѣхъ причиной была, и сестру предала злодѣю!
 Развѣ нельзя было мнѣ безбрачную жизнь непорочно
 Вѣсть, подобно звѣрямъ, отъ подобныхъ несчастій избѣгаясь?
 Пеню Сихееву данный обѣтъ, ты не сдержишь невѣрной!
 Такъ изъ персей ея исторгались сердечныя пени.

Бѣгству предаться рѣшась и къ отплытію все изготавить,
 Сномъ наслаждался Эней на высокой корнѣ корабельной.
 Вотъ въ сновидѣньи предъ нимъ вдругъ явился въ образъ прежнемъ
 Богъ лучезарный, и снова къ нему обратилъ увѣщанье;
 Вѣстѣ на Меркурія былъ онъ похожъ: и гласомъ и видомъ,
 И златоудрой главою, и юности прелестью дневой:
 Сынъ Цитерен! нѣ время теперь наслаждаться покоемъ?
 Развѣ не видишь опасностей тѣхъ, что тебя окружаютъ?
 Или не внимаешь, безумецъ, дыханью зефировъ попутныхъ?
 Зная свой близкій конецъ, Дидона козни и мщенье
 Въ сердцѣ таитъ, и волнуется въ яростномъ гнѣвѣ разнѣвъ.
 Что неспышишь удалиться, пока удалиться возможно? блещетъ
 Вскорѣ подъ веслами всплывшися глубь: ты узришь, какъ за-
 Факель свирѣтый, и пламя, шумя, разольется по берегу.
 Что, если медлящихъ вась застанетъ на мѣстѣ Аврора?
 Встаньже, и лѣность отринь: невѣрны, измѣнчивы вѣчно (тою
 Женщинъ сердца! Такъ сказалъ онъ, и слился съ ночной темно-

Но прародитель Эней, уstraшенный неожиданнымъ видѣньемъ,
 Сладость покоя покинуть спѣшитъ и товарищей будить:
 Други! вставайте скорѣй и на лавкахъ мѣста занимайте;
 Живо поднять паруса! Вотъ, сошедшій отъ высей сонныхъ,
 Богъ намъ вторично вслѣдъ обрубить сученныя верви
 И отправленьемъ спѣшитъ. Покоряемся, дивный, тебѣ все!

Кто бы ты ни былъ, и волю твою исполнѣмъ съ весельемъ;
 Ты же сопутствуй пловцамъ, помогай, и на небѣ возжги имъ
 Звѣзды спасенія! Сказалъ, и исторгнувъ свой мечъ изъ ва-
 Моліисиднымъ его остріемъ обрубаеъ канаты. (галиицъ,
 Вмигъ той же ревностно все закидаеъ: и спосаеъ, и мечутъ;
 Берегъ остается пустымъ; подъ судами скрывается море;
 Плыа кишитъ подъ прилѣжнымъ весломъ; возмущаются бездны.

Вотъ ужъ Аврора, покинувъ сафранное ложе Тисона,
 Первымъ сіянемъ лучей возрожденныхъ осыпала землю.
 Съ башни высокой царица, лишь только взрѣла, какъ первый
 Свѣтъ занялся и суда на вѣтрилахъ уравненныхъ мчались,
 Только увидѣла портъ безъ гребцовъ и оставленный берегъ,
 Триады, четырежды въ бѣлую грудь ударя рукою,
 Кудри златыя рветъ на главѣ: о Юннтеръ! ужаси,
 Воинъ, приницъ уйдеть, наругавшися царствомъ Дицоны?
 Чтѣ же оружья народъ не беретъ, и не грянеъ вослѣдъ имъ?
 Чтѣ съ становищъ не спускаютъ судовъ? Испытайте! Скорѣ
 Дайте огня, паруса поднимайте, дружиѣ гребите!
 Чтѣ говорю я? и гдѣ я? Какимъ омрачаюсь безумьемъ?
 О злополучна! только теперь ты постигла измѣну, (клятвы,
 Но не тогда, когда скиптръ отдавала. Вотъ вѣрность, вотъ
 Вотъ тотъ, о комъ говорили, что носить отчизны пенатовъ,
 Тотъ, что на плеча подъялъ отца, удрученнаго жизнью!
 Пль не могла разтерзать на куски и по волнамъ разсѣять
 Тѣло его? и товарищей всѣхъ, и Асканіа даже
 Смерти предать, и родителю въ снѣдѣ поднести его сына?
 Правда, сраженій невѣренъ успѣхъ! Но кого же страшиться
 Мнѣ, умирающей? Ктобъ запретилъ мнѣ, со свѣточемъ въ длани
 Ринуться въ станъ, и зажечь корабли? и отца и рожденье
 Съ родомъ ихъ всѣмъ истребить, и самой потомъ броситься въ
 Ты, всѣ земныя дѣла озаряющій пламенникъ, солнце! (пламя?
 Ты, сопричастница брачныхъ союзовъ, богиня Юнона!
 Также, Геката, и ты, кому въ полночь съ распутой взываютъ,
 Всѣ вы: и метаяція Диры, и боги злощастной Элиессы!

Слухъ свой склоните ко мнѣ и воздайте достойно коварству.
 О, не отрицте моленій моихъ! Коль ужъ долженъ измѣнить.
 Пристань узрѣть, и съ судами своими приблизиться къ берегу,
 Если то Зевсова воля—да будетъ она неизмѣнна!
 Но пусть тогда, изнуренный войною съ могучимъ народомъ,
 Всюду гонимый врагомъ, отъ облытій отторгнутый Юла,
 Молить о помощи онъ и увидитъ плачевную гибель
 Близкихъ себѣ; и когда подъ условья постыднаго мира
 Склонить главу, да не узритъ ни царства, ни жизни желанной;
 Но да падетъ въ цвѣть лѣтъ среди степей и земля не предастся!
 Вотъ молитва моя: вѣстѣ съ кровью ее изливаю. (иныхъ
 Вы же, Тирійцы, къ ихъ роду всему до потомковъ позднѣй-
 Злобу питайте; да будетъ то жертвою пеплу Дидоны: (детъ!
 Пусть ни малѣйшей любви межъ народами, ни связи не бу-
 О, еслибъ могъ изъ останковъ моихъ возродиться другъ мститель
 И огнемъ и мечемъ Дарданійскихъ слѣдить поселенцевъ,
 Нынѣ ли, впредь ли, когда то дозволитъ окръпшій силы!
 Съ берегомъ берегъ, съ волною волна, съ оружіемъ оружье
 Вѣчно да будетъ въ войнѣ: пусть и сами и блуки враждуютъ!
 Такъ говорила, и сердце ея разрывалось на части,
 Свѣтъ ненавистный покинуть ища, сколь возможно скорѣе.
 Тутъ обратилась она къ Барцеѣ, кормилицѣ мужа
 (Шбо ея, еще въ прежней отчизнѣ, поконилась въ гробъ :
 Другъ мой любезный, сказала, сходи за Анной сестрою;
 Пусть она поспѣшитъ окропиться водою проточной
 И за собой приведетъ назначенныхъ въ жертву животныхъ;
 Ты же сама повяжи себѣ голову лентой священной.
 Жертву Стигійскому Зевсу, начатую мной по обряду,
 Кончить хочу я теперь, положивши предѣлъ всѣмъ печалямъ
 И предавши огню костеръ Дарданійскаго князя.
 Такъ говорила. Дрожащій свой шагъ ускорять старушка.

Вотъ, трепеща въ изступленіи отъ умисловъ лютыхъ, Ди-
 Кровью налитыя очи вращаешь; трепещутъ ланиты, (дона
 Въ пятна одѣвшись; слѣдитъ чело передъ близкой кончиной.

Къ внутреннимъ дома порогамъ стремится она; въ пестуиленн
 Выходитъ на грозный костеръ и гибельный мечъ обнажаетъ,
 Даръ, не для этого ей оставленный княземъ Дарданцевъ.
 Тутъ, бросивъ взглядъ на одежды Троилъ и на одръ, ей зна-
 Ньсколко слезъ уронила, потомъ задумалась горько, (комый,
 И поверглась на одръ, въ последний разъ въ жизни воскни-
 Сладкіе сердцу дары, пока року угодно то было, (кнувъ:
 Душу примите мою и избавьте меня отъ печалей.
 Да, я жила, и назначенный жребіемъ путь совершила;
 Нынѣ великая тѣнь моя сходить въ земную утробу.
 Зрѣла я стѣны свои, воздвигнула градъ знаменитый;
 Мужа отмстила, и казнь воздала ненавистному брату.
 Счастлива, счастлива слишкомъ Дидона была... если бъ только
 Флотъ Дарданійскій не зрѣлъ никогда Кароагенскихъ предѣловъ!
 Тутъ, припавши къ ложу лицомъ: но умруль неотмщенною?
 Да, я умру! восклицаетъ: отрадно и такъ идти къ тѣнямъ.
 Пусть этимъ пламенемъ взоры насытитъ Дарданецъ жестокій
 И, какъ предвѣстье кончины моей, его носить съ собою!

Словъ тѣхъ окончить еще не успѣвъ, предъ очами прислу-
 Вдругъ упадаетъ на мечъ: кровавая пѣна съ желѣза (жинцъ,
 Брызнула на руки ей. Поднимаются вопли въ высокихъ
 Сѣняхъ дворца, и несется молва по смутенному граду.
 Плачемъ, рыданіемъ и стопами женъ оглашаются громко
 Кровы гражданъ; отдается эонръ восклицаніями скорби:
 Словно напавшимъ врагомъ Кароагенъ разорется цѣлый,
 Иль знаменитый древностью Тиръ, и свирѣное пламя
 Лется, шумитъ надъ главами людей и главами безсмертныхъ.

Анна услышала вѣсть, и безъ чувствъ, задыхаясь отъ бѣга,
 Ликъ свой терзая ногтями и во грудь кулакомъ ударяя,
 Рвется къ костру сквозь народъ, и подругу по имени кличетъ:
 Вотъ, къ чему дѣлалось это, сестра! Ты хитрила со мною!
 Вотъ, что готовили мнѣ алтари тѣ съ костромъ и огнями!
 Что же, покинутой, сѣтовать мнѣ? Или въ спутницы смерти.

Я недостойна была? О, зачем не взяла меня въ долю?
Смертью одной и въ мгновенье одно мы погибли бы оба!
Я же жестокой рукой воздвигала костеръ и зывала
Къ отмщѣ богамъ, чтобъ не быть при тебѣ въ минутѣ кончины!
Лучшебъ съ собой уничтожила ты и меня, и народъ свой,
И Сидонскихъ отцевъ, и твой городъ! О, дайте, омою
Язвы водой и, коль бродячь надъ ними остатки дыханья,
Ихъ соберу я устами! И воть, по высокимъ ступенямъ
Выходить, и, сжавши сестру полумертвую, грѣть у лона,
Тяжко стена, и черную кровь отирая одеждой.
Тщителъ Дидона тяжелыя вѣжды поднять, но въ безсилъе
Снова приходитъ; пыласть подъ сердцемъ глубокая язва.
Трижды на локти опершись она, поднимается; трижды
Вновь упадетъ на одръ; очами бродящими ищетъ
Свѣтъ на небѣ высокомъ, и встрѣтя его, воздыхаетъ.

Тутъ Юнона всемогущая, сжалась надъ долгимъ страдашемъ
И надъ томленьемъ ея, Прису съ Оливиа послала,
Чтобы боровшійся духъ отъ тѣлесныхъ узъ отрешилъ.
И какъ Дидона не волей судьбы и не смертию постыдной,
Но преждевременно, жертвой безумья незапно гибла,
То Прозерпина у ней златовласыхъ кудрей не отторгла
И главу не могла присудить Стигійскому Орку.
Вотъ ужъ Приса, росистой стезей, на крыльяхъ сафранихъ
Тысячу разныхъ цвѣтовъ противъ солнца влѣча за собою,
Съ неба летить, и паря надъ Дидоны главою: эту жертву
Діо несу я, гласить, и тебя отрешаю отъ тѣла.
Тутъ десницею она отторгаетъ власы: и въ мгновенье
Вся теплота испарилась, и жизнь излетѣла на воздухъ. . . .

Съ Латинскаго М. Деларю.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СОВРЕ- МЕННОЙ ПОЭЗИИ.

Во дни утонченной образованности, когда поэзія перестала быть простосердечнымъ голосомъ поколѣній и пророкамиъ юности народовъ, вдохновеніе, смѣшанное съ наукою, должно было породить поэгическія плеяды, которыя, по смерти Александра, во времена воннскихъ переворотовъ Греціи, соединили лучи свои подъ мирнымъ скипетромъ Птоломеевъ; въ Римѣ—подъ эгидою Августа и его наслѣдниковъ; въ среднія времена—подъ кровомъ рыцарскихъ замковъ; позднѣе—въ пылн академической и въ поддѣльной Аркадіи Рамбулье. Съ этихъ-то поръ стихотворцы начали искать модныхъ заѣтъ, открытыхъ для всего, что, въ свѣтскомъ значеніи, составляетъ избранное общество. Литературныя кумовья (*la camaraderie*), посредничество женщинъ; романсъ, положенный на музыку и доводившій до изнеможенія сантиментальныхъ эвтерпъ съ ихъ жеманными слушателями; потомъ дюжины двѣ брошенныхъ кета-

ти эниграммъ и мадригаловъ; потомъ слово, замолвленное какомунибудѣ придворному чародѣю— и вотъ молодой писатель выползнуть съ триумфомъ на сцену; и тѣмъ хуже, если, ослѣпленный рукоплесканіями, онъ не двгнется ни на шагъ съ мѣста! Неустрашимая самонадѣянность доставляла впрочемъ окончательный патентъ на гениальность. Касательно этого, вы конечно припомните рассказъ о чтеніи *Паска и Виргиніи* у г-жи Жоффренъ. Новѣсть была проста, какъ природа; голосъ автора, дотошъ никому неизвѣстнаго, трепеталъ при чтеніи: и что же? всѣ уста начали отверзаться огорчительною зѣвотою, и черезъ нѣсколько минутъ громогласный Бюффонъ закричалъ слугѣ своему: «qu'on mette les chevaux à ma voiture.»

Не упоминая о генияхъ, процвѣтавшихъ въ различныя эпохи сей прискорбной литературы своею собственною, столь высокою и вмѣстѣ столь простой жизнью, нельзя не согласиться, чтобы эти блаженные дни Доридъ и Дельфиръ, розовыхъ альбомовъ и прогулокъ по аматонтинымъ рощамъ не навели подъ конецъ рѣшительной тошноты на большую часть той неискусственной публики, которая дѣлаетъ ежедневно по шагу впередъ отъ юности къ мужеству. Рѣшите сами, не въ этой ли приторной манерности должно искать современнаго охлажденія къ изящному и начала вышедшей торговой литературы со всеми ея наскочными, со всеми воплями ея откушной критики! Этотъ-то вопросъ побуждаетъ насъ перебрать пашкоро страницы тѣхъ

горестныхъ ощущений, коими судьба настоящей поэзии проникаетъ невольнымъ образомъ до глубины сердца.

«Мы какъ нельзя болѣе положительны! Мы покинули міръ идей для міра событій!» вотъ насущный крикъ эгоизма, поправшаго изображенія всѣхъ боговъ, кромѣ одного Плутуса. Его-то кумиръ вѣщаетъ нынѣ исключительно и вершину Парнасса и гордую главу Капитолія. Разнузданное своекорыстіе сдѣлалось единымъ центромъ, коего лучи разбѣгаются по всѣмъ фазамъ современнаго общества. Въ области мышленія фатализмъ одеревянилъ душу, въ царствѣ излщнаго—журнализмъ закидалъ поэзію щеголеватой ничтожностью своей пустоцвѣтной фразеологій. Міръ Божій превратился въ эту огромную фабрику, посреди коей, ослѣпленные, подобно любопытному посѣтителю, множествомъ раждающихся непонятнымъ образомъ другъ отъ друга снарядовъ, оглушенные кутермой механизма, возмущающаго чувства и взоръ, потерянные въ созерцаніи всѣхъ спадобій, всѣхъ движеній для изготавленія какой нибудь штуки сукна, вы рвете въ отчаяніи съ тѣла свое суконное платье. Къ чему валие, къ чему живопись, къ чему поэзія, дѣти удовольствія гораздо больше, нежели истинной потребности человѣка? «Къ тому, отвѣтствуетъ Винкельманъ, что удовольствіе столько же нужно для его благополучія, сколько все другое, безъ чего онъ существовать не можетъ.» Если за всѣмъ тѣмъ намъ кажется съ одной стороны очень естественнымъ, что

плоды мысли сдѣлались въ наши дни средствомъ болѣе или менѣе выгодной спекуляціи; то для чего же съ другой издѣваться надъ временемъ, когда грамматикъ покупался на рынкѣ невольниковъ, и не подумать, что равнодушіе къ изящному, этому органу чувства, одному изъ признаковъ бытія человеческого, оставляетъ промежутокъ въ жизни индивидуальной, въ жизни общественной? Для чего забывать, что еіе произведенія отвлекаютъ человѣка отъ мелочнаго себлюбія и въ пользу общей заставляютъ видѣть его частную пользу? Какъ не согласиться съ однимъ знаменитымъ современникомъ, что созерцаніе изящнаго во всѣхъ родахъ заключаетъ въ себѣ нѣчто отторгающее насъ отъ себя самихъ и заставляющее чувствовать, что прекрасное стоитъ больше насъ! Этимъ-то убѣжденіемъ порождается восторженность, возбуждающая въ душѣ силу пожертвованій, матеръ всѣхъ добродѣтелей. Она-то, обращая быструю кровь, богатитъ насъ какимъ-то внутреннимъ довольствомъ, сугубитъ сознаніе нашихъ силъ и посредствомъ того дѣлаетъ намъ доступными ту возвышенность, то мужество, ту симпатію, которыя столь несовмѣстны съ обыкновеннымъ расположеніемъ нашего сердца. Привыкая, по крайнему своему снисхожденію, видѣть въ искусствѣ одну полезную цѣль: развлеченіе нашей праздности; цѣня его произведенія независимо отъ ихъ вліянія на свои симпатіи; занимаясь исключительно формою, технической стороною изящнаго, и забывая одушевленіе, т. е. поэзію, мы любимъ радужнымъ блескомъ лампы, не помня, что только горящій внутри алебаstra свѣтильникъ

превращаетъ его для глазъ въ опалъ драгоценный. «Искусства изящныя, говорить одинъ новѣйшій писатель, останутся долѣе безъ голоса, пока сердце общества не согрѣется любовью; поэзія не будетъ никогда истолковательницей себѣ подобія; для истиннаго художника нуженъ хоръ, который бы вторилъ его пѣснопѣнію и принималъ душу поэта въ минуты ея восторженныхъ изліяній.» Постараемся развить это замѣчаніе, и не имѣя, какъ говорятъ Бѣконъ, тщеславія грязнуть во имя себя самихъ, подкрѣпимъ наши собственныя мысли мнѣніями тѣхъ немногихъ, на рубежѣ двухъ эръ поставленныхъ янусовъ, коихъ одинъ ликъ смотритъ назадъ, собирая послѣдніе уроки минувшаго; другой глядитъ впередъ, предугадывая послѣдствія будущаго.

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ мыслителей раздѣляютъ всю область духа человѣческаго попеременно на двѣ отличительныя эпохи. Ту, кою въ древности замечательно язычество до Сократа, т. е. до философской эры у Грековъ, и въ среднія времена до реформации XV-го столѣтія, называютъ они *органическою* эпохою. Междоцарствіе, слѣдующее за каждымъ изъ сихъ общественныхъ состояній, извѣстно у нихъ подъ именемъ эпохи *критической*. Первая представляетъ эрѣвнице единства между членами общества, обозначалъ ихъ стремленіе къ совместной цѣли; послѣдняя, полная разногласія и безпорядка, поражаетъ напротивъ разрушеніемъ сего единства и повсемѣстными порывами къ эгоизму. Въ искусствахъ — печать *органическихъ*

эпохъ есть творчество, одинъ изъ самыхъ возвышенныхъ видовъ генія; характеръ эпохъ *критическихъ* есть анализъ—циркуль и вѣсы вкуса, строгіе въ опредѣленіи пропорцій и приличій. Въ поэзіи, не говоря объ Орфѣѣ, тинѣ пѣвцевъ космогоническихъ, поэтовъ, жрецовъ и законодателей вмѣстѣ, эпопеи Омировы, отразившія въ себѣ всю міѳологію изычества, характеризуютъ древнюю органическую эпоху, такъ точно, какъ эпопея Данта, развившаяся изъ христіанства, обозначаетъ новую. Поэзія Омира, отголосокъ преданій болѣе далекой древности, соединяла небо съ землею, голую божественную съ дѣятельностію человѣческою, и показывая ихъ направленіе къ цѣли общей, должна была родиться подъ свѣтло храмовъ—оттуда гимнь, или голосъ священнаго пѣнопѣвца, облекающій слово глубокое въ прозрачную форму, и оттуда эпопея, или идеальная грань горизонта историческаго, т. е. дѣйствительнаго. Колыбелью Дантовой эпопеи была равнымъ образомъ внутренность храмовъ, и его поэзія течетъ, изъ сліянія неба съ землею, то есть оттуда, гдѣ, въ боговдохновенныхъ лѣтописяхъ Іудей посредничество Божіе проявляется безпрестанно въ повѣствованіи о бытѣ человѣческомъ. Рапсоды, соединившіе пѣсни омирическія, и развившіе всюду благоуханіе этой первобытной поэзіи, превратили поэму въ книгу, и такимъ образомъ поколебали въ древности *органическую* эпоху поэзіи. Гимнь и Эпопея смѣшались трагедіей или изображеніемъ людей, личныхъ, отдѣльных предметовъ благодати или гнѣва небеснаго, связанныхъ еще по временамъ съ божествомъ,

но уже не столь тѣсно, но уже болѣе и болѣе отъ него отдаленныхъ. На этому-то мельпомена Эсхилова, отражающая суровую красоту эпопей, заставляетъ еще признать себя ея старшею дочерью; между тѣмъ, какъ ослабленіе древнихъ формъ въ чертахъ Софоклова и Эврипидова генія обнаруживаетъ уже, не взирая на всю его прелесть, выродившагося потомка богини. Если Филостратъ, біографъ Аполлонія Тианскаго, рассказываетъ намъ о бурѣ, укрошенной стихами Софокла, то не на крылахъ ли древняго гимна возноситъ онъ къ небесамъ душу поэта? Здѣсь оканчивается *органическая*, и возникаетъ *критическая* эпоха древней поэзіи: звуки трубы каліопинной заглушаются идеологіею Платона; кивкаль мельпомены летитъ въ дребезги, преломленный о маску Аристофановой талии. Напрасно, въ послѣдующія времена, Виргилій силится воссоздать величіе эпопей омировыхъ: въкъ его не былъ въкомъ эпическимъ; Римъ не вървалъ болѣе. Онъ передавалъ свою душу воинамъ отечества и въ себя одного втягивалъ лучи ихъ безсмертной славы. Вотъ, почему элементъ драматическій, то есть индивидуальный, господствуетъ въ характеръ Энеиды. Въ древности Виргилій относится почти также къ Омиру, какъ въ среднія времена Тассъ къ творцу *Божественной комедіи*. Съ одной стороны Дидона, съ другой — походы Ринальда и Армиды, Танкреда и Клоринды составляютъ главную, по романтическую, но индивидуальную прелесть пѣсней Мантуанскаго и Феррарскаго лебедей.

Приложивъ очеркнутый нами параллель между Омиромъ и Виргиліемъ къ Пиндару, пѣвцу потрясающему душу, не взирая на частность его вдохновеній, и къ лирику Горацію, сочинителю теоріи поэтическаго искусства, мы не будемъ въ затрудненіи разгадать причину сатирической желчи, составляющей главную стихію *Фарсаліи*, гдѣ пораженіе воснѣто, а освистаны побѣдители. Какъ бы то ни было, нельзя не замѣтить, до какой степени вся эта поддѣльная поэзія забыла свое высокое назначеніе: то унижается она до безсловесныхъ и принимаетъ отъ нихъ тѣ уроки, кои нѣкогда получала отъ неба; то вдругъ постъ наслажденій чувственныхъ, сверкаетъ полною чашею, вѣнчается розами и, безъ вѣры въ любовь, вѣруетъ въ одно сладострастіе, и въ немъ одномъ видитъ главное назначеніе чловѣка. Это *анакреонтическое* направленіе, обозначающее эпоху религіознаго ослабленія въ Греціи, перешло по наслѣдству въ Италію, и достигнувъ позднѣйшихъ временъ, стало приманкою безчисленныхъ подражателей. Словомъ, добро расчитанное сдѣлалось господствующимъ мотивомъ поэзіи. Перебѣгая по ладамъ одной личности и извлекая изъ всѣхъ общественныхъ струнъ единый звукъ эгонизма, эта литература невольно обращаетъ наше вниманіе на *героя лаланхскаго*, въ коемъ явнымъ образомъ олицетворень копецъ христіанской *органической* эпохи и столь кощунски прицѣпленъ къ началу эпохи *критической*, воплощенной въ особѣ оруженосца Санхи. Англія ожидаетъ еще Мильтона — и между тѣмъ Шекспиръ кипитъ уже равномерной борьбой

двухъ эпохъ, отражающихъ попеременно то мнѳологію среднихъ временъ, какъ въ *бурль* и въ *сноудльнйи лльней ноги*, то сухость исторической и прозаической сущности, какъ въ *Генрихахъ* и въ шутовскомъ лицъ *Фальстафа*. Въ Италіи Аріосто, въ Испаніи Лопецъ де Вега и Кальдеронъ суть одинаковыя олицетворенія умирающей и рождающейся эпохи. Во Франціи оригинальныя мысли Рабле не могутъ обойтись безъ гремунскъ придворнаго шута. Оставимъ въ покоѣ напудренные парики, красныя каблукы и все лльчество XVII и XVIII столтъій, и всъ анахронизмы поэзіи, теперь ужъ только сухой археологіи, по сознанію самихъ Французовъ, и замътимъ лишь мимоходомъ, что паденіе всякой вѣры, утрата всѣхъ совмѣстныхъ чувствъ, священныи огонь, позабытый весталками, составляютъ рѣзкія черты фizioноміи прошлаго вѣка и достаточно объясняютъ, въ слѣдствіе чего поэтъ перестаетъ быть вдохновеннымъ, постановленнымъ впереди общества пѣснопѣвцемъ для опоры человѣку на пути преспѣванія и преградой его обратному уклоненію. По этому-то самому Вольтеръ, дышанцій разъединеніемъ, умираетъ въ апогеозъ, истиннымъ далай-ламою XVIII столтъія, между тѣмъ, какъ Руссо, сѣтующій напрасно о томъ порядкѣ вещей, посреди коего мечты души его уивались чистотой и первобытной гармоніей, гаситъ пламеникъ сердца самоубійственною рукою. . . . Богатый вѣрою и осужденный возносить одинокую душу къ престолу Того, чьи чудеса утратили для всѣхъ свое трогательное краснорѣчіе; горяцій любовію и на каж-

домъ шагу холодный всеобщностью себялюбѣ; гражданинъ безъ отечества, гений полный энтузіазма — и влскмый потокомъ своего вѣка къ разрушенію; словомъ — принадлежащій вполне по уму и по чувствамъ эпохѣ *органической*, и брошенный судьбою въ хаосъ *критической* эры, Руссо есть несомнѣнный прототипъ этой невыразимой тоски и отчаянія, которыя составляютъ господствующій колоритъ современной поэзи. Въ произведеніяхъ женевакаго философа заключается явный зародышъ ея неумолкающихъ жалобъ на безцвѣтность весны сердечной, на знойное лѣто жизни, на ея безплодную осень, на зиму бытія, безъ надежнаго крова отъ бурь, посяланныхъ на зарѣ, пожатыхъ на закатѣ существованія. Кто, въ самомъ дѣлѣ, не страдалъ въ наши дни этой всеобщей болѣзнію? Кто не изнемогалъ подъ грузомъ изгнанія въ недрахъ самой отчизны, ибо чувство отчужденія не требуетъ исключительно, какъ замѣчаетъ одинъ писатель, израильскаго переселенія на берега воды вавилонскихъ! Достигнувъ такимъ образомъ литературы нашего времени, спрашиваемъ: какаго жъ цвѣта горизонтъ настоящей поэзи? Воспитанная цѣлымъ полустолѣтіемъ дотошъ неслыханныхъ умственныхъ и политическихъ событій, она безъ сомнѣнія начала и должна была начать, наравнѣ съ прочимъ, совершенно новую эру. Неужно въ тысяча первый разъ касаться долетѣвшаго до насъ призрака музы классической для объясненія, что преображенный міръ, прошедъ чрезъ горнило всевозможныхъ нравственныхъ и вѣщественныхъ переворотовъ, не могъ на-

конецъ довольствоваться механизмомъ покрытаго французской мишурой и румянами призрака, который когда-то былъ греческою харитою, и остановиться надъ искаженіями вовсе непонятаго Аристотеля, какъ вмѣстѣ съ Лессингомъ утверждать г. Раумеръ. Напрасно тепій новой поэтической эпохи манилъ давнымъ-давно подъ свои крылья полуязыческую музу Вольтерову: ея ли накрахмаленной важности возможенъ былъ искренній союзъ съ *пыльными дикаремъ*, Шекспиромъ! Потокамъ крови должно было очистить умъ отъ готической ржавчины, смыть съ лица земли помпадурскую чопориость. Пускай, между тѣмъ, тропа, протоптанная Прометеемъ нашего времени къ новому умственному Эльдорадо, разшевелила въ душахъ нѣкоторые порывы къ первобытной естественности; пускай оливная вѣтвь Коринны, погрузясь въ неисчерпаемый кладъ литературы германской, тряхнула ея алмазною росой на страдавшую засухой французскую почву; пускай поэзія разгадала наконецъ неизбежное сліяніе сердца изъ свѣта и сумрака, и сдѣлавшись ихъ зеркальнымъ отраженіемъ, полетѣла обруку съ исторіей и съ философіей по всѣмъ цвѣтамъ, по всѣмъ терніямъ жизни: тѣмъ легче прозрѣлъ духовный взоръ чловѣка, тѣмъ глубже сталъ онъ проникать въ изгибы внутренняго міра, тѣмъ пытливей сдѣлался разумъ, тѣмъ дальше отодвинулись границы воображенія. Съ этихъ-то самыхъ поръ, ничѣмъ не замѣняемая утрата минувшаго, безцвѣтность настоящаго, безпокойные порывы къ будущему, отравя сомнѣніа, бездонная пустота существованія, и

надъ нею столь же неизмѣримая перспектива духовной и вещественной дѣятельности, безъ всякой симпатической цѣли—вотъ тайна общественныхъ бурь, несознаваемая массами, но приводящая въ трепетъ болѣе дальновидныхъ друзей человѣчества. Само собой разумѣется, что поэзія, этотъ звучнѣйшій отголосокъ общества, не могла остаться чуждою его лютымъ недугамъ; но и въ семъ послѣднемъ случаѣ, она уклонилась отъ предназначенія быть сама своей цѣлью, и потому-то среди разногласія чувствъ и мнѣній, высреннѣйшій *идеализмъ* Фихте, дѣлается нпнокреною Шиллера: отсюда предсказанное Позою перерожденіе міра. Потому-же самому, съ другой стороны, разнообразный *пантеизмъ* Шеллинга отражаетъ свое *тождество* духа и вещественности въ поэзи Гёте: отсюда сокрушенное въ Фаустѣ высокомеріе ума человѣческаго. Изъ сего явствуетъ, что современная поэзія подчиняется болѣе или меньше вліянію философіи, тогда какъ сія послѣдняя должна была бы, въ сущности, составлять только одинъ изъ ея элементовъ. «Читайте Омера!» восклицаютъ Горацій и Плутархъ «онъ одинъ откроетъ вамъ больше всѣхъ философовъ вмѣстѣ» — и въ самомъ дѣлѣ, пускай Платонъ пишетъ на цвѣтахъ остракизмъ слѣпому пѣвцу Хіосскому—не онъ ли самъ цѣнитъ пресвыше всякой другой славы наименование Омера философовъ? Такъ и быть должно, ибо на какомъ раціональномъ основаніи можетъ быть утверждена эта симпатическая, таинственная вѣра въ невозможное для разсудка, эта созерцаемая

въ совмѣстности вещей истина, которой не объяснить никогда никакая умственная гимнастика?—Что такое поэзія—«Сознаніе міра прошлаго и міра будущаго» говорить Байронъ: «прямой путь, по коему, въ нашу эпоху всеобщей *патингенези*, эта небесная гостья должна будетъ вознестись къ своему божественному началу и преобразиться некоторымъ образомъ въ заветную книгу для души, посреди тягостей жизни.

Не мы одни, младшія дѣти Европы, начинаемъ читать себя этой отрадной надеждою: приневъ новыхъ въѣзовыхъ мыслей отзывается и на западъ тою же несокрушимою вѣрою, которая одна сохраняетъ сердцамъ краски юности и сѣньность жизни. Такъ ясновидецъ Бальмонтъ, умъ столь же глубокий и чистый, сколько игривый и пламенный, рассуждая о временахъ, въ которыхъ владычество мысли должно, по мнѣнію некоторыхъ софистовъ и, къ сожалѣнію, даже самаго Вико, прекратить владычество воображенія, говоритъ: «надобно побороть это заблужденіе; поэзія одарена въ высшей степени разсудкомъ; но это разсудокъ осязательный, одушевленный, господствующій. Поэзія есть языкъ, а не форма языка; поэзія всемірна, а не одномѣтна: это живое слово рода человѣческаго, слово, первоначально ему открытое; это исторія человѣка; картина его отношеній къ его ближнимъ въ прошедшемъ, въ настоящемъ и въ будущемъ; во времени и внѣ времени. Поэзія» продолжаетъ онъ «переноситъ въ міръ идеальный, въ тогъ міръ, гдѣ границы свободы, способностей,

правъ и разума человѣческаго не столь стѣснены; въ тотъ порядокъ вещей, гдѣ чистота формъ и выраженій гораздо меньше измѣнена страстями и ощущеніями предосудительными. Поэтъ» заключаетъ философъ «господствуетъ свысока надъ своею эпохою и наводитъ ее свѣтомъ; будущее обитаетъ равно въ его мысли; въ одну точку взгляда сливаются для него все человѣческія поколѣнія и истинная причина событій въ тайнахъ Провидѣнія.» Не то ли же самое хотѣлъ выразить Лейбницъ, назвавъ душу поэта зеркаломъ міра? Не того ли же самого ожидать отъ изданныхъ некуствъ философъ Шеллингъ, говоря, что они перестанутъ быть для человѣка вътрѣннымъ, ребяческимъ развлеченіемъ, даруемымъ и отнимаемымъ по его произволу; но откроютъ и приенособлтъ къ нашей природѣ самыя сокровенныя истины посредствомъ воображенія человѣка, который воспоетъ и представитъ ихъ въ неистощимомъ разнообразіи своей поэзіи. Отъ чего же — еще разъ — въ поэзіи современной эта обреченная ничтожеству будущность, этотъ саркастическій лохоть, прерываемый повременамъ стenanіями сердца пресыщенныхъ, но не удовлетворенныхъ; этотъ яростный скрежетъ, смѣняемый иногда жалобами чувствительности, обращенной противъ себя самой, и дѣятельности, не знающей, чѣмъ утолить свою жажду? «Если народъ, посреди всеобщаго развращенія нравовъ» говоритъ г. Мишле «не спасенъ ни монархією, ни чужеземнымъ завоеваніемъ; то, для излѣченія крайней болезни, Провидѣніе употребляетъ

крайнее средство. Все члены сего народа отдѣляются одинъ отъ другаго въ видахъ единой личности нѣтъ даже двоихъ, согласныхъ другъ съ другомъ. Таковое общество поражено стократно болѣющимъ варварствомъ посреди сего послѣдняго периода образованности, нежели въ эпоху его младенчества. Первое происходило отъ природы, послѣднее происходитъ отъ умысла; одно было дико, но великодушно: непріятель могъ бѣжать или защищаться; другое, не менѣе жестокое, низко и вѣроломно: оно любитъ обнимая поражать въ сердце; и потому-то старайтесь не ошибиться; вы видите толпу тѣхъ, но если захотите искать *душъ человѣческихъ* — пустыня безмѣрна; только дикіе звѣри ее населяютъ...

Вотъ эпоха разрушенія Римской имперіи. Къ тому ли клонится и наше XIX-е столѣтіе съ его эгоистической положительностью? Кто осмѣлится проникать въ несповѣдимыя тайны Промысла и возьмется разрѣшить подобный вопросъ, но кто же, съ другой стороны, отвергнетъ существованіе какой-то высшей причины, въ слѣдствіе коей, оставивъ все на свѣтѣ, мы принялись наконецъ освѣтывать себя самихъ и превратили, какъ выражается г-жа Сталь, свой подлунный міръ въ пошлую, критикуемую Мефистофелемъ книгу! Посреди такого порядка вещей, единныя поэтическія формы, представляющія какою-нибудь одушевленіе, суть, по весьма справедливому замѣчанію одного писателя, *Сатира* и *Элегія*, первая бичующая нравственную ничтожность общества, послѣдняя — оплакивающая утрату его симпатической

сердечной естественности. Отсюда, съ одной стороны, въ древности Ювеналь, съ другой, олицетворенная поэзія нашего времени, Гёте и Байронъ.

Оплакавъ утрату сихъ недостижимыхъ гениевъ, коихъ всепотрлсающій голосъ откликнулся болѣе или менее во всѣхъ произведеніяхъ ума человѣческаго, спрашиваемъ, что же съ тѣхъ поръ представляетъ намъ поле европейской поэзіи? Франція и Італія, Англія и Германія, разубранили, какъ выражается одинъ забавникъ, подобно вріѣхавшимъ на балъ барышнямъ, чопорно кланяются и присыдають другъ другу; иногда требуютъ Парисова яблока каждая отъ взаимныхъ своихъ обожателей; иногда сплетничаютъ на счетъ безвкусія въ платьѣ, или веснушекъ на лицѣ, или простонародности пріемовъ соседки. Ченцы этихъ барынь усыпаютъ ролми стихокротагелей, конхъ комариный пискъ обезьянить пѣніе соловья и орлиные крики. Они-то возбуждаютъ въ насъ справедливое отвращеніе къ стихамъ, чуждымъ всякой поэзіи, между тѣмъ какъ сія послѣдняя обязана, въ свою очередь, укрыться въ прозу, видя себя принужденною искать вдохновенія не въ безсмертн чистыхъ, гармоническихъ типовъ, а въ щекоткѣ мелочнаго тщеславія, въ микроскопическихъ блескахъ свѣта, въ мыльныхъ пузыряхъ правовъ насущныхъ. Отсюда толна стихотворцевъ влекущихся за вдохновенными болѣе ихъ прозелитами и плетущихъ съ реблическимъ искусствомъ эфемерные вѣвки изъ цвѣтовъ, поднятыхъ тамъ-и-сямъ

на дорогѣ. Вотъ, если не ошибаемся, начало и главный источникъ повѣйнаго французскаго романа.

«Царь пылнѣйшей литературы» говоритъ одинъ изъ его клеветовъ, «романъ, не быть доселѣ признанъ никакой музою. Въ настоящій часъ романъ повсюду; онъ всему отвѣтствуетъ; онъ все пріобщаетъ себѣ. Все, или почти все, проникаетъ изъ романа и выдѣлается въ романъ. Въ искусствахъ, въ наукахъ, въ политикѣ, въ нравственности — нѣтъ ни одного высшаго вопроса, котораго бы не предлагать и не разрѣшать романъ.

«Но» продолжаетъ тотъ же рецензентъ «въ вѣкъ, подобномъ нашему, гдѣ все ускорено, все идетъ, бѣжитъ, летитъ, сталкивается, не оглядываясь ни назадъ, ни вокругъ себя; въ вѣкъ, гдѣ день — одна часть, часть одна минута, оснашиваемая и вырываемая другъ у друга тысячами честолюбій; гдѣ настоящее не находится, такъ сказать, мѣста между минувшимъ и будущимъ; гдѣ исторія задыхается отъ преслѣдованія людей, событій, мыслей и разсѣрзается предъ живыми свои катакомбы, желая очистить мѣсто другимъ, которые въ свою очередь, постигнуты, при самомъ появленіи, тою же участью — вѣкъ подобной борьбы и схватки не имѣетъ времени возвращаться для собранія своихъ раненыхъ и для осмотра, не остается ли еще въ нихъ дуновенія жизни; онъ проходитъ по тѣламъ ихъ — и все кончено! Брошенные посреди сего потока, будете ли вы ос-

танавливаться предъ созданіемъ вкуса и медленной обработки? Но воля перегонить васъ, оставить васъ позади, не забывая о томъ, что вы дѣлаете, и когда въ одинъ счастливый день вы напрасно застыните догонять ее—бѣдный отсталый ратникъ! вы увидите передъ собою только дороги, усыпанные обломками мыслей, которыя вы считали своими и которыя толпа уже бросила въ ямы, подобно арміи, оставляющей за собою своихъ убитыхъ, свое изломанное орудіе и одежды негодныя къ употребленію.»

Какое же заключеніе выводить изъ всего этого нашъ нескромный критикъ? «Слѣдовательно» говоритъ онъ «произведеніямъ современнымъ нужны условія успѣха, такъ точно, какъ условія продолжительности нужны были произведеніямъ XVII-го вѣка. Наши книги, или по крайней мѣрѣ наши романы, создаются отнюдь не для того, чтобы разбирать и изучать, но для того, чтобы *пожирать* ихъ... Это воздухъ, вдыхаемый на побѣтъ, дурной или благорастворенный, онъ долженъ быть обновляемъ съ каждою пульсацией нашихъ задыхающихся легкихъ. Романъ, книга летучая, выгреная, почти безплотная, могъ одинъ выполнить такую обязанность.»

Блистательная перспектива для какагонибудь Мильтона, или творца *Божественной комедіи*!

Бальзакъ проникнуть, повидимому, гораздо глубже въ этотъ предметъ, объясняя, почему въ его отечествѣ поэзія должна была быть наконецъ

погложена прозою. Языкъ французскій, говоритъ онъ, языкъ аналитическій, благороденъ, цеголоватъ и положителенъ; цеголоватый, онъ гораздо больше признаетъ законодателямъ вкусъ, нежели гений.... Его отличительный характеръ есть эта золотая посредственность, которую предписываютъ поэты и правоучители..... Само по себѣ французское стихосложеніе отнюдь не поэзія: перифразисъ, достоинство побѣжденной трудности никогда не составляли ея сущности. Родъ, который хотѣли облечь именемъ французской поэзіи, есть не что иное, какъ только языкъ украшенный, болѣе нескромительный и далекий отъ объема всего языка поэтическаго. Этотъ родъ заключаетъ въ себѣ венцы, кои невозможно назвать ни прозою, ни поэзіей; это пустой шумъ для уха, безсильный передать чувство или породить идею.»

«Въ языкѣ свободномъ, то есть во французской прозѣ, заключается безъ сомнѣнія этотъ средній языкъ, которому не чужды ни благозвучіе, ни объемъ большей части поэтическаго языка французскаго; но ни проза, ни стихотворство не могутъ вполне удовлетворить на нашемъ языкѣ гению поэзіи и проч.»

Если же кто бы нибудь взялъ доказать, что на другой оконечности Европы, въ странѣ настоящаго, какъ выражается одинъ изъ коринфеевъ новѣйшей французской письменности, тамъ, гдѣ все успѣхи общества сокрыты еще въ душѣ неуприсяжен-

венные, безпрестанно зрѣющіе и сильныя подобно совѣсти; что тамъ, въ этой странѣ, существуетъ языкъ, создавшійся грамматически, по образцамъ древняго эллинскаго; языкъ независимый, богатый почти такимъ же разнообразіемъ поэтическихъ метровъ, почти такой же гармоніею въ слогахъ, столь непри-
нужденно созвучныхъ съ гаммою человѣческаго голоса; языкъ живописный, гибкій, кипучій, синтетическій, назначенный, можетъ быть, царствовать надъ умами по разлитіи закованныхъ въ него мыслей, и столь противоположный мертвой неподвижности языковъ аналитическихъ; языкъ пѣвучій, или способный для пѣнія подобно итальянскому; туманный, заунывный, оссіаническій, какъ небеса и выюги его отчизны, могучій, разгульный, шиндариическій, подобно душѣ народа, разлившейся океаномъ по обширному Божьему міру—тогъ, говоримъ мы, кто, бы взялся проявить эту истину, заставилъ бы, можетъ быть, насъ согласиться, что юность такого народа, что стихіи подобнаго языка могутъ еще порадовать будущность Европы плодами едва ли не болѣе сочными ея современныхъ романовъ.

Но поворотимъ на свою прямую дорогу.

Сатира и Элегія, сказали мы, суть нынѣ единныя поэтическія формы, представляющія какое нибудь одушевленіе — и подтверждаемъ вновь эту мысль, представляя себѣ ту и другую во всемъ доступномъ каждому роду объемѣ. Изъ свистка первой схоластическая желчь Буало извлекла едва ли одну разительную ноту; изъ клавира послѣдней едва ли одинъ

полный акордъ перенести подъ золотой смычокъ Андрея Шенье. Что такое Чайльдъ - Гарольдъ, эта поэтическая жатва современныхъ чувствъ и мыслей? Вотъ, если не ошибаемся, истинная новѣйшая элегія, богатая и пабожнымъ голосомъ гимна, и бряцаньемъ Тиртеевой лиры, и высиренностью Омировыхъ пѣснопѣій, и даже музыкой Платоновыхъ мыслей. Что такое Фаустъ, порывающійся душою за предѣлы здѣшняго міра и глотающій одну отраву Мефистофелевой насмѣйки? Что такое Донъ Жуанъ, этотъ *cymbalum mundi* XIX-го столѣтія? Вотъ образцы всего эгегическаго объема, соединеннаго со всею сатирическою ѣдкостью, образцы, кои останутся безъ сомнѣнія до тѣхъ поръ драгоцѣннѣйшими перлами поэзіи, пока она не перестанетъ видѣть природу и человека подъ саваномъ тѣхъ безсолнечныхъ дней, когда Духъ носился по волнамъ и, преображенная, не открылась наконецъ въ лазури безирѣчнаго неба двойственной звѣзды Божіей вѣчности и души безсмертной.

В. Единицкій.

С. Петербургъ,
въ Мартѣ 1856.

АНЕКДОТЫ И ЗАМѢЧАНІЯ.

I.

Славный анекдотъ объ указѣ, разорванномъ княземъ Яковомъ Долгорукимъ, рассказанъ у Голицына ошибочно и не вполнѣ. Долгорукій, послѣ дерзкаго своего поступка, уѣхалъ домой изъ сената. Государь, узнавъ обо всемъ, очень прогнѣвался и пріѣхалъ къ нему. Князь Яковъ сталъ передъ Нимъ на колѣна и просилъ помилованія. Государь, побранивъ его, сталъ съ нимъ разсуждать о сущности разорваннаго указа. Долгорукій изложилъ Ему свое мнѣніе. Развѣ не могъ ты тоже самое сказать, замѣтилъ ему Пётръ, не раздирая Моего указа? Правда Твоя, Государь, отвѣчалъ Долгорукій, но я знаю, что если я его раздѣру, то уже впредь таковыхъ подписывать не станешь, жалѣя мою старость и усердіе. Государь съ нимъ помирился, но, пріѣхавъ къ Себѣ, приказалъ Царицѣ, которая къ князьямъ Долгорукимъ была особенно милостива, призвать князя Якова и присовѣтовать ему на другой день

при всемъ сенатъ просить прощенья у Государя. Князь Яковъ начисто отказался. На другой день онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтилъ въ сенатѣ Государя, и болѣе, чѣмъ когда нибудь, Его ославивать. Петръ, видя, что съ нимъ дѣлать нечего, оставилъ это дѣло, и болѣе о томъ ужъ не упоминалъ.

II.

Одинъ изъ адъютантовъ Потемкина, жившій въ Москвѣ и считавшійся въ отпуску, получилъ приказъ немедленно явиться къ своей должности. Родственники засуетились; не знаютъ, чему приписать требованіе свѣтлѣйшаго. Одни боятся незапной немалости, другіе видятъ неожиданное счастье. Молодаго человека снаряжаютъ наскоро въ путь. Онъ отправляется изъ Москвы, скачетъ день и ночь и прѣзжаетъ въ лагерь свѣтлѣйшаго. Объ немъ тогда докладываютъ. Потемкинъ приказываетъ ему явиться. Адъютантъ съ трепетомъ входитъ въ его палатку и находитъ Потемкина въ постелѣ со свѣтцями въ рукахъ. Вотъ ихъ разговоръ:

Потемкинъ.

Ты, братецъ, мой адъютантъ такой-то?

Адъютантъ.

Точно такъ, ваша свѣтлость.

Потемкинъ.

Правда ли, что ты святцы знаешь наизусть?

Адъютантъ.

Точно такъ.

Потемкинъ (*смотря въ святцы*).

Какаго же святаго празднуютъ 18 Мая?

Адъютантъ.

Мученика Осодота, ваша свѣтлость.

Потемкинъ.

Такъ. А 29 Сентября?

Адъютантъ.

Преподобнаго Куріака.

Потемкинъ.

Точно. А 5 Февраля?

Адъютантъ.

Мученицы Агаѣи.

Потемкинъ (*закрывая святцы*).

Ну, поезжай же себѣ домой.

III.

Никто такъ не умѣлъ сердить Сумарокова, какъ Барковъ. Сумароковъ очень уважалъ Баркова какъ ученаго и остраго критика, и всегда требовалъ его мнѣнй касательно своихъ сочиненй. Барковъ, который обыкновенно его не баловалъ, пришедъ однажды къ Сумарокову, сказать ему: Сумароковъ великій человѣкъ! Сумароковъ первый Рускій стихотворецъ! — Обрадованный Сумароковъ велѣлъ тотчасъ подать ему водки, а Баркову только того и хотѣлось. Онъ напился. Выходя, сказать онъ ему: нѣтъ, Александръ Петровичъ; я тебѣ скажу: первый-то Рускій стихотворецъ — я, второй Ломоносовъ, а ты только - что третій. Сумароковъ чуть его не зарѣзалъ.

IV.

Кречетниковъ, по возвращеннй своемъ изъ Польши, позванъ былъ въ кабинетъ Императрицы. Не исполнилъ ли ты мои приказаня, спросила Императрица. Нѣтъ, Государыня, отвѣчалъ Кречетниковъ. Государыня вспыхнула. Какъ нѣтъ! — Кречетниковъ сталъ излагать причины, недозволенныя ему исполнить Высочайшйя повелѣнйя. Императрица его не слушала; въ порывѣ величайшаго гнѣва, Она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетниковъ ожидалъ своей погнѣблн. Наконецъ Императрица умолкла, и стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Кречетниковъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Чрезъ не-

сколько минутъ, Государыня снова обратилась къ нему и сказала уже гораздо тише. Скажите же мнѣ, какія причины помѣшали вамъ исполнить Мою волю. Крестниковъ повторилъ свои прежнія оправданія. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться въ Своей вспыльчивости, сказала ему съ видомъ совершенно успокоеннымъ: это дѣло другое. За чѣмъ же ты мнѣ тотчасъ этого не сказать?

V.

Херасковъ очень уважалъ Кострова, и предпочиталъ его талантъ своему собственному. Это приносило большую честь и его сердцу и его вкусу. Костровъ нѣсколько времени жилъ у Хераскова, который не давалъ ему напиваться. Это наскучило Кострову. Онъ однажды пропалъ. Его бросились искать по всей Москвѣ, и не нашли. Вдругъ Херасковъ получаетъ отъ него письмо изъ Казани. Костровъ благодарилъ его за все его милости, но, писалъ по-эту, воля для меня всего дороже.

Костровъ былъ отъ Императрицы Екатерины именованъ *Университетскимъ Стихотворцемъ*, и въ семь званій получалъ 1500 рублей жалованья.

Когда наступали торжественные дни, Кострова несли по всему городу для сочиненія стиховъ, и находили обыкновенно въ кабацѣ, или у дьячка, великаго пьяницы, съ которымъ былъ онъ въ тѣсной дружбѣ.

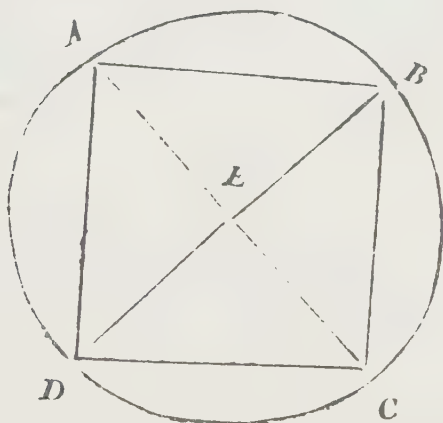
Однажды въ Университетѣ сдѣлался шумъ. Студенты, недовольные своимъ столомъ, разбили нѣсколько тарелокъ и швырнули въ эконома нѣсколькими пирогами. Начальники, разбирая это дѣло, въ числѣ бунтовщиковъ нашли бакалавра Ермила Кострова. Всѣ очень изумились. Костровъ былъ праву самого кроткаго, да ужь и не въ такихъ дѣлахъ, чтобъ бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали въ конференцію. Помилуй, Ермилъ Ивановичъ, сказали ему ректоръ, ты-то какъ сюда попался? — Изъ состраданія къ человѣчеству, отвѣчалъ добрый Костровъ.

VI.

Езуитъ Посевинъ, столь извѣстный въ нашей исторіи, былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей памяти Макиавеловой. Онъ соединилъ въ одной книгѣ всѣ клеветы, всѣ нападенія, которые навлекъ на свои сочиненія безсмертный Флорентинецъ, и тѣмъ остановилъ новое изданіе оныхъ. Ученый Conringius, издавший *Il principe* въ 1660 году, доказалъ, что Посевинъ никогда не читалъ Макиавеля, а толковалъ о немъ по наслышкѣ.

VII.

Форма цифръ арабскихъ составлена изъ слѣдующей фигуры.

AD (1), ABDC (2), ABECD (3), ABD+AE (4 и проч.

Римскія цифры составлены по тому же образцу*

* Гораздо правдоподобнѣе происхожденіе римскихъ цифръ объясняется слѣдующимъ образомъ. Пока Римляне еще не умѣли писать для означенія единицы поднимали одинъ палецъ сжатой пятерни; количества: два, три и четыре тоже означались числомъ поднимаемыхъ пальцевъ. Въ сии знаки приняты были въ письмѣ безъ измѣненія; послѣдній долго сохранялся въ рукописяхъ, даже у насъ въ печатныхъ книгахъ. Римская цифра пять (V) есть сокращенная пятерня, въ которой три средніе пальца не разогнуты; десять (X) представляетъ двѣ пятерни вышеозначенной формы, поставленныя одна подъ другою. II. II.

VIII.

Отелло отъ природы не ревнивъ: напротивъ, онъ доверчивъ. Вольтеръ это понялъ, и разивая въ своемъ подражаніи созданіе Шекспира, вложилъ въ уста своего Орозмана слѣдующій стихъ:

Je ne suis point jaloux. . . Si je l'étais jamais!

IX.

Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ... (говоритъ Макиавель, сей великій знатокъ природы человѣческой).

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тотъ же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-дюмениля, и на него смотреть съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для человѣка мыслящаго.

X.

Divide et impera—есть правило государственное, не только макиавелическое (принимая это слово въ его общенародномъ значеніи).

XI.

Какой-то лордъ, извѣстный лѣнivecъ, для своего сына пародировалъ извѣстное изреченіе: «не дѣлай никогда самъ то, что можешь заставить сдѣлать чрезъ другаго.» Н., извѣстный эгоистъ, прибавилъ: «не дѣлай никогда для другаго то, что можешь сдѣлать для себя.»

XII.

У Крылова надъ диваномъ (гдѣ онъ обыкновенно сидѣвалъ), сорвавшись съ одного гвоздя, висѣла ланское по стѣнѣ большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то ему далъ замѣтить, что и остальной гвоздь, на которомъ она еще держалась, не проченъ, и что картина когда-нибудь можетъ упасть и убить его. «Нѣтъ», отвѣчалъ Крыловъ, «уголъ рамы долженъ будетъ въ такомъ случаѣ непременно описать косвенную линію и миновать мою голову».

XIII.

Одна дама сказывала мнѣ, что если мужчина начинаетъ съ нею говорить о предметахъ ничтожныхъ, какъ бы принаравливаясь къ слабости женскаго понятія; то въ ея глазахъ онъ тотчасъ обличаетъ свое незнаніе женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ: не смѣшно ли почитать женщинъ, которыя такъ часто поражаютъ насъ быстротою понятія и тонкостію чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? Это особенно странно въ Россіи, гдѣ царство-

вала Екатерина II, и гдѣ женщины вообще болѣе просвѣщены, болѣе читають, болѣе слѣдуютъ за европейскимъ ходомъ вещей, нежели мы, гордые, Богъ вѣдастъ, почему?

XIV.

Никто К. Х., возвратясь изъ Парижа въ Москву, отличался неводержанностію языка и при всякомъ случаѣ язвительно поносилъ Екатерину. Императрица велѣла сказать ему черезъ фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковыя дерзости въ Парижѣ сажаютъ въ бастиллю, а у насъ недавно рѣзали языкъ; что, не будучи отъ природы жестока, Она для *такаго бездѣльника*, каковъ Х., правъ свои не ремѣнать не намѣрена: однако совѣтуетъ ему впредь быть осторожнѣе.

XV.

N. N., вышедшій изъ пѣвчихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ недоволенъ обхожденіемъ князя Потемкина. «Развѣ не знаешь князь» говорилъ онъ на своемъ нарѣчій, «что я такой же генералъ?» Это пересказали Потемкину, который сказалъ ему при первой встрѣчѣ: что ты врешь? какой ты генералъ? ты генералъ-баба.

XVI.

Когда графъ д'Артуа пріѣзжалъ въ Петербургъ, то Государыня приняла его самымъ ласковымъ и

* «Хиба вишь не тямить того, що я такий єдиоразъ, якъ вишь самъ.»

блнстательнымъ образомъ. Онъ Ей однако надобно, и Она велѣла сказать дамамъ своимъ, чтобъ онъ постарался его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа въ свою карету. Графъ д'Ав..., капитанъ гвардіи Принца, имѣя право повсюду слѣдовать за нимъ, хотѣлъ-было сѣсть также въ карету—но Государыня остановила его, сказавъ: *Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine des gardes de m-r le c. d'Artois.*

XVII.

Когда Пугачевъ сидѣлъ на мѣновомъ дворѣ, праздные москвичи между обѣдомъ и вечеромъ заѣзжали на него поглядѣть, подхватить какоюнибудь отъ него слово, которое слышали потомъ развозить по городу. Однажды сидѣлъ онъ задумавшись. Посѣтители молча окружали его, ожидая, чтобъ онъ заговорилъ. Пугачевъ сказалъ: «извѣстно по преданіямъ, что Петръ I, во время персидскаго похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась не вдалекѣ, нарочно къ ней поѣхалъ и велѣлъ разметать курганъ, дабы увидѣть хоть его кости...» Вѣсьмъ извѣстно, что Разинъ былъ четвергованъ и сожженъ въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе сказка замѣчательна, особенно въ устахъ Пугачева. Въ другой разъ нѣкто ***, симбирскій дворянинъ, бѣжавшій отъ него, пріѣхалъ на него посмотрѣть, и вида его крѣпко привищеннаго къ цѣпи, сталъ осыпая его укоризнами. *** былъ очень дурень лицомъ, къ тому-же и

безъ носу. Пугачевъ, на него посмотрѣвъ, сказать: «правда, много перевѣшалъ я вашей братинъ; но такой гнусной образины, признаюсь, не выдывать.»

XVIII.

Французскіе принцы имѣли большою усеѣхъ при всѣхъ дворахъ, куда они явились. Были однакожь съ ихъ стороны нѣкоторые промахи. Они сынали деньги и дорогіе подарки. Въ Берлинѣ старый князь Витгенштейнъ сказалъ Брессону, который хвастался ихъ расточительностію: *mais, mon cher mr. Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rothschild.*

XIX.

Многіе негодуютъ на журнальную критику за дурной ея тонъ, незнаніе приличій, и тому подобное: неудовольствіе ихъ несправедливо. Ученый человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, погруженный въ свои размышленія, не имѣетъ времени являться въ общество и приобрѣтаетъ навыкъ къ суетной образованности, подобно праздному жителю большаго свѣта. Мы должны быть снисходительны къ его простодушной грубости, залогу добросовѣстности и любви къ истинѣ. Педантизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. Онъ только тогда смѣшенъ и отвратителенъ, когда мелкомысліе и невѣжество выражаются его языкомъ.

(Четыре разсказа 3...)

XX.

Потемкинъ пріѣхалъ со мною проститься. Я сказала ему: «ты не повѣришь, какъ я о тебѣ грущу.» — А что такое? — Не знаю, куда мнѣ будетъ тебя дѣвать.» — Какъ такъ? — «Ты моложе Государыни; ты ее переживешь; что тогда изъ тебя будетъ? Я знаю тебя какъ свои руки; ты никогда не согласишься быть вторымъ человекомъ.» Потемкинъ задумался и сказалъ: «не безпокойся; я умру прежде Государыни; я умру скоро.» И предчувствіе его сбылось. Ужъ я больше его не видала.

XXI.

Вы слыхали про Ветошкина? Это удивительно, что никто его не знаетъ. Надобно вамъ сказать, что Торжескъ былъ въ то время деревушка. Государыня сдѣлала изъ него порядочный городокъ. Жители торговали (не знаю, какъ это сказать: ils faisaient le commerce des grains) крупами, что-ли? и привозили на баркахъ, не помню куда. Вотъ этотъ Ветошкинъ былъ прикащикомъ на этихъ баркахъ. Онъ былъ раскольникъ. Однажды онъ является къ митрополиту, и проситъ его объяснить ему догматы православія. Митрополитъ отвѣчалъ ему, что для того нужно быть ученымъ, знать погречески, поеврейски и, Богъ вѣдастъ, что еще. Ветошкинъ уходилъ отъ него и черезъ два года является опять.

Вообразите, что въ это время успѣлъ онъ выучиться всему этому. Онъ отрекся отъ своего раскола и принять истинную вѣру. Въ городѣ только-что про него и говорили. Я жила тогда на Мойкѣ, дверь обь дверь съ графомъ А. С. Строгановымъ. Ромъ жилъ у нихъ въ учителяхъ, тотъ самый, что подписаль потомъ опредѣленіе. . . . Онъ очень былъ умный человекъ, c'était une forte tête, un grand raisonneur; il vous eut rendu claire l'Apocalypse. Онъ у меня былъ каждый день съ своимъ питомцемъ. Я ему рассказываю про Ветошкина. — Madame, c'est impossible. — Mon cher Mr. Rom, je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste si vous êtes curieux voir Ветошкинъ chez le pr. Potemkine, il y vient tous les jours. — Madame, je n'y manquerai pas. — Ромъ отправился къ Потемкину и увидѣлся съ Ветошкинымъ. Онъ приходитъ ко мнѣ. Hé bien, M-r? — Madame, je n'en reviens pas; c'est que véritablement c'est un savant. Мнѣ очень хотѣлось встрѣтить Ветошкина. Н. Н. Шуваловъ доставилъ мнѣ случай увидѣть его въ своемъ домѣ. Я застала тамъ двухъ молодыхъ раскольниковъ, съ которыми Ветошкинъ имѣлъ une controverse (прѣніе). Ветошкинъ былъ щедушный мужчина лѣтъ 35. Прѣніе ихъ очень меня занимало. Послѣ того за ужиномъ я сѣдѣла противъ Ветошкина. Я спросила его, какимъ образомъ добился онъ учености. Сначала было трудно, отвѣчалъ онъ, а потомъ все легче и легче. Книжки доставляли мнѣ добрые люди, графъ Н. Н., да князь Г. А. — Вамъ, думаю, скучно въ Торжкѣ. — Нѣтъ, сударыня, я живу съ моими родителями и цѣлый день

занять книгами. Потемкинъ, страстный ко всему необыкновенному, наконецъ такъ полюбилъ Ветошкина, что не могъ съ нимъ расстаться. Онъ взялъ его съ собою въ Молдавію, гдѣ Ветошкинъ занемогъ тамошней лихорадкою и умеръ почти въ одно время съ княземъ. — Очень странный человекъ этотъ Ветошкинъ,

XXII.

Потемкинъ очень меня любилъ; не знаю, чтобы онъ для меня не сдѣлалъ. У Машеньки была une maitresse de clavecin. Разъ она мнѣ говоритъ: Madame, je ne puis rester á Petersbourg.—Pourquoi ça?—Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un équipage, ou bien de rester oisive.—Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre. Приѣзжаетъ ко мнѣ Потемкинъ. Я говорю ему: какъ ты хочешь, Потемкинъ, а мамзель мою пристрой куда нибудь. Ахъ, моя голубушка; сердечно радъ, да что для нея сдѣлать, право не знаю. Что же? черезъ нѣсколько дней принесли мою мамзель къ какому-то полку и дали ей жалованье. Нынче этаго сдѣлать ужь нельзя.

XXIII.

Потемкинъ, сѣдя у меня, сказалъ мнѣ однажды: И. К., хочешь ты зѣмли? —Какія зѣмли?—У меня тамъ есть въ Крыму.—Зачѣмъ мнѣ брать у тебя зѣмли, къ

какой стати?—Разумѣется, Государыня подарить, а я только ей скажу.—Сдѣлай одолженіе. Я поговорила объ этомъ съ Т., который мнѣ сказалъ: сиромите у князя планы, а я вамъ выберу зѣмли. Такъ и сдѣлалось. Проходитъ годъ; мнѣ приносятъ 80 руб. Откуда, батюшки? Съ вашихъ новыхъ земель; тамъ ходятъ стада, и за это вотъ вамъ деньги.—Спасибо, батюшки. Проходитъ еще годъ, другой. Т. говоритъ мнѣ: что же вы не думаете о заселеніи вашихъ земель? десять лѣтъ пройдетъ, такъ худо будетъ; вы заплатите большой штрафъ. Да что-же мнѣ дѣлать?—Напишите вашему батюшкѣ письмо; онъ не откажетъ вамъ дать крестьянъ на заселеніе. Я такъ и сдѣлала; батюшка пожаловалъ мнѣ 500 дунѣвъ; я ихъ поселила; на другой годъ они всѣ разбѣжались, не знаю, отъ чего. Въ то время сватался К. за Машу. Я ему и сказала: возьми пожалуста мои Крымскія земли; мнѣ съ ними только-что хлопоты. Что-же? Эти земли давали послѣ К. 50,000 руб. доходу. Я очень была рада.

XLIV

Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живыя, исполненные многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразныя и многосложныя характеры. У Мольера скупой, скупъ—и только; у Шекспира Шайлокъ скупъ, смѣливъ, мстителенъ, чадолубивъ, остроуменъ. У Мольера лицемеръ во-

считается за женою своего благодѣтеля, лицемеря; принимаетъ имѣніе подѣ храненіе, лицемеря; сирашивается стаканъ воды, лицемеря. У Шекспира лицемеръ произноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостію, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ оболыцаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣнною смѣсью набожности и волокитства. Анджело лицемеръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ! А какая глубина въ этомъ характеръ!

Но нигдѣ, можетъ быть, многосторонній гений Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, коего пороки, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣнь, подобную древней вакханаліи. Разбирая характеръ Фальстафа, мы видимъ, что главная черта его есть сластолюбіе; смолоду, вѣроятно грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесятъ. Онъ разтолстѣлъ, одряхъ; обжорство и вино примѣтно взяли верхъ надъ Венерою. Вовторыхъ онъ трусъ, но, проведя свою жизнь съ молодыми повѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою трусость дерзостью уклончивой и насмѣшливой; онъ хвастливъ по привычкѣ и по расчету. Фальстафъ совсѣмъ не глупъ, напротивъ онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки человѣка, не рѣдко выдавашаго хорошее общество. Правильнѣе

у него никакихъ. Онъ слабъ какъ баба. Ему нужно крѣпкое испанское вино (the sack), жирный обѣдъ и деньги для своихъ любовницъ; чтобъ достать ихъ, онъ готовъ на все, толькобъ не на явную опасность.

Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человекомъ, въ коемъ природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное созданіе. *** былъ второй Фальстафъ: слякотнобивъ, трусъ, хвастливъ, не глупъ, забавенъ, безъ всякихъ правилъ, сляктивъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ женагъ. Шекспиръ не успѣлъ женить своего холостяка. Фальстафъ умеръ у своихъ пріятельницъ, не успѣвъ быть ни рогатымъ супругомъ, ни отцемъ семейства; сколько сценъ, потерянныхъ для кисти Шекспира!

Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехлѣтній сыночекъ его, вылитый отецъ, маленькій Фальстафъ III, однажды въ его отсутствіи, повторялъ про себя: «какой паненька хлабѣй! какъ паненьку Государь любить!» Мальчика подслушали и кликнули. «Кто тебѣ это сказывалъ, Володя?»—«Паненька», отвѣчалъ Володя.

XXV.

Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе Чальдъ-Гарольда. Два раза Байронъ пытался бороться съ великаномъ романтической поэзіи—и остался хромъ какъ Іаковъ.

XXVI.

Денисъ Давыдовъ явился однажды въ авангардъ къ князю Багратиону, и сказалъ: главнокомандующій приказалъ доложить вашему сіятельству, что непріятель у насъ на носу, и просить васъ немедленно отступить. Багратионъ отвѣчалъ: непріятель у насъ на носу? на чьемъ? если на твоёмъ, такъ онъ близко; а коли на моемъ, такъ мы успѣемъ еще отобѣдать.

XXVII.

Сатирикъ М*** пришелъ однажды къ Гнѣдичу — нѣжный, по своему обыкновенію, оборванный и разтрепанный. Гнѣдичъ принялся увѣщевать его. Расстроганный М** заплакалъ и указывая на небо сказалъ: тамъ, тамъ найду я награду за все мои страданія... «Братецъ,» возразилъ ему Гнѣдичъ, «посмотри на себя въ зеркало: пустятъ ли тебя туда?»

XXVIII.

Потемкину доложили однажды, что нѣкто графъ Мор..., житель Флоренціи, превосходно играетъ на скрипкѣ. Потемкину захотѣлось его послушать; онъ приказалъ его выписать. Одинъ изъ адъютантовъ отпраздничалъ курьеромъ въ Италію, явился къ графу Мор..., объявилъ ему приказъ свѣтлѣйшаго и предложилъ тотъ-же часъ садиться въ его тележку

* Можетъ быть, не всемъ извѣстно, что у князя Багратиона былъ очень большой носъ.

и скакать въ Россію. Благородный виртуозъ взбѣсился и послалъ къ чорту и Петербургъ и курьера съ его тележкой. Дѣлать было нечего. Но какъ явиться къ князю, не исполнивъ его приказанія? Догладивый адъютантъ отыскалъ какого-то скрипача, бѣдняка не безъ таланта, и легко уговорилъ его назваться графомъ Мор... и ѣхать въ Россію. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволенъ его игрою.

XXIX.

Генералъ Р. былъ насмѣшливъ и желченъ. Во время турецкой войны, обѣдая у главнокомандующаго г. К., онъ замѣтилъ, что кандиторъ вздумать выставить вензель на крыльяхъ мельницы изъ сахара, и сказалъ какую-то колючую шутку. Въ тотъ же день Р. былъ высланъ изъ главной квартиры. Онъ сказывалъ мнѣ, что К. былъ трусъ, и не могъ хладнокровно слышать ядра; однако подь какою-то крѣпостію онъ видѣлъ К., вдавнагося въ опасность. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, не пользующійся блистательною славой, въ 1812 году взялъ нѣсколько пушекъ, брошенныхъ непріятелемъ, и выпросилъ себѣ за то награжденіе. Встрѣтись съ г. Р. и болеть его шутокъ, чтобъ ихъ предупредить, онъ бросился - было его обнимать; Р. отступилъ и сказалъ ему съ улыбкою: «кажется, ваше превосходительство принимаете меня за пушку безъ прикрытія.»

XXX.

Д*** однажды вызвалъ на дуэль Б***. Б*** отказался, сказавъ: скажите Д***, что я на своемъ вѣку видѣлъ болѣе крови, нежели онъ чернилъ.

XXXI.

Дельвингъ не любилъ поэзіи мистической. Онъ говаривалъ: чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе.

XXXII.

Я познакомился съ однимъ г. Д... на Кавказѣ въ 1829, возвращаясь изъ Арарума. Онъ лечился отъ какой-то удивительной болѣзни, въ родѣ каталепсін, и игралъ съ утра до ночи въ карты. Наконецъ онъ проигрался, и я довезъ его до Москвы въ моей коляскѣ. Д. помещанъ былъ на одномъ пунктѣ: ему непременно хотѣлось имѣть сто тысячъ рублей. Всевозможные способы достать ихъ были имъ придуманы и передуманы. Иногда ночью, въ дорогѣ, онъ будилъ меня вопросомъ: Александръ Сергѣевичъ! Александръ Сергѣевичъ! какъ бы, думаете вы, достать мнѣ сто тысячъ? Однажды сказалъ я ему, что на его мѣстѣ, если ужъ сто тысячъ были необходимы, то я бы ихъ укралъ. Я объ этомъ думалъ, отвѣчалъ мнѣ Д.—Ну что-же?—Мудрено; не у всякаго въ карманѣ можно найти сто тысячъ, а зарѣ-

зять или обокрасть человека за бездѣлицу, не хочу. у меня есть совѣсть. Не знаете ли вы иного способа?— Просите денегъ у Государя. — Я объ этомъ думать. — Что же? — Я даже и просилъ. — Какъ! безовсякаго права? — Я съ того и началъ: «Ваше Величество! я никакого права не имѣю просить у Васъ то, что составило бы счастье моей жизни; но, Ваше Величество, на милость образца идти, и такъ далѣе». Что же вамъ отвѣчали?— Ничего.— Это удивительно. Вы бы обратились къ Ротшильду. Я объ этомъ думать. — Что же, зачѣмъ дѣло стало? Да видите ли: одинъ способъ выманить у Ротшильда сто тысячъ; это было бы такъ странно и такъ забавно: надобно бы написать ему просьбу, чтобы ему было весело, потомъ рассказать анекдотъ, который стоилъ бы ста тысячъ. Но сколько трудностей!... Словомъ: нельзя было придумать несообразности и нелѣпости, о которой бы Д. уже не подумалъ. Последний проектъ его былъ выманить эти деньги у Англичанъ, подстрекнувъ ихъ народное самолюбіе, и въ надеждѣ на ихъ любовь къ странностямъ. Онъ хотѣлъ обратиться къ нимъ съ слѣдующимъ письмомъ: «Гг. Англичане! я бился объ закладъ объ 10,000 руб., что вы не откажетесь мнѣ дать взаймы 100,000 руб. Гг. Англичане! избавьте меня отъ проигрыша, на который навязался я въ надеждѣ на ваше всему свѣту извѣстное великодушіе.» Д. просилъ меня хлопотать объ этомъ въ Петербургѣ чрезъ англійскаго посланника, и свой проектъ высказалъ мнѣ не иначе, какъ взявъ съ меня честное слово не воспользоваться имъ. Онъ готовъ былъ всегда биться съ закладъ, и о чемъ бы то ни было. Говори-

ли ли о женинѣ? Хотите со мной биться объ закладъ, прерывалъ Д., что черезъ три дня она меня полюбитъ? Стрѣляли ли въ цель изъ пистолета? Д. предлагалъ стать въ 25 шагахъ и бился о 4,000 руб., что вы въ него не попадете. Недавно получилъ я отъ него письмо. Онъ пишетъ мнѣ: «исторія моя коротка; я женился, а денегъ все нѣтъ». Я отвѣчалъ ему: «скажи, что изъ 100,000 способовъ достать 100,000 рублей ни одинъ еще, видно, вамъ не удался».

XXXIII.

Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, все мы возволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дожидаться его и поцаловать ему руку, руку написавшую Водопадъ. Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дельвигъ слышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: гдѣ, братецъ, здѣсь вытти? Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отменилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это рассказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостію. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плісовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ. Онъ сидѣлъ, поджавши голову рукою. Лице его было безсмысленно; глаза мутны; губы отвислы; портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ)

очень похожъ. Онъ дремать до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ въ Русской словесности. Тутъ онъ оживился; глаза заблестали; онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушать съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои *Воспоминанія въ Ц. С.*, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось съ утонченнымъ восторгомъ Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи, онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять Меня искали, но не нашли

XXXIV.

Отрывокъ.*

Не смотря на великія преимущества, концы пользуются стихотворцы (признаться, кромѣ права не ставить винительнаго падежа вмѣсто родительнаго послѣ частицы *не*, мы никакихъ особенныхъ преи-

* Очеркъ и даже нѣкоторыя частности этого Отрывка авторъ успѣлъ уже употребить въ неоконченной повѣсти своей, напечатанной въ семь же № Современника, подъ названіемъ: *Египетскія ночи*. Издатели не считаютъ за излишнее помѣтить здѣсь этотъ Отрывокъ и въ томъ видѣ, какъ онъ приготовленъ былъ авторомъ еще до назначенія ему мѣста въ нѣсѣ, какъ онъ набросанъ былъ въ видѣ запаснаго матеріала. Не безполезно учиться у хорошаго писателя, наблюдая, какъ онъ самъ сочиненіе свое критикуетъ, нѣкоторыя части сжималъ въ немъ, нѣкоторыя развертывалъ. П. П.

мущество за ланими стихотворцами не вѣдаемъ), какъ бы то ни было, не смотря на всевозможныя ихъ преимущества, эти люди подвержены большымъ невыгодамъ и неурядностямъ. Не говорю о ихъ обыкновенномъ гражданскомъ ничтожествѣ и бѣдности, вошедшей въ пословицу; о зависти и клеветѣ братіи, коихъ они дѣлаются жертвами, если они въ славѣ; о презрѣніи и насмѣшкахъ, со всѣхъ сторонъ падающихъ на нихъ, если произведенія ихъ не правятся. Но, кажется, что можетъ сравниться съ несчастіемъ для нихъ неизбѣжнымъ, разумѣемъ сужденія клунцевъ? Однакожь и это горе, какъ оно ни велико, не есть крайнимъ еще для нихъ. Зло, самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца, есть его званіе, прозвище, коимъ онъ заклейменъ и которое никогда его не покидаетъ. Публика смотритъ на него, какъ на свою собственность, считаетъ себя вправе требовать отъ него отчета въ малѣйшемъ шагѣ. По ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея удовольствія, и дышетъ для того только, чтобы подбирать рифмы. Требуютъ ли обстоятельства присутствія его въ деревнѣ? При возвращеніи его, первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чегонибудь новаго? Явится ль онъ въ армію, чтобы взглянуть на друзей и родственниковъ? Публика требуетъ непременно отъ него поэмы на послѣднюю побѣду, и газетчики сердятся, почему долго заставляеть онъ себя ждать. Задумается ли онъ о разстрошенныхъ своихъ дѣлахъ, о предположеніи семейственномъ, о болѣзни милаго ему человека? Тотчасъ уже пошлая улыбка сопровождаетъ по-

илюе восклицаніе: вѣрно изволить сочинять. Влюбился ли онъ? Красавица его нарочно покупаетъ себѣ альбомъ и ждетъ ужъ элетін. Пріѣдетъ ли онъ къ сосѣду поговорить о дѣлѣ или просто для развлеченія отъ трудовъ? Сосѣдъ кланчетъ своего сына и заставляетъ мальчишку читать стихи *такаго-то*, и мальчишка самымъ жалостливымъ голосомъ произаетъ стихотворца его жъ изуродованными стихами. А это еще называется торжествомъ. Каковы же должны быть слѣдствія неудачъ? Не знаю; но послѣднія легче, кажется, переносятся. Но крайней мѣрѣ одинъ изъ моихъ пріятелей, извѣстный стихотворецъ, признавался, что сіи привѣтствія, вопросы, альбомы и мальчишки до такой степени бѣснели его, что поминутно принужденъ онъ былъ удерживаться отъ какой нибудь грубости, и твердить себѣ, что эти добрые люди не имѣли вѣроятно намѣренія вывести его изъ терпѣнія. Мой пріятель былъ самый простой и обыкновенный человѣкъ, хотя и стихотворецъ. Когда находила на него такая дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе), то онъ запирается въ своей комнатѣ и пишетъ въ постель съ утра до поздняго вечера, одѣвался наскоро, чтобъ пообѣдать въ рестораціи, выѣзжалъ часа на три, возвращившись опять ложился въ постель и писалъ до полѣтуховъ. Это продолжалось у него недѣли двѣ-три, много мѣсяць, и случалось единожды въ годъ, всегда осенью. Пріятель мой увѣрялъ меня, что онъ только тогда и зналъ истинное счастье; остальное время года онъ гулялъ, читалъ мало и не сочинялъ ничего, и слыша поминутно неизбѣжный вопросъ:

скоро ли вы насъ подарите новымъ произведеніемъ пера вашего? Долго дожидаясь бы почтеннѣйшая публика подарковъ отъ моего пріятеля, еслибы книгопродавцы не платили ему довольно дорого за его стихи. Имѣя минутно нужду въ деньгахъ, пріятель мой печаталъ свои сочиненія и имѣлъ удовольствіе потомъ читать о нихъ печатныя сужденія смѣшныя, что называть онъ въ своемъ энергическомъ простонарѣчьи — подслушивать у кабака, что говорить объ насъ холонья.

Пріятель мой происходилъ отъ одного изъ древнѣйшихъ дворянскихъ нашихъ родовъ, чѣмъ и тщеславился со всевозможнымъ добродушіемъ. Онъ столько же дорожилъ тремя строчками льтописца, въ коихъ упомянуто было о предкѣ его, какъ модный камеръ-юнкеръ тремя звездами двоюроднаго своего дяди. Будучи бѣденъ, какъ почти и все наше старинное дворянство, онъ подымая носъ уверялъ, что никогда не женится, или возьметъ за себя княжну, именно одну изъ княженъ Елецкихъ, коихъ отцы и братья, какъ извѣстно, имѣли запануть сами, и встрѣчаясь другъ съ другомъ на своихъ бородкахъ, стряхаютъ сохи и говорятъ: «Богъ помочь, князь Антинь, сколько твое княжеское здоровье сегодня напыхало?»—Спасибо, князь Ерема Авдеевичъ.—Кромѣ этой маленькой слабости, которую впрочемъ относимъ мы къ желанію подражать лорду Байрону, продававшему также очень хорошо свои стихотворенія, пріятель мой былъ человекъ круглый, un homme tout rond, какъ говорятъ Французы; homo

quadratus, человекъ четырехугольный, по выраженію Латинскому—по нашему, очень хорошій человекъ.

Онъ не любилъ общества своей братьи литераторовъ. Онъ, кромѣ весьма немногихъ, находилъ въ нихъ слишкомъ много пригизаній, у однихъ на колкость ума, у другихъ на пылкость воображенія, у третьихъ на чувствительность, у четвертыхъ на меланхолію, на разочарованность, на глубокомысліе, на филантропію, на мизантропію, иронію и проч. Нѣкоторые казались ему скучными по своей глупости; другіе несносными по своему тону; третьи гадкими по своей подлости; четвертые опасными по своему двойному ремеслу; вообще слишкомъ самолюбивыми и занятыми исключительно собою, да своими сочиненіями. Онъ предпочиталъ имъ общество женщинъ и свѣтскихъ людей, которые, видя его ежедневно, переставали съ нимъ чиниться и избавляли его отъ разговоровъ о литературѣ и отъ извѣстнаго вопроса: не написали ли вы чего нибудь новенькаго?

Мы распространились о нашемъ пріятелѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что онъ есть единственный литераторъ, съ которымъ удалось намъ коротко познакомиться, во-вторыхъ, что повесть, предлагаемая нынѣ читателю, слышана нами отъ него.

А. Пушкинъ.

НЕКОНЧЕНЫЯ ПОВѢСТИ.

I.

Глава вторая.

Въ 179... году возвращался я въ Лифляндію съ веселою мыслию обнять мою старушку - мать послѣ четырехлѣтней разлуки. Чемъ болѣе приближался я къ нашей мывѣ, тѣмъ сильнѣе волновало меня истерическое. Я погонялъ почтаря, хладнокровнаго моего единоземца, и душевно жалѣлъ о русскихъ ямщикахъ и объ удалой русской вѣдѣ.

Къ умноженію досады бричка моя сломалась. Я принужденъ былъ остановиться. Къ счастью станція была недалеко.

Я пошелъ пѣшкомъ въ деревню, чтобъ выслать людей къ бѣдной моей бричкѣ. Это было въ концѣ лѣта. Солнце садилось. Съ одной стороны дороги простирались распаханныя поля, съ другой луга⁴ поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Вдали слышала

нечальная жизнь молодой востонки. Вдругъ въ общей тишинѣ раздался явственно пушечный выстрѣлъ... и замеръ безъ отзыва. Я удивился. Въ соседствѣ не находилось ни одной крѣпости; какимъ же образомъ пушечный выстрѣлъ могъ быть услышанъ въ этой мирной сторонѣ? Я рѣшилъ, что вѣроятно гдѣ нибудь поблизости находился лагерь, и воображеніе перенесло меня на минуту къ занятіямъ военной жизни мною только-что покинутой.

Подходя къ деревнѣ, увидѣть я въ сторонѣ господскій домикъ. На балконѣ сидѣли двѣ дамы. Проходя мимо ихъ, я поклонился—и отправился на почтовый дворъ.

Едва успѣвъ я справиться съ лѣзвивыми кузнецами, какъ явился ко мнѣ старичекъ, отставной рускій солдатъ, и отъ имени барыни позвалъ меня откушать чаю. Я согласился охотно, и отправился на господскій дворъ.

Дорогой узнавъ я отъ солдата, что старую барыню зовутъ Каролиной Ивановной, что она вдова, что дочь ея Катерина Ивановна уже въ невестахъ, что обѣ такія добрыя и проч....

Старушка приняла меня ласково и радушно. Узнавъ мою фамилію, Каролина Ивановна сочлась со мною свойствомъ; и я узналъ въ ней вдову фонъ М., дальняго намъ родственника, храбраго генерала, убитаго въ 1772 году.

Между тѣмъ, какъ я повидимому со вниманіемъ вслушивался въ генеалогическія воспоминанія доб-

рой Каролины Ивановны, я украдкою посматривалъ на ея милую дочь, которая разливала чай и мазала свѣжее лиатарное масло на ломтики домашнего хлѣба. 18-ти лѣтъ, круглое румяное лицо, темныя узенькія брови, свѣжій ротикъ и голубые глазки—вполнѣ оправдывали мое ожиданіе. Мы скоро познакомились, и на третьей чашкѣ чаю уже сблизился я съ нею какъ съ кузиною. Между тѣмъ бричку мою привезли; Иванъ пришелъ мнѣ доложить, что она не прежде готова будетъ, какъ на другой день утромъ. Это извѣстіе меня вовсе не огорчило; и по приглашенію Каролины Ивановны я остался ночевать.

II.

МАРІА ШОНИНГЪ *.

Анна Гарлинъ къ Маріи Шонингъ.

25 Апрель.

Милая Марія!

Что съ тобою дѣлается? Уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ не получала я отъ тебя ни строчки. Здоровы ли ты? Если бы не всегдашнія хлопоты, я бы уже побывала у тебя въ гостяхъ; но ты знаешь: 21 мѣся не шутка. Безъ меня хозяйство станеть; Францъ въ

** Marie Schoning et Anne Harlin jugées en 1778
à Nurenberg.*

Marie Schoning, fille d'un ouvrier de Nurenberg, perdit son père à 17 ans. Elle le soignait seule, la pauvreté l'ayant forcé de renvoyer leur unique servante Anne Harlin.

En revenant de l'enterrement de son père, elle trouva deux officiers du revenu public, qui lui demandèrent à visiter les papiers du défunt, pour s'assurer s'il avoit payé les taxes en proportion de sa propriété. Ils trouvèrent après l'examen que le vieux Schoning n'avoit pas payé en proportion de ses moyens: ils mirent les seaux. La jeune fille se retira dans une chambre sans meuble jusqu'à ce que les directeurs du trésor public eussent décidé sur cette affaire.

Les officiers du fisc reviennent avec la décision de leurs chefs, muni d'un ordre qui enjoignait Marie Shoning de quitter la maison, confisquée au profit du trésor.

M^r. Schoning étoit pauvre, mais économe. Une maladie de trois ans épuisa tout ce qu'il avoit amassé. Marie alla chez les commissaires. Elle pleura, et le bureau fut inflexible.

La nuit elle alla au cimetière de St. Jacques.—Elle en sortit le matin.

La police de Nurenberg assigne un demi-couronne aux gardes de nuit, pour chaque femme arrêtée la nuit après 10 heures. Marie Schoning fut conduite au corps de garde. Le lendemain elle fut emmenée devant

нельзя ничего не смыслить: настоящий ребенок. Ужь не вышла ли ты замуж? Нетъ, вѣрно ты бы обо мнѣ вспомнила — и порадовала свою подругу вѣстію о своемъ счастьи. Въ последнемъ письмѣ ты писала, что твой бѣдный отецъ все еще хвораетъ; надеюсь, что весна ему помогла и что теперь ему легче. О себѣ скажу, что я, слава Богу, здорова и счастлива. Работа идетъ поменьшечку, но я все еще не умю ни заправивать, ни торговаться. А надоб-

le magistrat qui la renvoya, en la menaçant de l'envoyer dans la maison de correction en cas de tardivité.

Marie voulait se jeter dans la Pegnitz. . . On l'appelle: elle vit Anne Harlin, l'ancienne servante de son père, qui avait épousé un invalide. Anne la consola: la vie est courte, lui dit-elle, et le ciel c'est pour toujours, mon enfant.

Marie fut recueilli chez les Harlins pendant une année. Elle y mena une vie assez misérable. Au bout de ce tems elle tomba malade. L'hiver vint, l'ouvrage manqua; le fise des desirées s'accrut. Les meubles furent vendus pièce à pièce, excepté le bois de lit de l'invalide qui mourut au printems.

Un pauvre medecin traitait gratis le mari et la femme. Il apportait quelquefois une bouteille de vin, mais il n'avait pas d'argent. Anne se retablit; mais elle devient apathique: le travail manqua tout à fait.

Au commencement de Mars, un soir, Marie sortit tout à coup.

Elle fut arrêtée par la patrouille de nuit. Le caporal la plaça au milieu des soldats, et lui dit que le lendemain elle sera fouettée. Marie s'écria qu'elle était coupable d'un infanticide....

Amenée devant le juge, elle déclara avoir été accouchée par la femme Harlin et que celle-ci l'avait enterré dans un bois. Anne Harlin fut tout à coup arrêtée, et sur sa dénégation confrontée avec Marie elle nia tout.

On apporta les instruments de tortures. Marie s'épouvanta — elle saisit les mains liés de sa prétendue complice et lui dit: « Anne fais l'aveu qu'on te demande! Ma bonne Anne, tout sera fini pour nous, et Frank et Nany seront mis dans la maison des orphelins. »

Anne la comprit, l'embrassa, et dit — que l'enfant fut jetté dans la Pegnitz.

но будетъ выучиться. Францъ также довольно здоровъ, но съ нѣкоторыхъ поръ деревянная нога начинается его беспокоить; онъ мало ходитъ, а въ праздное время кряхтитъ, да охаетъ. Впрочемъ онъ попрежнему веселъ; попрежнему любитъ выпить стаканъ вина, и все еще не досказалъ мнѣ исторіи о своихъ походахъ. Дѣти растутъ и хорошеютъ. Францъ становится молодцемъ. Вообрази, милая Марья, что ужъ онъ бѣгаетъ за дѣвчонками, каковы? а ему нѣтъ еще и трехъ лѣтъ. А какой заботникъ! Францъ не можетъ имъ помобоваться, и ужасно его балуетъ; вмѣсто того, чтобъ ребенка унимать, онъ еще его подстрѣкаетъ, и радуется всѣмъ его проказамъ. Миня гораздо степеннѣе; правда, она годомъ старше. Я начала ужъ учить ее азбукѣ. Она очень пониманна, и, кажется, будетъ хороша собою. Но что въ красотѣ? была бы добра и разумна, тогда вѣрно будетъ и счастлива.

Le procès fut rapidement instruit. Elles furent condamnées à mort. — Le matin du jour fixé, elles furent amenées à l'église, où elles se préparèrent à la mort par la prière. Sur la charrette Anne fut fermée. Marie fut agitée. Harlin monta sur l'échafaud et lui dit: encore un instant, et nous serons là (au ciel)! Courage, une minute, et nous serons devant Dieu!

Marie s'écria: elle est innocente, je suis un faux témoin. . . . elle se jeta aux pieds du bourreau et du prêtre... el'e dit tout. L'exaltier, étonné, s'arrêta. Le peuple pousse des cris... Anne Harlin interrogée par le prêtre et le bourreau dit avec répugnance (simplicité): assurément elle a dit la vérité. Je suis coupable pour avoir menti et manqué de foi en la Providence.

Un rapport est envoyé au magistrat. Le messenger revient dans une heure avec l'ordre de procéder à l'exécution. L'exécuteur s'évanouit après avoir décapité Anne Harlin. Marie était déjà morte.

Р. S. Посылаю тебѣ въ гостинецъ косынку; обнови се въ будущее воскресенье, когда пойдешь въ церковь. Это подарокъ Франца, но красивый цвѣтъ идетъ болѣе къ твоимъ чернымъ волосамъ. Мужчины этого не понимаютъ. Имъ все равно, что голубое, что красное. Прости, милая Марья, я съ тобою заболталась. Отвѣчай же мнѣ поскорѣе. Батюшкѣ засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе. Вѣкъ не забуду, что я провела три года подъ его кровлею, и что онъ обходился со мною бѣдной сироткою, не какъ съ наемной служанкой, а какъ съ дочерью. Напиши мнѣ, каково его здоровье.

Марія Шонингъ къ Аннѣ Гарлингъ.

28 Апрѣля.

Я получила письмо твое въ прошедшую пятницу; но прочла его только сегодня. Бѣдный отецъ мой скончался въ тотъ самый день въ 6 часовъ поутру—вчера были похороны.

Я никакъ не воображала, чтоо́бъ смерть была такъ близка. Во все послѣднее время ему было гораздо легче—и г. Кельцъ имѣлъ надежду на скорѣйшее его выздоровленіе. Въ понедѣльникъ онъ даже гулялъ по нашему саду, и дошелъ до колодезя не задохнувшись. Возвратясь въ комнату, онъ почувствовалъ легкій ознобъ, я уложила его и по-

бѣжала къ г-ну Кельцу: его не было дома. Возвратясь къ отцу, я нашла его въ усыпленіи; я подумала, что сонъ успокоитъ его совершенно. Г. Кельцъ пришелъ вечеромъ; онъ осмотрѣлъ больного, и былъ недоволенъ его состояніемъ. Онъ прописалъ ему новое лекарство. Ночью отецъ проснулся и просилъ ѣсть; я дала ему супу; онъ хлебнулъ одну ложку и болѣе не захотѣлъ. Онъ опять впасть въ усыпленіе. На другой день съ нимъ сдѣлались спазмы. Г. Кельцъ отъ него не отходилъ. Квечеру боль унялась; но имъ овладѣло такое безпокойство, что онъ пяти минутъ сряду не могъ лежать въ одномъ положеніи; я должна была поворачивать его съ боку на бокъ.... Передъ утромъ онъ утихъ—и часа два лежалъ въ усыпленіи. Г. Кельцъ вышелъ, сказавъ мнѣ, что воротится часа черезъ два. Вдругъ отецъ мой приподнялся и позвалъ меня—я къ нему подошла и спросила, что ему надобно. Онъ сказалъ мнѣ: Марья, что такъ темно—открой ставни; я испугалась и сказала ему: Батюшка! развѣ вы не видите... ставни открыты. Онъ сталъ искать около себя, схватилъ меня за руку и сказалъ: Марья, Марья, мнѣ очень дурно—я умираю.... Дай благословлю тебя—поскорѣ. Я бросилась на колѣна и положила его руку себѣ на голову—рука вдругъ отяжелѣла—онъ сказалъ: Господь награди ее—Господь, Тебѣ ее поручаю. Онъ замолкъ—я подумала, что онъ опять заснулъ, и нѣсколько минутъ нѣ смѣла шевельнуться. Вдругъ вошелъ г. Кельцъ, снялъ съ моей головы руку его—и сказалъ мнѣ: теперь оставьте его—подите въ свою комна-

ту. Я взглянула; отецъ лежалъ блѣдный и недвижимый. Все было кончено.

Добрый г. Кельцъ цѣлые два дня не выходилъ изъ нашего дома и все распорядилъ, потому что я была не въ силахъ. И въ послѣднѣе дни я одна ходила за больнымъ; некому было меня смѣнить. Часто я воспоминала о тебѣ и горько сожалѣла, что тебѣ съ нами не было. Вчера я встала съ постели и пошла-было за гробомъ; но мнѣ стало дурно. Я стала на колѣна, чтобъ издали съ нимъ проститься. Госпожа Ротберхъ сказала: какая комедіантка! Вообрази, что эти слова кольнули меня въ сердце; но мнѣ, право, было не до этой Ротберхъ! Вообрази, милая Анка, что слова два возвратили мнѣ силу. Я пошла за гробомъ удивительно легко. Въ церкви, мнѣ казалось, было чрезвычайно свѣтло и все кругомъ меня шаталось. Я не плакала. Мнѣ было душно, и мнѣ все хотѣлось смѣяться.

Его снесли на кладбище, что за церковью св. Якова, и при мнѣ опустили въ могилу. Мнѣ вдругъ захотѣлось тогда ее разрыть, потому что я съ нимъ не совсѣмъ простилась. Но многіе еще гуляли по кладбищу—а я боялась, чтобъ Ротберхъ не сказала опять: какая комедіантка.

Какая жестокость, не позволять дочери проститься съ мертвымъ отцемъ, если ей вздумается.

Возвратясь домой, я нашла чужихъ людей, которые сказали мнѣ, что надобно запечатать все имѣ-

ніе и бумаги покойнаго отца. Они оставили мнѣ мою комнатку, только вынесли изъ нея все, кромѣ кровати и одного стула. Завтра воскресенье. Я не обновлю твоей косынки, но очень тебя за нее благодарю. Кланяюсь твоему мужу ; детей целую. Прощай. Пишу тебѣ стоя у окошка, а чернильницу зашла у сосѣдей.....

А Пушкинъ.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

ЛЪСЬ И ПЕЩЕРА.

ФАУСТЪ одинъ.

Всесильный духъ, ты далъ мнѣ, далъ мнѣ все,
О чемъ тебѣ молился я. Недаромъ
Ты показалъ мнѣ пламенный свой образъ.
Ты далъ мнѣ царствомъ пышную природу,
Далъ силу чувствовать и насладиться ею.
И я дивлюсь не съ хладнымъ изумленьемъ
Ея высокимъ тайнамъ; ты позволилъ
Мнѣ заглянуть въ ея святую грудь,
Какъ въ сердце друга. Ты передо мною
Повелъ ряды живыхъ твоихъ созданий,
Ты братій научилъ меня познать
Въ водахъ и въ воздухѣ и въ роцѣ тихой.
Ты въ часъ грозы, когда маститый дубъ
Сосѣднія деревья ломить съ трескомъ

И рушится и грозному падению
Съдой утесъ глухимъ стenanьемъ вторить,
Меня привести къ пещерѣ одинокой.
Ты научилъ меня самоознанью;
Ты тайныя, святыя чудеса
Моей души раскрылъ передо мною.
Взойдетъ ли мѣсяць, ласный вѣстникъ мира,
Въ его лучахъ таинственной толпой
Былыхъ вѣковъ серебряныя тѣни
Ко мнѣ слетаютъ съ грознаго утеса
И строгое смягчаютъ созерцанье.

Я чувствую, что здѣсь для человека
Нѣтъ совершенства. Ты къ святому чувству,
Которое меня возноситъ къ небу,
Мнѣ придалъ спутника; суровый и холодный
Онъ пуженъ мнѣ; хотя въ моихъ глазахъ
Меня же унижаетъ онъ; въ ничто
Твои дары насмѣшкой обращаетъ.
Онъ въ сердцѣ будить дикую любовь
Къ роскошной дѣвѣ; быстро отъ желанья
Перехожу я къ нѣгѣ наслажденья,
А наслаждался вновь горю желаньемъ.

Является Мефистофель.

МЕФИСТОФЕЛЬ

Скажи, не скучно ли тебѣ?

Смотри, въ какую глушь забился.

Ну разъ, положимъ, ты отъ свѣта удалился,

А тамъ попрежнему оплть живи себѣ.

ФАУСТЪ.

Оставь меня, духъ ада, скройся

И въ добрый часъ не возмущай души!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну, ну, иду, не безпокойся,

Не весело въ твоей глуши.

Повѣрь, не велика потеря,

Какъ взглянешь на такого звѣря!

Какъ ни старайся, ни трудись,

Ничѣмъ не угодишь вельможѣ;

Бѣги туда, да жмись и трись,

И всакій день одно и тоже.

ФАУСТЪ.

Еще ворчить, а уморилъ

Не самъ ли онъ меня отъ скуки?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Не я ль, бѣднякъ, въ замѣну муки,

Тебя восторгомъ подарилъ?

Не я ль въ порывѣ иступленья

Отъ болтовни воображенья

Тебя надолго исцѣлилъ?

Безъ насъ давно, по вѣрной смѣтѣ,
Тебѣ бы не было на свѣтѣ.
Вольно же филиномъ такимъ
Въ пещеры мрачныя скрываться,
Травой и мхомъ, какъ неподимъ,
Въ уединеніи питаться!
Среди своихъ пустынныхъ горъ
Отъ скуки скоро ты нечахнешь;
А право жаль! до этихъ поръ
Ты все еще ученымъ пахнешь.

Ф а у с т ь.

Когда бъ ты зналъ, что жизнь небесъ
Со мной сроднилась въ сей пустынь,
Ты бъ позавидовать, о бѣсъ,
Моей таинственной свлтынь!

М е ф и с т о ф и л ь.

Завидно, день и ночь по скаламъ и горамъ,
Какъ угорѣлому метаться!
Прильнуть душой къ землѣ и къ небесамъ
И коскакъ до божества взбираться.
Въ земныя нѣдра проникать
И перечувствовать всѣ чудеса творенья,
Мечтать, безумствовать, всю душу въ упоенье
Своей любви переливать,

А послѣ чудное, святое вдохновенье
Окончить такъ (*съ ужасомъ*),
Что совѣстно сказать!

ФАУСТЪ.

Стыдъ на тебя!

МЕРФИСТОФЕЛЬ.

Вамъ это неподсгать.

Меня бранить ты, можешь быть, и вправѣ,
Обиженъ твой невинный слухъ,
Но грудь въ огонь, и твой же гордый духъ
Давно привыкъ къ земной забавѣ.
Да впрочемъ что и говорить!
Тоска здѣсь хоть кого замучить,
Тебѣ въ пустынь не прожить,
И скоро все тебѣ наскучить.
Смотри, какъ ты печахъ, согнулся!
Пробудь еще хоть день одинъ,
Такъ быть бѣдѣ—тоска и сплннѣ!
Ты бъ завтра же съ ума рхнулся.
Ты чахнешь здѣсь, а тамъ она
Грустить и поеть и томится,
Ни ѣсть, ни пить, сидить одна
И все вздыхаетъ и крушится.
Ты чисто, пламенно любимъ!
Сперва въ порывѣ страсти вѣжной

Предъ милымъ идоломъ своимъ
Ты не скрывала любви мятежной;
Ты страсть къ душѣ ея привила;
Теперь въ нещерѣ сокровенной
Ты извергъ дѣву разлюбилъ.
Но чѣмъ, скажи, ты наградила
Тоску любви ея смиренной?
Одной бѣдвяжкѣ скучно ей;
Порой надъ древними стѣнами
Сѣдыми, темными рѣдами
Проходятъ тучи передъ ней.
Порой она и дни и ночи
Все проситъ: дайте крылья мнѣ!
Ужъ сна давно не знаютъ очи;
Ей не съ кѣмъ въ грустной тишинѣ
Дѣлать тоску; то вдругъ смѣется,
То плачетъ бѣдная она,
А все душа къ тебѣ несется,
И все какъ прежде влюблена.

Ф л а у с т ь.

Змѣя, змѣя!

М е ф и с т о ф е л ь.

Теперь попался (a parte).

Ф л а у с т ь.

Напрасно, демонъ, ты скрывался!

Оставь меня въ нѣмой тишинѣ,
Не возмущай моей души!
Зачѣмъ коварною мечтою
Роскошный ликъ ся ты мнѣ изобразилъ?
Зачѣмъ волшебной красотою
Ты въ сердце нѣгу разбудилъ?

МЕФИСТОФИЛЬ.

Ну чтожъ, когда она бонется,
Что ты измѣнишь бѣдной ей?
И то сказать, въ глуши своей
Онъ будто звѣрь ся дичится.

ФАУСТЪ.

Я близокъ къ ней вездѣ, всегда!
Какъ прежде пламенной любовью сердце бѣется;
Я тѣлу божию завидую, когда
Устами нѣжными она его коснется.

МЕФИСТОФИЛЬ.

Смотря на васъ тайкомъ, я мнѣ
Завидно иногда бывало,
Когда въ завѣтной тишинѣ
Она тебя такъ пламенно ласкала.

ФАУСТЪ.

Прочь, демонъ!

МЕФИСТОФАЛЬ.

• • • • •
 • • • • •
 • • • • •
 • • • • •
 • • • • •
 • • • • •

ФАУСТЪ.

Я пилъ восторгъ небесъ въ объятіяхъ ся;
 Я отдыхалъ на персяхъ дѣвы нѣжной;
 Съ ся душой дѣлился я
 Душею бурной и мятежной.
 Бѣднякъ бездомный, я бѣжалъ
 Съ утеса на утесъ потокомъ водонада,
 И съ нступленіемъ искалъ
 Бездонной пропасти хохочущаго ада.
 Я погибалъ—а въ сторонѣ,
 Тревожной горести не зная,
 Она въ завѣтной тишинѣ
 Цвѣла какъ роза полевая.
 Чиста, невинна какъ дитя,
 Съ страстями свѣта незнакома,
 Въ заботахъ маленькаго дома
 Она жила еще шутя.

Зачѣмъ я страшною борьбою
Моей души не насыщаль,
Когда строптивою рукою
О скалы скалы разбиваль!
Зачѣмъ я миръ ея священный уничтожилъ,
Являсь какъ демонъ передъ ней!
Зачѣмъ огнемъ нѣмыхъ страстей
Я душу чистую встревожилъ!
Мнѣ страшно, бѣсъ! Разсѣй мой страхъ!
Пусть грозный жребій совершится,
Пусть вмѣстѣ съ ней въ карающихъ громахъ
Гроза небесъ надъ нами разразится!

• МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ну вотъ опять огнемъ горить!
Взойди, утѣши ее отъ тяжкаго мученья.
Гдѣ онъ въ бѣдѣ хоть разъ склупить,
Тамъ для него ужъ нѣтъ спасенья.
Держись примѣра моего;
Ты съ чоргомъ, кажется, достаточно связался;
Нѣтъ въ свѣтѣ хуже ничего,
Какъ чортъ, который потерялся!

Эдуардъ Гибель.

Strandweg *.

(Береговая дорога отъ Мемеля до Кенигсберга.)

I.

Песокъ и море: грустный видъ!

Со смертию жизни сочтаны:

Шумъ вѣчный, вѣчное молчанье!

* *Прим.* Дорога отъ Мемеля до Кенигсберга доселѣ слѣдуетъ по берегу моря. Берегъ образованъ изъ сыпучаго песка, такъ что экипажи для облегченія лошадей часто упираются однимъ колесомъ въ море. Въ продолженіе трехъ переправъ, путешественникъ рѣшительно не видитъ ни произрастеній, ни человѣческаго жилища. Съ сѣвера необыкновенная пустыня воды; съ юга вѣтромъ набросанные песчаные курганы, кой-гдѣ прибрежные камни, да небольшіе сараи, поставленные для укрытія отъ непогодъ путниковъ и скота—вотъ общій очеркъ этой палкой дороги. Даже почтовые лошади приводятся изъ-за песчаныхъ возвышенностей, гдѣ есть нѣсколько деревень, но вовсе окруженныхъ безплодіемъ. Однообразіе почвы и медленность перѣзда утомили бы меня до крайности, если бѣ въ это время необычайность и быстрота воздушныхъ явленій не развлекли моего воображенія. То было въ среднихъ числахъ равноденственнаго марта, и я въ жизни моей не помню дня, который бы заключалъ въ себя такіа видоизмѣненія, такіе внезапные и рѣшительные переходы отъ дождя къ солнцу, отъ яснаго неба къ непроглядному туману, отъ тепла къ холоду и метели. Можетъ быть, вліянію этой чудной погоды обязана я нѣкоторымъ поэтическимъ раздраженіемъ, которое выразилось въ помянутыхъ здѣсь стихахъ.

(Извлечено изъ путевыхъ воспоминаній 1855 года.)

Здѣсь распростертый онъ лежитъ
 Какъ трупъ недвижный, безпробудный.
 Вотще надъ нимъ гремитъ волна,
 Сверкая ризой изумрудной,
 Непстонимыхъ ласкъ полна!
 Ея объятья и лобзанья
 Глагола не даютъ устамъ,
 На конхъ съ днѣ міросозданья
 Наложена печать молчанья,
 Да будутъ вѣчной тайны храмъ.

И море цѣлое возьми,
 И бури хищными крылами
 Восколебай и подыми,
 И затопи его волнами
 Весь одръ безжизненный несковъ—
 Нѣтъ! и тогда твой грозный зовъ
 Сна первобытнаго не взбудитъ,
 И предъ могуществомъ твоимъ
 Все мертвымъ мертвое пребудетъ
 И безглагольное нѣмымъ.

Не такъ ли племена земныя,
 Съ начала данныхъ твари днѣй,
 Пытають каминъ гробовые
 Упорной думою своєю,

И алчуть въ тайны роковыя
 Проникнуть? Тщетная борьба —
 Нѣма грядущаго судьба.
 И, можетъ быть, когда бь разъяли
 Мы смерти грозную печать,
 Мы бь сами небо заклинали
 Незнанья миръ намъ даровать!

II.

Песокъ и море! Этотъ брегъ
 Какъ будто сотворенъ для лѣтнихъ, мирныхъ игръ,
 Для звучныхъ игръ и прихотей купанья.
 Вокругъ какая тишина!
 Какая чистая и сильная волна!
 Какое ложе для мечтанья!
 О! вѣрно въ алой мизѣ тѣхъ дивныхъ вечеровъ,
 Когда закатъ горитъ въ отливкахъ свѣтозарныхъ,
 Здѣсь, покидая мракъ палатъ своихъ литарныхъ,
 Своихъ коралловыхъ садовъ,
 Уидина сѣвернаго моря
 Всплываетъ русой головой,
 И жадно плаваетъ, съ жемчужной пѣной споря
 Высокой груди близкой;
 И жадно воздухъ пьетъ, и брызгами играетъ;
 И косу длинную по влагъ разстиластъ
 Какъ сътъ изъ ткани золотой;

Иль вдругъ, причудница, пѣснь дивную заводитъ,
Изъ бездны кличетъ свой народъ,
И слушая ее, за нею рыба ходитъ,
Сверкая чешуей на темномъ лонѣ водъ.

III.

Песокъ и море: ни жилища,
Ни поля, ни деревъ, ни горъ;
Какъ мрачнымъ зрѣлищемъ кладбища
Здѣсь утомленъ упорный взоръ.
Пустыненъ берегъ, и пустыня
На зыбкой безднѣ моря синя!
Линия кой-гдѣ на мели разбита ладья
Обезображенной кормою
Торчитъ надъ бурною волною,
Обломокъ жалкій бытія!
Да неводъ, къ сваѣ прикрѣпленный,
Кой-гдѣ чернѣющій въ песокъ,
Напоминаетъ мысли сонной,
Что человекъ не вдалекѣ!...

Бѣги отсѣль ты, чья душа,
Заемию жизнью дыша,
Не знаетъ, нищая, отрады самообытной,
Ключей живительныхъ сердечной глубины!
Но ты, питомецъ тишины,

Ты, собесѣдникъ ненасытный
Неумолкающей мечты,
О приходи сюда! На обнаженномъ брѣгѣ,
Подобно мнѣ, возледь средѣ міра пустоты,
И одиночества предайся дикой нѣгѣ,
Затѣмъ что много, много думъ
Наводитъ моря вѣщій шумъ!

Ф

И если звуками той музыки волшебной
Въ страну видѣній унесёшь,
Ты въ сердцѣ оживишь или образъ, или сонъ,
Давно разрушенны судьбиною враждебной . . .

О вѣдай, странникъ! что и я
Здѣсь также вспоминалъ весны моей края,
Моей любви истлѣвшіа одежды,
И юности разбитыя надежды,
Какъ эта бѣдная ладья!

1833.

СТАНСЫ.

Ни думъ благихъ, ни звуковъ пѣжныхъ
Не хочетъ раздраженный міръ;
Онъ алчетъ битвъ и бурь митежныхъ;
Онъ рвется на кровавый ширь.

За тучей тучу Западъ гонить;
Духъ тмы свой злобный судъ изрекъ;
Земля растерзанная стонетъ,
Какъ предъ кончиной чловѣкъ.

Теперь не суетную лиру
Повѣсь на рамена, пѣвецъ!
Бери булатъ, бери сѣкиру,
Будь гражданинъ и будь боецъ.

Но прежде съ пламенемъ во взоръ,
Какъ Богомъ избранный Пророкъ,
Воскликни: горе, горе, горе
Тому, кто вызвалъ гнѣвный рокъ!

В. Туманскій.

1830.

ПИСЬМА СОВОСНТАННИЦЪ.

O heureuse saison! printems de la vie,
lorsque l'âme ose tout excepté le men-
songe, et que la pensée libre avant d'être
exprimée se déclare elle même, sans
hésiter, dans un regard serein.

Lord Byron.

ПИСЬМО 1.

Глафира Олимпиада и Марья.

17 Сентября, 18 . . года.

С. Петербургъ.

«Неужели я въ самомъ дѣлѣ вышла изъ инсти-
тута?»... это была сегодня первая мысль при мо-
емъ пробужденіи. Нѣсколько разъ я открывала и
опять закрывала глаза, чтобы увѣриться, точно ли
я не грѣжу?... Мнѣ чудился привычный звонъ
утренняго колокольчика, и шумъ разговоровъ, въ
которыхъ соединится столько милыхъ для меня

голосовъ. Mesdames, mesdames! закричала я... Но происшествiя вчерашняго дня вдругъ ожили у меня въ памяти, и мнѣ стало грустно, какъ въ минуту разлуки нашей, друзья мои. Печальное *процайте!* вчера миллионъ разъ раздававшееся по институтскому корридору, опять зазвучало у меня въ ушахъ. Я вздрогнула такъ тяжело!

—Что съ тобой, Глафира? сказала маменька, отдергивая занавѣсъ у кровати. Пора вставать; ты еще не видѣла, что я для тебя приготовила.

Я мигомъ встала съ постели. Изъ другой комнаты раздавались восклицанiя Лизы: ахъ, какъ мило! какъ мило!... Но я вамъ обѣщала, mesdames, вѣрный расказъ всего, что будетъ съ нами, и потому начну съ самаго начала.

Изъ института маменька привезла насъ прямо въ этотъ домъ, который не знаю кому принадлежить; только въ немъ все очень мило. Маменька такая добрая, снисходительная, ласковая... Ахъ, mesdames! какой у насъ съ Лизой прелестный дортуаръ! Мы почти цѣлую ночь не спали. Намъ было такъ хорошо; мы все разговаривали, и наконецъ поспорили. Лиза вздумала утверждать, что послѣ обѣда кофе пьютъ только старухи. И знаете, съ чего она это взяла? Вчера, когда мы пріѣхали изъ института, маменька велѣла подать намъ кофе, очень вкусной, съ густыми сливками и съ бисквитами. Лиза выпила двѣ чашки и попросила еще. Мамень-

ка смѣясь сказала: это слишкомъ много, Лиза. Современемъ, когда тебѣ исполнится шестьдесятъ лѣтъ, тогда, пожалуй, пей-себѣ кофе сколько хочешь. И Лиза, поднявъ глаза кверху, вскричала: дай Богъ, чтобъ мнѣ скорѣе было шестьдесятъ лѣтъ. Маменька расхохоталась. Она только пошутила, а Лиза вывела изъ того глупѣйшее заключеніе. Сегодня, послѣ-обѣда, я нарочно попрошу кофе; посмотримъ, что маменька скажетъ?

Еслибъ вы видѣли, *mesdames*, прекрасную комнату, въ которой я вамъ пишу. Я расположилась у открытаго окна; шумъ съ улицы нисколько меня не развлекаетъ: всѣ чувства мои, всѣ мои мысли принадлежать вамъ. Ахъ! я очень... Мимо окна прошла премиленькая дама, совершенно мамзель Г.; а этотъ, какой гадкой! остановился и лорнетяруетъ сюда. Еслибъ у меня достало духу сдѣлать ему гримасу! Вотъ и еще что-то такое смѣшное, похоже не знаю на что?... Никакъ не могу больше писать. До свиданья, *mesdames*; маменька обѣщала скоро отпустить насъ въ институтъ. Кланяйтесь отъ меня и отъ сестры всѣмъ дѣвцамъ. Пошлю вамъ большой фунтъ конфетъ. Неправда ли, какъ смѣшно, что Лиза и я теперь не институтки. Adieu, *mesdames*!

ПИСЬМО 2

Олимпиада Глафиръ.

22 Сентября, 18...
Екатери. Институтъ

Пять дней прошло, какъ ты оставила институтъ и съ тѣхъ поръ не была у насъ, милая Глафира! Это значитъ... неужели ты забыла насъ? Нетъ, это невозможно, мы институтскіе друзья: следовательно друзья на цѣлую жизнь.

Трудно выразить всю силу тоски моея при разлуцѣ съ тобою; долго я не могла отойти отъ двора, за которою исчезъ послѣдній звукъ твоего голоса. Мнѣ казалось, я нахожусь одна, среди дикой пустыни, оставленная цѣлымъ свѣтомъ. Съ какою грустію смотрю я на опустѣвшее мѣсто твое на лавкѣ нашей! Я боюсь, чтобъ класныя дамы не велѣли кому занять его: пусть лучше будетъ пусто; кто можетъ замѣнить тебя?

Вчера, прогуливаясь въ саду, я подошла къ стѣнѣ, отдѣляющей садъ нашъ отъ города, и, прислушиваясь къ стуку экипажей, гремѣвшихъ по улицѣ, сравнивала тишину нашего сада съ городскимъ шумомъ. Гдѣ лучше: тамъ или здѣсь?... подумала я. Кто знаетъ, что ожидаетъ насъ за высокими стѣнами нашего института?

Звонятъ къ обѣду. До свиданья, Глафира! Пріѣзжай къ намъ скорѣе; всѣ съ истерпѣніемъ тебя ожидаютъ.

даютъ. Я не думаю, чтобы городскія удовольствія могли такъ скоро заставить тебя забыть институтъ и твою Олимпіаду.

ПИСЬМО 3.

Марія Глафиръ.

122 Сентября 18. . г.
Екатери. Институтъ.

Ахъ, та chère, какъ скучно безъ тебя! Съ самаго дня разлуки нашей мы не перестаемъ говорить о тебѣ и о сестрѣ твоей. Вамъ очень идетъ городской костюмъ; въ вашихъ розовыхъ шляпкахъ, mesdames, вы обѣ были прекрасны, хотя советъ на себѣ не похожи, особливо ты, та chère: только прошу не гордиться.

Когда вы уѣхали, я еще долго плакала. Боже мой, кто бы могъ предвидѣть, что ты, первая изъ первыхъ нашего класса, уѣдешь прежде публичнаго экзамена!... Всѣ обѣ этомъ жальютъ. Я не понимаю, что заставило маменьку твою взять вась изъ института, когда остается до выпуска только пять мѣсяцевъ? Ты говоришь, семейныя обстоятельства; но какія же именно?... не скрывай отъ меня, та chère; если это секретъ, я никому не скажу.

Въ институтѣ у насъ все постарому; вчера ввечеру моя очередь была раздавать бѣлье; когда мы

пришли послѣ ужина въ дортуаръ, я сказала: mesdames! кому жаль, что обѣ С. уѣхали, тотъ раздастъ за меня бѣлье.— Я, я!... закричали всѣ. П. первая ко мнѣ подбѣжала и перенесла все бѣлье на свою кровать. А вы, Глафира съ сестрицей, не нашли часочка въ цѣлыя пять дней побывать тамъ, гдѣ васъ такъ любятъ.

Знаешь ли, та chère, съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхала, характеръ мой совершенно переѣнился; всѣ дѣвицы говорятъ, что я очень печальна стала. Сегодня поутру я надѣла твою мантилю, которую промѣняла на свою, и долго ходила по корридору въ ожиданіи тебѣ, зачѣмъ получила отъ мадамъ П. выговоръ, который отъ всей души передала тебѣ. Неужели ты никогда не пріѣдешь въ институтъ? Ты причиной, что я ни сколько не приготовилась къ сегодняшнему классу; и когда наступило критическое время, въ которое всякую минуту ожидали г. С., я, сама не зная что дѣлать, схватила свою тетрадь и начала твердить урокъ такъ громко, что моя сердитая сосѣдка К. заткнула себѣ уши, и не шутила стала ссориться со мною. — Г. С. не будетъ; боленъ! закричалъ швейцаръ у дверей.— Слава Богу! сказала я, закрывая свою тетрадь.— Фи, та chère, какая злая! радуется болѣзни г. С. — сказала К. придираясь ко мнѣ за все.

—Что это за шумъ вы подняли дѣвицы? вскричала мадамъ П... Я хочу видѣть каждую изъ васъ на своемъ мѣстѣ. Займитесь нѣмецкимъ переводомъ. Вѣ

отсутствіе мое никто не долженъ оставлять лавки своей! прикрикнула она, выходя изъ класса.

Такая строгость на всѣхъ навела тоску, особенно на меня. Ты не выходила у меня изъ головы, Глафира; я ожидала тебя всякую минуту, и когда слышала стукъ экипажа, зеленая краска на окнахъ нашего класса приводила меня въ отчаяніе. Въ мечтахъ моихъ рисовалось твое милое личико, выглядывающее изъ свѣтлаго, незакрашеннаго окна — и въ ту самую минуту, какъ я сказала: *mesdames*, счастливая Глафира!... у подъезда пресильно застучало. Тогда, забывая все, я вспрыгнула на окно, позади лавокъ, и, увидѣвъ желтую карету, закричала на весь классъ: Глафира и Лиза!... Слова мои произвели большую суматоху; порядокъ и тишина исчезли; нѣмецкій переводъ былъ оставленъ; дѣвицы тѣснились къ окну.—Обманъ, обманъ!... сказала Г. Въ наказаніе за то, А... скай, не сходи съ окна, представь А... го! Извольте слушать, дѣвицы; сказала я, принимая видъ и голосъ А... го: сегодняшнимъ нашимъ предметомъ будетъ...

—Фи, *ma chère*, какъ скучно! перебила Н. Смотрите лучше на меня, *mesdames*: я буду мадамъ Н! и начала прыгать уморительно. Всѣ хохотали — вдругъ двери съ шумомъ отворились...

—Прекрасно, дѣвицы! такъ-то вы послушны дамамъ вашимъ? вскричала мадамъ Н.. Но вотъ еще новость: кто тамъ скрывается за занавѣской?... Это

вы, А... ская! развѣ не знаете, что къ окну не должно смѣть и приближаться! etc., etc.. Все это за тебя, Глафира. Мадамъ II. даже грозила мнѣ *терпимъ столомъ*: это мило! за пять мѣсяцевъ до выпуска! Вообрази радость *кофейныхъ*, еслибъ увидѣли М^{lle} А... скую, дѣвицу зеленого класса, за чернымъ столомъ. Негодныя кофейныя! Вспомни, та сѣге, какъ я, спустивши съ плечъ мою мангилію, передъ вами расхаживаю и важничаю, когда онѣ мнѣ пищать: *ange, adorable!*

Всѣ дѣвицы кланяются тебѣ и Лизѣ.

Знаешь ли, мнѣ пришла на мысль: что, если Глафира перемѣнилась? если, прочитавъ мое письмо, скажетъ: это все институтскія глупости!... Сердце такъ и замираетъ. Неужели ты въ самомъ дѣлѣ намъ измѣнила? неужели ты забыла всѣхъ, и меня, и Ининьку, и II, и Г? Огвѣчай скорѣе! скажи прямо: другъ ли ты намъ? скажи поинститутски: да или нѣтъ?

ПИСЬМО 4.

Глафира Олимпіадъ и Марья.

С. Петербургъ. 25 Сентября.

Не стыдно ли вамъ думать, *mesdames*, что новость настоящаго положенія моего можетъ заставить меня забыть васъ, друзей моихъ! Разставаясь съ вами, я будто жить перестала; въ глазахъ темно, дыханіе прерывалось... ничего не помню, какъ

перешла корридоръ , швейцарскую ; но, сошедъ съ крыльца, еще разъ оглянулась на институтъ. Колоссальное зданіе гордо и мрачно стояло передо мною, какъ могущественный покровитель, котораго я навсегда теряла. Миѣ живо вообразились наши веселыя игры и наши уроки; миѣ всего стало жалъ. На сердцѣ у меня лежала гора грусти и печали — я плакала. Между тѣмъ карета понеслась съ быстротою, которой я въ первыя минуты не замѣчала; потомъ миѣ стало страшно, потомъ все запрыгало у меня въ глазахъ, все вокругъ меня приняло видъ фантастическій. Встрѣчаемые экипажи, казалось миѣ, неслись прямо на насъ; казалось, мы летимъ, падаемъ между длинными рядами странныхъ, почти не человѣческихъ лицъ, мелькавшихъ мимо оконъ кареты нашей. Ахъ! . . . закричала я, и голова моя упала на плечо къ татанъ.

Когда я опомнилась, мы ѣхали очень тихо. Маленька шутила надо мной — миѣ было очень стыдно. Страхъ мой прошелъ, и скоро новыя впечатлѣнія, сильнѣйшія первыхъ, овладѣли мною совершенно. Я перестала плакать, перестала думать о васъ, mesdames. Не упрекайте меня легкомысліемъ; скоро вы сами испытаете, что переходъ изъ института въ свѣтъ сопровождается чувствованіями, которыхъ описаніе составило бы цѣлую поэму. Вообразите, что васъ съ завязанными глазами привели къ мѣсту, открывающему удивительный ландшафтъ, и вдругъ завязка спала . . . Но нѣтъ! никакое сравненіе не можетъ дать вамъ понятія о восторгѣ моемъ,

когда, прїѣхавъ домой, я сѣла у открытаго окна. Шумная улица представляла живую, вѣчнодвижущуюся картину, на которой предметы самыя противоположныя встрѣчались и смѣшивались въ какомъ-то волшебномъ отраженіи. Великолѣпныя и простые экипажи, нарядныя дамы, и бѣдныя въ старыхъ манти, и военныя въ блестящихъ мундирахъ, и франты, и . . . не знаю какъ назвать, сѣтъ люди которые ни на кого не похожи—божусь, *mesdames*: еслибъ вы видѣли все смѣшныя, все живописныя сцены, которыя выскакивали изъ эаго хаоса и быстро смѣнялись другими, вы бы въ полной мѣрѣ раздѣлили со мною восторгъ мой. Теперь эти первыя впечатлѣнія нѣсколько ослабѣли: я могу сидѣть съ работою у открытаго окна — представьте себѣ, *mesdames*, *открытое окно!* — и излишкомъ заглядываюсь на непрерывную драму, разыгрываемую на шумной улицѣ.

Все это прекрасно; но я бы желала, *mesdames*, чтобы вы были здѣсь со мною; безъ васъ такое множество новыхъ предметов . . . признаться ли вамъ въ моей глупости? когда взглядываю на себя, и вмѣсто вѣчнаго камлотоваго зеленого платья, вижу шелковое, и кружева, и ленты! . . . ступить не умѣю. Въ городѣ все очень любопытны, больше, нежели у насъ, *mesdames*. Я смертельно боюсь, что бы не ловкостью своею не прибавить новаго анекдота на счетъ институтокъ. Агаша Н., которую мы встрѣтили вчера въ англійскомъ магазинѣ, рассказывала намъ, что когда ее взяли изъ института, тетеш-

ка ея въ тотъ же день сдѣлала для нея праздникъ. Къ обѣду приглашены были всѣ родственники и знакомые. Весело было Агашѣ — первый обѣдъ въ пре-
 большомъ обществѣ! въ добавокъ ко всему, тетушка усадила Агашу на первое мѣсто. Агашѣ было очень стыдно. Многія кушанья имѣли для нея видъ совершенной новости; она не рѣшалась за нихъ приняться, отказывалась, краснѣла, увѣряла, что удовольствіе видѣть себя въ кругу родныхъ отнимается у нея аппетитъ и пр. Но когда подали огромную жареную птицу, Агаша не утерпѣла, чтобы не закричать: ахъ, кака! большая курица!—Всѣ захохотали. Какъ будто Агаша могла знать, что тетушкѣ изъ ея степныхъ деревень привезли дичины, и что огромная птица была не знаю кака-то дичина. Это еще не все. По окончаніи обѣда нашей совоспитанницѣ готовилось новое затрудненіе: лаксѣй, принявшій отъ нея стулъ, сунуль ей въ руки блюдечко съ стаканомъ теплой воды, съ которымъ она не знала что дѣлать. Не смѣя ни на кого взглянуть, Агаша вертѣла въ рукахъ стаканъ и наконецъ... выпила всю воду! Представьте себѣ—теплую воду, поданную ей для полосканья рта!... Къ счастью, этого никто не замѣтилъ, кромѣ тетушки, которая обнимала, давала Агашу, а между тѣмъ до слезъ смѣялась.

При свиданьѣ, *mesdames*, будетъ о чемъ поговорить; теиерь же, исполняя мое обѣщаніе, опишу вамъ первый нашъ выѣздъ, съ отчетливостію, которой вы вправѣ отъ меня требовать.

—Сегодня ввечеру я повезу васъ къ бабушкѣ вашей, графинѣ Р., сказала намъ въ воскресенье маменька. Мы одѣлись въ нарядныя платья и съ нетерпѣніемъ ждали вечера, хотя было немного и страшно.

—Въ классѣ, когда знаешь свой урокъ, сидишь спокойно—сказала мнѣ Лиза; а здѣсь такая неизвѣстность! Отгадай, что будемъ дѣлать у бабушки? Мнѣ кажется, она похожа на мадамъ Б., и если вздумаетъ насъ экзаменовать, мнѣ не худо бы повторить исторію среднихъ вѣковъ; древнюю и новую я хорошо знаю.

—Что за мысль, Лиза? впрочемъ я и сама не могу быть спокойна; я чувствую, что въ обществѣ мы то же, что въ институтѣ *носокійя*. Помнишь, какъ онѣ смѣшны, ничего не знаютъ, всего боятся.

—О чемъ вы хлопочете, дѣти! сказала маменька, вмѣшиваясь въ нашъ разговоръ. Если вы, при первомъ вступленіи вашемъ въ свѣтъ, застѣчивы и недовки, никто васъ за это не осудитъ. Я не люблю излишней развязности въ ваши лѣта, и въ этомъ отношеніи мнѣ особенно правится институтское воспитаніе. Не забудьте привѣтствіа, которое вы должны сказать бабушкѣ.

—Не беспокойтесь, маменька; для перваго вступленія имѣть готовую фразу очень не дурно—отвѣчала смѣясь Лиза.

Мы потѣхали. Карета наша остановилась у подъезда ярко освѣщеннаго дома: мнѣ мечталось нѣчто въ родѣ волшебной сказки. Великолѣпнѣ комнаты, исполненныхъ свѣта и благоуханія, сдѣлало на меня пріятное впечатлѣніе; я забыла все мои опасенія, и весело скользила по гладкому, какъ зеркало, паркету, въ ожиданіи необыкновенныхъ удовольствій. Но увы!... подвигаясь впередъ, мы услышали хриплые голоса, крикъ, споръ, и— какъ бы вы думали, *mesdames*? весь этотъ шумъ происходилъ отъ бабушки и трехъ стариковъ, игравшихъ въ карты. Маленькіе шалуны!

При входѣ нашемъ бабушка привстала съ своего большаго кресла, и не выпуская изъ рукъ карты говорила, обращаясь попеременно, то къ маменькѣ, то къ своимъ игрокамъ: здравствуй, племянница! —Стыдитесь, кто такъ играть? Это твои дочери! —Король самъ-другъ—Какъ милы!

Не понимая ничего изъ словъ бабушки, мы съ Лизой сказали ей свое привѣтствіе, на которое получили столь нѣжный отвѣтъ, что, желая поддержать хорошее о себѣ мнѣніе, чуть-чуть не повторили раскланывавшимся намъ старикамъ и другимъ молодымъ людямъ слово въ слово комплимента, сказаннаго бабушкѣ. Лиза отворила уже ротъ, что бы вторично испытать магическое дѣйствіе словъ, которыми бабушка была такъ довольна; я, поспѣшивъ ее остановить, и сама не меньше напроказничала. Въмѣсто того, чтобы поинститутски ловко

поклониться à la Д., мнѣ захотѣлось передъ тѣми господами поважничать, представить городскую даму, и я имъ отпустила: «честь имѣю рекомендоваться!» Лиза, боясь отъ меня отстать, повторила то же самое. Ахъ, mesdames! если бѣ вы видѣли, какъ молодые люди коверкали лице, стараясь удержаться отъ смѣха — стыдно вспомнить! Впрочемъ они подали намъ кресла такъ услужливо, какъ будто мы не сдѣлали никакой глупости. Это меня нѣсколько ободрило, и я рѣшилась не упускать случая загладить первую мою ошибку. Судите, успѣла ли въ томъ!

— Дѣти мои сегодня въ театрѣ, сказала бабушка, смотря прямо на меня: новая пьеса — грандъ мизеръ!

— Grande misère? повторила я: это должна быть трагедія, судя по заглавію.

Бабушка обратилась ко мнѣ съ насмѣшливою улыбкою: ты, милая моя, видно понятія не имѣешь о бостонѣ?

— Извините, бабушка: Бостонъ главный городъ провинціи Массачусетсъ, въ Соединенныхъ Штатахъ...

— Имѣетъ гавань, корабельныя верфи — подхватила скороговоркой Лиза: разныя учебныя и благотворительныя заведенія, и сорокъ пять тысячъ жителей.

Бабушка расхохоталась.

— Ахъ , Боже мой ! вскричала она — неужели у васъ въ институтѣ никто не играть въ карты?.. Я бы умерла тамъ со скуки. Что же дѣлають ваши класныя дамы?

О, имъ столько занятій!

— Вотъ не могу понять , продолжала бабушка, отворачиваясь отъ меня , толкуютъ бѣднымъ дѣтямъ о Римлянахъ, Грекахъ, набиваютъ голову давно прошедшимъ, а упускають изъ вида самое важное. Вникните хорошенько въ эту игру, замѣтите всѣ ея тонкости , и вы увидите, можетъ ли что лучше развернуть понятій, приучить къ здравому сужденію, порядку и точности въ дѣлахъ? За карточнымъ столомъ получаешь уроки , которые могутъ быть полезны во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

— Истинно такъ , ваше сіятельство — сказалъ старикъ въ очкахъ , ветерпѣливо стучавшій по столу картами.

Игра возобновилась съ какимъ-то ожесточеніемъ. Можно было подумать , что судьба игравшихъ рѣшалась съ каждою картою. За малѣйшую ошибку или разсѣянность они ссорились между собою какъ *кофейныя*. Иногда сидѣли такъ тихо, что едва переводили дыханіе, иногда всѣ вмѣстѣ кричали: двойка, дама , десятка! и страшно было смотрѣть, какъ сердились.

Слушайте, *mesdames*! бабушка сказала: *grande ouverte!* и, раскидывая по столу свои карты, съ торжественною улыбкою повторяла: это неслучится! Противники ея сначала призадумались, но потомъ толстыми голосами протрубили: поймали, поймали!... Бабушка поблѣднѣла какъ смерть; я за нее испугалась, не зналъ что изъ того выйдетъ. Между тѣмъ Лиза толкала меня локтемъ съ нетерпѣніемъ спрашивая: кого же поймали?

—Бабушку! отвѣчала я; и тутъ уже, взглянувъ одна на другую, мы не могли болѣе терпѣть — расхохотались.

Къ счастью нашему бабушкины глаза и мысли были далеко отъ насъ; въ жару декламации она размахивала руками и столкнула со стола свѣчу на полъ — всѣ кинулись поднимать, и, въ одно мгновеніе, столъ былъ опрокинутъ. Карты, щетки, прекрасныя коробочки, все полетѣло на полъ, а изъ бабушкинаго кресла выскочила презлая моська, которой неожиданное появленіе насъ очень испугало. Лиза, будто въ институтѣ, начала кричать: ахъ *mesdames, mesdames!*... Молодые люди смѣлились, отгоняя отъ насъ моську — всѣ шумѣли, суетнились. Одна только бабушка, устремивъ глаза въ потолокъ, сидѣла неподвижно, и дрожащимъ голосомъ повторяла: тройка бубень, валетъ самъ-пять..

Наконецъ все пришло въ прежній порядокъ; карты опять зашумѣли на столѣ; игроки опять ссо-

рились, зрители молчали. Было скучно, чинно, монотонно.

— Въ институтъ ложатся уже спать, испнула мнѣ зѣвая Лиза, и я не шутя боялась, чтобъ она не уснула, тѣмъ болѣе, что и мои глаза начинали смыкаться; кресла, на которыхъ мы сидѣли, были покойны какъ постель... Но не пугайтесь, *mesdames*, появленіе новыхъ лицъ оживило сцену дремоты.

— *Bon soir, ma grand'mère!* сказала высокій офицеръ, который стуча саблею вѣбжалъ въ комнату. Это былъ молодой графъ Р.; вслѣдъ за нимъ вошла мать его, а потомъ комната вдругъ наполнилась посѣтителеми. Бабушка встрѣчала всѣхъ и каждого одною фразою: вообразите, какое несчастіе! графъ увергъ, валяется самъ-пять... — Это вѣрно мои кузины? сказала графъ подходя къ намъ. Мы скоро съ нимъ познакомились; онъ такой доброй и милой.

Остальное время вечера прошло пріятно. Графъ пригласилъ всѣхъ въ большую залу; одинъ почтенный старичекъ игралъ на фортепиано, а мы танцевали. Я познакомилась со многими дамами, и подружилась съ одною очень милою дѣвицею, Катериной Андреевной. Кавалеровъ было шесть; одинъ изъ нихъ *mr.* Крепакъ, пресмѣшной! Еслибъ вы видѣли, *mesdames*, какъ онъ танцуетъ — хуже Г., когда она была *новенькая*. Сначала я думала, что онъ притворяется, особливо, когда, послѣ своего сою, онъ подѣбжалъ ко мнѣ и съ улыбкой сказалъ: ра-

дуюсь, сударыня, что доставилъ вамъ случай по-
смѣяться.

— Благодарю васъ, отвѣчала я. Это было очень
мило! нельзя безъ смѣха вспомнить ваше слово . . .
однакожь тотчасъ замѣтно, что вы нарочно такъ
танцуете—прибавила я, испугавшись сердитой ми-
ны Крепака. Хохотъ графа увеличилъ еще мое сму-
щеніе.—Извините, я думала . . . я васъ не поняла . . .
говорила я, но гг. Крепакъ были уже далеко отъ
меня. Я затвержу этотъ урокъ на будущее время.

Но пора кончить длинное мое къ вамъ посланіе,
друзья мои! Скоро будемъ видѣться; въ воскресенье,
въ десять часовъ утра, желтая карета остановится
у институтскаго подъѣзда, и двѣ городскія дамы
явятся къ вамъ на цѣлый день. Одна изъ нихъ не-
много похожа на вашу

ГЛАГОЛУ С.

ПИСЬМО 3.

Глафира Олимпіадъ и Марья.

26 Сентября, 18. . г.
С. Петербургъ.

Несчастье, mesdaines! Въмѣсто того, чтобы ѣхать
въ институтъ, мы должны утромъ сдѣлать нѣсколь-
ко визитовъ и обѣдать у тетушки Марьи Андре-
евны. Въ институтъ никто къ намъ не пріѣзжалъ;

я думала, у насъ нѣтъ родныхъ, а теперь выходить, куда ни посмотришь, все тетушки да кузины.

Боже мой! сколько было хлопотъ, когда мы съ Лизой одѣвались на балъ къ князю К. Одна тетушка приказывала мнѣ надѣть цвѣты, другая ленты, третья кричала: *à la chinoise!*... Сюръ доходилъ до слезъ, кузины перессорились. Наконецъ самая старшая кузина, вооружась гребнемъ и шпильками, завладѣла мною, и помучивъ хорошенько, наколола мнѣ на голову бѣлые перья.—Прелесть, прелесть! раздаюсь со всѣхъ сторонъ; только Лиза, смотря на меня, до слезъ смѣялась, и увѣряла, что я похожа на рыцаря въ шлемѣ съ перьями, котораго ты, Мама, рисовала. Взглянувъ на себя въ зеркало, я испугалась огромной своей головы, и умоляла безжалостную кузину снять съ меня перья. Тогда меня называли капризной институткой, но маменька, для прекращенія споровъ, послала за парикмахеромъ, который въ полчаса причесалъ мнѣ волосы и просто и мило.

За все это мученіе я была вполне награждена на балѣ. Чудесный балъ! Я еще ничего подобнаго и во снѣ не видала. Ослѣпительное великолѣпіе комнатъ, богатство и изящный вкусъ дамскихъ нарядовъ, блескъ брильянтовъ, запахи цвѣтовъ, разговоры, танцы, все было очаровательно — и къ тому еще, *mesdames*, огромные подносы съ конфетами и мороженымъ. Я никогда не забуду этаго бала; при первыхъ звукахъ оркестра сердце мое забилось отъ

восторга: ахъ какая музыка ! ... танцовать было такъ весело, легко, свѣтло. Дамы и кавалеры казались мнѣ блестящими мотыльками, которые кружатся въ лучахъ солнца. Мнѣ бы очень хотѣлось, mesdames, рассказать вамъ скорѣе обо всемъ этомъ, но раньше пяти часовъ вечера невозможно быть въ институтѣ. Тетушкино приглашеніе на обѣдъ все испортило.

Вы спрашиваете, отъ чего родственники наши не посѣщали насъ никогда въ институтъ ? ... Это большая исторія, которую вопросы наши вынудили у маменьки. Всѣ эти родственники, теперь такіе добрые, оставляли нѣкогда маменьку безъ малѣйшаго со стороны ихъ участія, въ самомъ критическомъ положеніи. Надобно знать: отецъ нашъ женился безъ согласія своихъ родителей, и когда онъ умеръ, маменька осталась съ чами въ совершенной крайности. Напрасно писала она къ дѣдушкѣ, онъ отвергалъ и ее и насъ. Въ этомъ ужасномъ положеніи маменька отнеслась къ графинѣ Р., родной теткѣ нашего отца. Но графиня обошлась съ маменькой такъ, что привела ее въ совершенное отчаяніе. Всѣ родственники послѣдовали ея примѣру и только небольшое наследство отъ одной доброй старушки спасло маменьку.

Помните, mesdames, я вамъ всегда говорила, что мы очень бѣдны — теперь выходитъ напротивъ; маменька получила отъ дѣдушки письмо, въ которомъ онъ изъявляетъ раскаяніе въ своей противъ нея по-

справедливости, просить забыть прошедшее и немедленно пріѣхать къ нему съ нами. По этой причинѣ маменька и посѣщала взять насъ изъ института. Черезъ недѣлю мы отправимся въ Малороссію. Признаюсь, мысль о дѣдушкѣ меня пугаетъ; я бы хотѣла знать, какъ мы ему покажемся? будетъ ли онъ насъ любить? Маменька съ нимъ тоже незнакома.

Эта неожиданная перемена маменькиныхъ обстоятельствъ переѣзжца къ ней отношенія всѣхъ нашихъ родственниковъ. Теперь всѣ готовы ей служить, когда ни чьи услуги ей не нужны; а когда умоляющимъ голосомъ говорила: помогите! никто не хотѣлъ слушать. Это выходитъ совсѣмъ наоборотъ. Странно въ свѣтъ!

Лиза зовстъ одѣваться; я не опомнилась, какъ исписала весь листочекъ. Это похоже на болтливость: хотѣла только въ двухъ словахъ сказать, чтобъ поутру насъ не ждали, а вечеромъ.... Сколько объятій и восклицаній будетъ при свиданіи нашемъ!

ПИСЬМО 6.

Олимпиада Глафиръ.

12 Января, 18 . . года.

Екатерин. институтъ.

Что же ты дѣлаешь, милая Глафиръ? Скоро будетъ три мѣсяца, какъ получили отъ тебя письмо,

и то самое коротенькое, изъ котораго узнали только о благополучномъ прибытіи твоёмъ къ дѣдушкѣ. Зачѣмъ ты къ намъ не пишешь? У тебя много свободного времени, а у насъ... о, еслибъ ты могла хоть на минуту заглянуть къ намъ! ты бы не узнала института нашего, классическаго, степеннаго института. Теперь все вверхъ дномъ; обыкновенный порядокъ и тишина исчезли. Все бѣгаютъ, хлопочутъ, суетятся. Дни, часы, минуты изочтены до экзамена—всего остается такъ мало! мы дорожимъ каждымъ мгновеніемъ. Повтореніе уроковъ, музыка, пѣніе, возня съ рисунками и работами съ утра до вечера наполняютъ весь домъ чудеснымъ отголоскомъ. Стукъ молотка соединится съ звуками фортепіано; италіанскіи аріи перебиваются рѣзкими возгласами: Владиміръ-мономахъ!... древній Римъ! Средиземное - море!... Все это вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе, котораго тебѣ передать не умѣю. Это голосъ судьбы, невнятно, сбивчиво предсказывающій будущее.

Мнѣ очень жаль расставаться съ институтомъ послѣ девятилѣтняго въ немъ пребыванія. Ты знаешь, ма chère: за три года передъ симъ мнѣ слѣдовало выйти; тогда мнѣ было пятнадцать лѣтъ, и страхъ хотѣлось скорѣе изъ института. Я была такая смѣшная, совсѣмъ не похожа на зеленую: когда напенька объявилъ, что оставляетъ меня еще на три года въ институтѣ, я плакала, рыдала!... Теперь же, напротивъ, мысль о скоромъ вступленіи въ свѣтъ поселяетъ во мнѣ грустное чувство, сама не

знаю отъ чего. Маша смѣется надо мной, когда мы о томъ разсуждаемъ. Бѣдная Машенька! она и не думаетъ о будущемъ, а меня участь ея сильно беспокоитъ. По всему видно, что спекунъ ея, не смотря на то, что родной ей дядя, мало о ней заботится. Помнишь, *поселенькой* она была такая крошечная и худая; всѣ дѣвицы, смотря на нее, говорили: *mesdames*, это бѣдная сиротка!—Въ институтъ дядя писалъ къ ней только два раза во всѣ шесть лѣтъ; и то, послѣднее письмо, въ которомъ отказалъ въ просьбѣ ея брать уроки на арфѣ, было исполнено упрековъ. Онъ называлъ это безразсуднымъ требованіемъ, совѣтовалъ больше заниматься рукодѣльемъ, нежели музыкою, и впродѣ не беспокоить его подобными просьбами. Послѣ того Машенька никогда къ нему не писала; но теперь, получивъ отъ него извѣстіе, что, не имѣя возможности взять ее тотчасъ послѣ выпуску домой, оставляетъ еще на годъ въ институтѣ, Машенька отважилась просить позволенія жить въ домѣ моего отца, пока любезному дядюшкѣ можно будетъ за ней пріѣхать. Письма наши — я тоже къ нему писала — очень убѣдительны; но Машенькинъ дядюшка не слишкомъ сговорчивъ, и мы со страхомъ и трепетомъ ждемъ отъ него отвѣта.

Прощай, милой мой другъ Глафира! Marie будетъ писать къ тебѣ завтра; сегодня она дежурная.

ПИСЬМО 7.

*Марья Глафиръ*Екат. институтъ.
15 Января, 18 . . года.

Какое смѣшное время—такъ и бѣжить! Давно ли мы говорили: ахъ, mesdames! скоро ли будетъ экзамень!—и вотъ, экзамень передъ нами. Экзамень! это волшебное слово приводитъ все въ движеніе. Никогда не было намъ столько дѣла, и никогда всѣ занятія наши не исполнялись такъ успѣшно, и съ такимъ единодушнымъ соревнованіемъ! Съ самаго ранняго утра мы, съ тетрадками въ рукахъ, громкимъ хоромъ перекликаемъ героевъ древней и новой исторіи, и миллионъ разъ твердимъ названія рѣкъ, городовъ и городковъ цѣлаго свѣта. Жаль, *ma chère*, что тебѣ нѣтъ съ нами.

Я думала, не придется больше быть дежурною, какъ вдругъ принесли мнѣ красную кокарду, и я запрыгала отъ радости. Быть дежурной всегда весело; но въ это послѣднее время нашей институтской жизни провести цѣлой день съ татап Б.—согласись, это необыкновенное счастье. Вчерашній день будетъ для меня всегда памятенъ. Навязавъ на руку красную кокарду, я отправилась къ татап съ грустными мыслями о предстоящей намъ разлуки съ нею. День прошель очень скоро. Поутру татап занималась обыкновенною своею работою, а меня

посылала съ разными приказаніями во всѣ отдѣленія нашего класса, и одинъ разъ во второе отдѣленіе маленькихъ. Можешь представить себѣ, какъ *mademoiselle de service, de la classe verte*, важничала передъ кофейными!—Послѣ обѣда я осталась одна съ маман; въ комнатахъ было очень тихо, и я среди безмолвія такъ замечталась о скоромъ нашемъ выпускѣ, что, играя кончиками своей кскалды, и не опомнилась, какъ сказала: никогда больше я дежурною не буду!... Маман услышала мое восклицаніе; мнѣ было очень стыдно, но она отвѣчала на него съ обыкновеннымъ своимъ снисхожденіемъ. *Ange* маман! какая она добрая! еслибъ ты слышала прекрасныя ея мнѣ наставленія о томъ, какъ должно вести себя въ свѣтѣ, и съ какимъ участіемъ спрашивала о моихъ родственникахъ. Но что я могла сказать о нихъ? Никого не знаю, кромѣ дядюшки, и то только по двумъ письмамъ, не предвѣщающимъ ничего хорошаго.

Я записала въ моемъ журналѣ вчерашній день, и спрятала красную ленту въ память послѣдняго моего дежурства.

Знаешь ли, Глафира, меня ожидаетъ благополучіе жить вмѣстѣ съ Олимпіадой, если дядюшка на то согласится. Цѣлый мѣсяць я томлюсь въ ожиданіи отъ него отвѣта. Смертельно боюсь, чтобъ онъ не вздумалъ оставить меня въ институтѣ еще на три года. Что дѣлать, *ma chère*, я не такая *bon-enfant*, наскучило учиться. Прекрасный городъ, котораго

уголокъ заглядываетъ въ окна нашего класса, давно меня прельщаетъ — ахъ, какое будетъ блаженство, когда отворятся для насъ двери нашего института! . . Adieu, nos maîtres, adieu, nos dames de classes! довольно вы насъ мучили. — За эту прощальную фразу, я знаю, ты упрекнешь меня неблагодарностію, и совершенно даромъ. Будто я такая нечувствительная! Мнѣ также, какъ и всякой другой, тяжело будетъ расставаться съ мадамъ Б. и даже съ классными дамами; не говорю уже о милыхъ дѣвицахъ нашихъ. Я буду очень плакать. Сцена разлуки представляется мнѣ со всѣми трогательными своими подробностями; я живо постигаю всю горечь ея — и при всемъ томъ жду съ нетерпѣніемъ печальныхъ минутъ прощанія съ институтомъ.

Хочешь ли знать, что дѣлала я сегодня послѣ обѣда? Мнѣ велѣли повторять урокъ на фортепіано, которое стоитъ у мадамъ П. Къ счастью, комната ея была занята, и я вмѣсто того, чтобы возвратиться въ классъ, отправилась наверхъ, въ дортуаръ. Тамъ, какъ всегда въ воскресенье, было нѣсколько дѣвицъ больныхъ слегка. Всѣ мнѣ очень обрадовались и уговорили, правду сказать, безъ большого труда, остаться съ ними до пяти часовъ. Сначала мы вздумали *представлять экзаменъ*: усѣлись на табуретахъ посреди дортуара, читали стихи, экзаменовали другъ друга, и смѣялись съ К., которая не умѣла отвѣчать ни на одинъ вопросъ. Потомъ мы повторяли всѣ танцы до усталости, и наконецъ — удивляйся нашей смѣлости! мы тѣснились на окнѣ, и

поочередн выглядывали изъ отворенной форточки. Ахъ, та снѣге, какъ шумятъ эги городскіе! Желала бы я знать, зачѣмъ они такъ суетятся?... особенно тѣ, что скачутъ въ экипажахъ: земля дрожить подъ ними, а они такъ и летятъ—счастливые!... Изъ всѣхъ предметовъ, мелькнувшихъ по улицѣ, больше всего намъ понравилось общество прогуливавшихся дамъ и кавалеровъ, которые, смотря на институтъ, разговаривали съ большою живостію, вѣрно о будущемъ экзаменѣ нашемъ, который теперь сильно всѣхъ занимаетъ.

Прощай, моя безцѣнная Глафира! пожелай блестящаго экзамена твоимъ институтскимъ друзьямъ; всѣ тебѣ кланяются.

ПИСЬМО 8.

Марія Глафиръ.

Екатер. институтъ.

Счастье, большое счастье!... о Глафира, ангель мой Глафира! вообрази мою радость: дядюшка позволилъ мнѣ жить въ домѣ отца Олимпіады, пока ему можно будетъ за мной пріѣхать. Теперь же, по обстоятельствамъ своимъ, онъ не можетъ выполнить этой обязанности (какъ видно не слишкомъ для него сладкой!).

Для полнаго понятія о моемъ восторгѣ, Глафира, вспомни, ради Бога, что дядюшка показалъ свое родственное во мнѣ участіе только двумя письмами, которыми навсегда отбилъ у меня охоту къ нему писать. О, я сто разъ благословляю препятствія, его остановившія, и въ будущемъ, если только вздумаетъ за мной ѣхать, желаю ему встрѣчать ихъ милліонъ на каждомъ шагу.

Хотѣюсь бы мнѣ показать тебѣ это послѣднее дядюшкино письмо; ты бы удивилась, какъ мило написано. Этотъ разъ онъ даже упоминаетъ мнѣ о тетушкѣ и о кузняхъ: Аннѣ, Мимичкѣ и Улиничкѣ, которыя, будто, страхъ желаютъ со мною познакомиться. Мегсі очень!... Въ заключеніе, дядюшка съ великимъ краснорѣчіемъ разсуждаетъ о счастьи имѣть истиннаго друга, подобнаго Олимпіадѣ, съ чѣмъ меня и поздравляетъ. Смѣшно вспомнить, сколько я мучилась въ ожиданіи отъ дядюшки отвѣта; не умѣла разсчитать, что для него гораздо спокойнѣе поручить меня попеченію другихъ, нежели самому обо мнѣ заботиться. И такъ, ma chère, Богъ знаетъ, что будетъ впередъ, а теперь дядюшка, Олимпіада и я, всѣ мы довольны, всѣ счастливы.

Знаешь ли, К. была со мною въ ссорѣ цѣлые два дня. Это, ma chère, смѣшная исторія, которую мнѣ хочется тебѣ разсказать. Начну тѣмъ, что во все это время, столь близкое къ экзамену, всѣ мы были сильно заняты: одна только, pauvre sujet К., зѣвая смотрѣла на общія суеты, и вмѣсто уро-

ковъ твердила о томъ, какъ будетъ одѣта въ день выпуска. Никто не зналъ, что она уже получила отъ своей мамсеньки вовсе ненужныя въ институтъ вещи, и между прочимъ пренарядную шляпку — но ты можешь себѣ представить, какъ старалась она скрыть эту контрабанду. Когда мы все были въ классѣ, она украдкою прибѣгала въ дортуаръ, и тамъ, одна съ своимъ будущимъ нарядомъ, любовалась имъ на досугѣ. Случай открылъ мнѣ ея тайну. Въ одно утро, я воротилась изъ класса въ дортуаръ за книгою, и застала К. надъ раскрытой коробкой.

—Машенька А...ская, зачѣмъ вы сюда смотрите! закричала она мнѣ покраснѣвъ по уши. Вы такъ любопытны!...

—Только не для вашихъ глупостей—отвѣчала я заглядывая въ коробку.

—Моихъ глупостей!... повторила она, поспѣшно затаскивая коробку подъ кровать.—Не слишкомъ важничайте, Машенька А...ская, скоро будетъ выпускъ, и тогда... посмотримъ! тогда тѣ, которые считались здѣсь послѣдними, явятся первыми, и на оборотъ...

—О никогда!... вы, та *chêge*, самая лѣнивая и тупая изъ всего нашего класса, вездѣ будете та же самая К., что и здѣсь. Богатство не дастъ вамъ

ни ума, ни познаній. Правду сказать, вы не большую сдѣлаете честь нашему институту.

Да я о томъ и не забочусь. Я знаю, кто лучше всѣхъ танцуетъ. . .

—Ахъ, умора! кто жъ это, не вы ли?

—Можетъ быть.

Не смѣшите, *ma chère*, вы такъ мило танцуете, что всѣ дѣвцы прозвали васъ Стрекозою.

—Большая важность *всѣ дѣвцы!* у насъ въ институтѣ ни о чемъ не имѣютъ понятія. Маменька и тетушка находятъ, что я танцую лучше княжны Г.; кажется этого довольно. Что же касается до другихъ наукъ, то я нисколько не завидую вашимъ въ нихъ успѣхамъ; маменька моя не совѣтовала мнѣ мучиться за книгами попустому.

—И вы прекрасно выполнили ея совѣтъ, матушка сударыня, деревенская барыня.

—Это что значить?

—Не притворяйтесь, *ma chère*; еще никто не забылъ, когда вы будучи *новенькой*, въ красномъ бархатномъ платьѣ, которое такъ смѣшно было сшито, каждой изъ дѣвицъ говорили: у меня, матушка сударыня, есть домъ! ну, сударыня моя, у меня есть деревня!

—Перестаньте, А... скал! или я сейчасъ пойду жаловаться на васъ мадамъ И., вскричала К., топнувъ ногой.

—О чемъ вы тутъ спорите, mesdames? спросили дѣвицы вошедшія въ дортуаръ.

—К. напала на меня за коробку, которая у нея подъ кроватью, отвѣчала я.

—Ахъ, К.! покажите, что у васъ тамъ? закричали ей всѣ.

—Ничего, mesdames, право ничего.

—Въ самомъ дѣлѣ?... сказала П. со смѣхомъ вытаскивая коробку.

—Хорошо, mesdames, я покажу вамъ что-то прелестное! сказала К. поднимая глаза къверху. Пусть только выйдетъ отсюда Машенька А... скал; при ней—ни за что!

—Вы бы напрасно просили меня остаться, сударыня моя! отвѣчала я выходя изъ дортуара. Одна-кожъ не успѣла еще сойти съ лѣстницы, какъ громкій смѣхъ въ дортуарѣ заставилъ меня воротиться. И что же увидѣла! К. стояла, посреди всѣхъ, въ шляпкѣ, на которой перья и банты торчали со всѣхъ сторонъ, и будто нарочно, были расположены такъ, чтобъ сдѣлать К. настоящей обезьяной.

Вспомни ея смѣшное лице!... всѣ хохотали смотря на нее.

—Какъ вы глупы, mesdames! говорила она гримасничая на всѣ стороны.—Вы не знаете, что это шляпка à la chaumière. Смотрите, какъ банты сдѣланы! это называется la flamme de Vésuve. Нѣтъ, ошиблась... банты—мельничныя крылья, а цвѣтъ на лентахъ пламень Везувія.

—Какъ это мило выдуманно! сказала смѣясь П. Смотрите, mesdames, у К. на головѣ хижина съ мельницами.

— И пламень Везувія!... повторяли всѣ съ хохотомъ.

Что вы это напали на меня, mesdames? развѣ это я выдумала?

Кому же придуть въ голову такія глупости!

А модные магазины? отвѣчала К. снимая съ себя шляпку. — Маменька долго не могла рѣшиться, что для меня выбрать: эту ли à la chaumière, или à la folle!

—Последняя была бы вамъ больше къ лицу.

—Постойте, mesdames, вы напрасно напали на К. сказала Б., помирая со смѣху.—Я теперь вспомни-

ла. Прешедшій годъ одна моя кузина вздумала прѣѣхать ко мнѣ въ институтъ. Я ей не очень была рада; она слишкомъ важничала и обходилась со мною какъ съ *кофейною*. Да еще, въ добавокъ ко всему, ничего не привезла—забыла послать въ канцелятерскую . . . прекрасное извиненіе! — Я помню, какъ скучно мнѣ было въ то воскресенье; многочисленное собраніе наполняло всю залу; родственники тѣснились вокругъ перилъ, изъ-за которыхъ дѣвицы протягивали руки, кидаясь на шею маменькамъ и папенькамъ. Я едва удерживала свои слезы, смотря на эти радостныя свиданія — маменька моя, въ то время, была отъ меня такъ далеко! . . . Кузина не замѣчала моей грусти; впрочемъ ей было не до меня; поворачивал свой лорнетъ во всѣ стороны, она хотѣла всѣхъ знать и говорила со мною только вопросами: кто это така? . . . а эта? . . . а эта? Мнѣ страхъ наскучило называть всѣхъ по именамъ; я вздумала наконецъ мистифицировать свою любопытную кузину, и на одно изъ ея безконечныхъ: «кто это така?» отвѣчала: «это № 47.» — Я спрашиваю о высокой блондинкѣ.—Блондина № 60.

—Какъ фамилія? . . . — «Я вамъ говорю № 60 »

— Ахъ, Боже мой! да развѣ вы не понимаете! вскричала съ сердцемъ кузина.—«У насъ все по номерамъ; вотъ сморите!» отвѣчала я, указывая на перила, гдѣ было нацаранано: друзья № 89 и № 12! и adorable № 71 — Кузина пожала плечами и надулась; я уже искала предлога ее отпустить, какъ вдругъ

одна добренькая дама подметѣла къ намъ ангеломъ утѣшителемъ, мнѣ предложила конфетъ, а кузинѣ проиницала: «прелестъ вамъ чепчикъ!»—Это à la folle! отвѣчала кузина. Божусь, mesdames!

«—Ну, кто теперь правъ?»—сказала съ торжествомъ К., надѣвая опять свою шляпку. Но общій хотѣть снова ее привѣтствовать, и она съ досады напала на меня съ упреками.

«—Что вы это, К!...» сказала П.—Развѣ А...ская виновата, что у васъ шляпка, въ которой вы похожи на обезьяну. Спросите всѣхъ дѣвицъ».

«Знать я не хочу *всѣхъ дѣвицъ!* увидимъ, что будетъ послѣ выпускъ—тогда вы всѣ мнѣ запоете одну пѣсню: *charmante К.*»

За эту сцену К. дулась на меня цѣлые два дня; вчера только я успѣла ее разсѣнить, и миръ у насъ заключенъ. Не знаю надолго ли?... у меня съ нею вѣчно исторіи! то перо мое подмѣнить, то закапать чернилами мнѣ тетрадь—хорошо еще, что моя сѣсѣдка съ другой стороны на К. не похожа. Съ Настенькой З. мы никогда не ссоримся; послѣ Олимпіады и тебя, я люблю ее больше всего нашего класса.

Прощай, мой милый другъ, Глафира! молись Богу о экзаменѣ нашемъ.—Это уже последнее письмо мое изъ института—послѣ этаго перваго, которое

отъ меня получишь, будетъ начинаться словами: все кончилось!... Дальше не знаю, а хотѣлось бы очень знать, что буду тогда писать къ тебѣ...

ПИСЬМО 9.

Олимпиада Глафиръ.

С. Петербургъ, 24 Февраля.

Я дома!... представь себѣ мое положеніе, дорогая сердцу моему Глафира! Какая чудесная перемена! и какъ быстро прошло все то, чего еще недавно мы ждали-ждали.

Экзаменъ, день выпуска, эти важныя эпохи жизни институтской, совершились съ такою скоростію и такъ просто, какъ чтонибудь самое обыкновенное. Неужели все на свѣтѣ пройдетъ такимъ же образомъ? неужели... ахъ, та снѣга! вспомни сколько было трудовъ, лѣни, скуки, удовольствій — все кончилось. Завѣса поднята, свѣтъ открывается намъ шумнымъ и блестящимъ... прощай, институтъ! тебѣ благодарность, тебѣ воспоминаніе!

Экзаменъ нашъ былъ самый блестящій изъ всѣхъ, какіе только когда бывали въ институтѣ. Старшая Ж. получила первый шифръ, я второй. Эта лестная награда превзошла мое ожиданіе; я всегда думала, что Г. дадутъ второй шифръ, а мнѣ третій. Изъ прилагаемаго листа ты увидишь, какія кто получилъ награды. Машенькѣ дали золотую медаль.

Ахъ, Глафира! если я проживу сто лѣтъ, и тогда не забуду послѣднихъ дней нашихъ въ институтѣ. Всѣ сцены этаго незабвеннаго времени такъ свѣжи у меня въ памяти, какъ будто за минуту передъ симъ происходили. Какъ теперь вижу прощанье Императрицы съ нами. Блѣдны и неподвижны стояли мы передъ Нею и глотали свои слезы, опасаясь потерять малѣйшій звукъ священнаго для насъ голоса. Каждое улетающее мгновеніе было дорого. Но когда Императрица, съ особеннымъ выраженіемъ, Ей Одной свойственнымъ, сказала Свое послѣднее: *adieu, mes enfans!* всѣ зарыдали... я и теперь плачу, Глафира. Самый холодный посторонній зритель не могъ бы равнодушно видѣть великую Государыню, которая прощалась съ нами какъ мать съ дѣтьми. Каковы же были наши чувства... Все кончилось для насъ, осталось одно воспоминаіе; выходя изъ института, мы уносимъ въ сердцахъ нашихъ ангельскій образъ Императрицы, горячею любовію и признательностію глубоко впечатлѣнный.

Въ день выпуска мы слушали, въ послѣдній разъ, объѣдню въ церкви институтской. На порогѣ неизвѣстной будущности голоса дѣвицъ, готовыхъ навсегда разлучиться, соединились въ меланхолическомъ торжественномъ хорѣ молитвы, поручая судьбу свою Всемогущему Богу. Я пламенно молилась о счастьи всѣхъ, и съ грустнымъ чувствомъ смотрѣла на милыхъ дѣвицъ нашихъ, почти не узнавая ихъ. И въ самомъ дѣлѣ, казалъ вдругъ перемѣна!... Ин-

институтское равенство исчезло. Въмѣсто форменнаго камлотнога платья пестрѣли костюмы всѣхъ цвѣтовъ; оттѣнки вкуса и средствъ рѣзко означали болѣе или менѣе счастливое положеніе въ свѣтѣ—но мечты о новой, неизвѣстной жизни равно оживляли всѣ фізіономіи. Увы, кто знаетъ, что готовить намъ будущее подъ темной завѣсой своей! кого весело, кого мрачно встрѣтитъ оно на новомъ поприщѣ!... Въ институтѣ, куда не достигали до насъ никакія заботы свѣтской жизни, всѣ имѣли равную участь, всѣ шли однимъ путемъ, а теперь каждая пойдетъ своею дорогою, и кто знаетъ, кому какъ итти придется!

Не стану описывать тебѣ послѣдняго прощанія нашего. Сцена разлуки вспыхнула со всѣми печальными своими подробностями. Какъ буря зашумѣли клятвы вѣчной дружбы, вѣчнаго воспоминанія, слезы, объятія, безконечныя: *adieu! ne m'oubliez pas!* etc....

О институтъ! драгоценный институтъ! процвѣтай вѣчно подъ покровомъ ангела-Императрицы!.. Дѣти, взлелѣянные тобою, никогда не забудутъ мирныхъ стѣнъ твоихъ, гдѣ протекло для нихъ столько счастливыхъ лѣтъ, ознаменовавшихъ милостями обожаемой Государыни, которой Августѣйшее имя есть синонимъ всѣхъ добродѣтелей.

Какъ странно выйти изъ института! Я все еще не могу привыкнуть къ новому моему положенію.

Послѣ девятилѣтняго отсутствія домъ нашъ показался мнѣ незнакомымъ. Я совсѣмъ не узнала комнаты, назначенныхъ для меня и для Марьи; напенька отдѣлалъ ихъ съ большимъ вкусомъ. Безцѣнный папа! самъ обо всемъ заботился. Особенное удовольствіе ожидало насъ въ увруарѣ—тамъ радостными восклицаніями привѣтствовали мы поргретъ Императрицы, чудесно схожій.—Я бы хотѣла, Глафира, показать тебѣ увруаръ нашъ, который такъ мило убранъ, и наполненъ всѣми многосложными принадлежностями для разныхъ рукодѣлій. Эго большая свѣтлая комната, въ которой вмѣщаются и шкафики съ книгами, и фортепіано, и арфа—ничего не забыто! и къ тому еще множество блестящихъ бездѣлокъ. Видно напенька очень богатъ; тѣмъ лучше—онъ такой доброй!

Увлекаюсь какимъ-то темнымъ воспоминаніемъ, похожимъ на давно-видѣнный сонъ, я хотѣла осмотрѣть весь домъ нашъ. Все привлекало мое вниманіе; я искала слѣдовъ первыхъ лѣтъ жизни моей. Мнѣ подали ключъ отъ пустыхъ, давно запертыхъ комнаты, и сердце сильно у меня сжалось, когда въ одной изъ нихъ я увидѣла дѣтскую кровать съ полинялой зеленой запавѣсю. Я люблю эту комнату, Глафира; въ ней таится одно драгоценное для меня воспоминаніе. Этому такъ давно!... Я спала тамъ и вдругъ пробудилась...блѣдный свѣтъ лампы падалъ на стоявшую надо мной маменьку, которая прижимала лице свое къ моему, на щекахъ моихъ горѣли ея слезы, — она плакала. Былъ ли то порывъ

грусти, или мрачное предчувствіе?... Я не знаю. Но скажи, Глафира, отъ чего это одно, одно только это мгновеніе, такъ ярко отделилось отъ непроницаемаго мрака, въ которомъ исчезли дни дѣтства моего!...

Прощай, мой милый другъ, Глафира! мысли мои летятъ за тобой въ далекую Украину. Машенька тебя цалуетъ, но писать къ тебѣ не хочетъ въ наказаніе за твою лѣность. И въ самомъ дѣлѣ, не стыдно ли тебѣ? ты уже давно у дѣдушки, а мы до сихъ поръ не знаемъ людей, съ которыми живетъ наша Глафира. Скорѣе увѣдомь обо всемъ; малѣйшее обстоятельство, до тебя касающееся, должно быть извѣстно

Твоему вѣрному другу
Олимп. З.

Р. С. *Отъ Марьи.*

Олимпіада выдумала, будто я тебя цалую, я и не думаю. Ты слишкомъ загордилась. Возможно ли такъ долго не писать къ намъ ни слова! видно ты.... Но полно, не хочу браниться за глаза, это ужасно скучно. Притомъ же мнѣ трудно утерпѣть что бы не поболтать съ тобою, хоть немного, о экзаменѣ, о выпускѣ нашемъ—ахъ, та chère, все эго было чудесно!... Счастливая Олимпіада получила второй шифръ, а мнѣ дали золотую медаль *последнюю*—скажи, можно ли было этаго ожидать! Всѣ дѣвицы знаютъ, что по наукамъ мнѣ следовало получить *первую* золотую медаль; но классныя дам!

(что я имъ сдѣлала!) отмѣтили меня большой плачуей.— Не скрою отъ тебя еще одного несчастія — въ день выпуска я никакъ не могла плакать! всѣ дѣвицы, не выключая и К., рыдали, обивались слезами, одна я будто каменела! . . . между тѣмъ, какъ въ душѣ своей я была огорчена не меньше другихъ, но сама не знаю, что сдѣлалось со мной? какая-то веселая нотка меня томила, и сбивала мысли мои съ минорнаго тону. Ахъ, Боже мой! не могу равнодушно о томъ вспомнить. Кто бы могъ думать, что въ день выпуска я не буду плакать! что скажутъ обо мнѣ всѣ дѣвицы!

Прощай, Глафира, мой милый! первое письмо мое къ тебѣ будетъ очень длинно. Много есть, о чемъ писать, голова кружится отъ всѣхъ новостей, хотѣлось бы обо всемъ съ тобою поговорить. Отвѣчай намъ скорѣе на это письмо, и не забудь уведомить подробно обо всемъ. Мнѣ очень нужно знать, что дѣлается въ Малороссіи; тамъ живетъ мой дядюшка, съ которымъ прошу тебя познакомиться, ради меня, ради института!—Ахъ, еще знаешь ли что? . . . нѣтъ, нѣтъ! ничего болѣе не скажу, я на тебя сердита, и только тогда буду любить попрежнему, когда получу отъ тебя письмо.

Марья А . . . скал.

ИЗВѢСТІЕ

О новой Измѣцкой книгѣ: *Russkie Litteraturные Очерки, изданные Кенигомъ.*

Извѣстъ изъ Германіи, что тамъ вышла весьма любопытная для насъ Русскихъ книга: *Litterarische Bilder aus Russland*. И что всего замѣчательнѣе; книга не бранилая, не лживая, а благонамѣренная, безпристрастная, написанная не на-обумъ, а съ знаніемъ, можетъ быть, съ нѣкоторыми ошибками, но съ добросовѣстностію. Это родъ біографическаго, характеристическаго и критическаго смотра почти всѣхъ нашихъ извѣстныхъ писателей: сіи литературные очерки группированы въ слѣдующемъ порядкѣ. *Духовные Писатели*: Димитрій Ростовскій, Осозанъ Прокоповичъ, Георгій Конисскій, Платонъ, Филаретъ, Инокентій. *Старые свѣтскіе Писатели*: к. Кантемиръ, Ломоносовъ, Державинъ, Новиковъ. *Новѣйшій слоюзъ*: Карамзинъ и Дмитріевъ. *Баснописцы*: Хемницеръ, Крыловъ. *Колическіе Писатели*: Фонвизинъ, Капанистъ, Грибоѣдовъ. *Первая поэтическая группа*: Жуковский, Батюшковъ, к. Вяземскій. *Вторая*: Александръ Пушкинъ, Баратынскій, Баронъ Дельвингъ, Языковъ. *Третья*: Веневитиновъ, Хомяковъ, Бенедиктовъ. *Писатели повѣстей*: Марацнскій, к. Одоевскій, Го-

голь, Павловъ. *Новѣйшіе драматическіе Писатели:* к. Шаховскій, Загоскинъ, Кукольникъ. *Критики:* Мерзляковъ, Шевыревъ, Каченовскій, Игодинъ. *Журналисты:* Полевой, Гречъ, Булгаринъ, Сениковский. По первому взгляду на сей списокъ можно замѣтить, что онъ не полонъ. Сумароковъ, Истринъ, Костровъ, Богдановичъ между старыми, нѣкоторые другіе между новѣйшими не заслуживаютъ подобнаго забвенія, и отсутствіе ихъ въ портретной галлерей нашихъ авторовъ слишкомъ явно. Съ другой стороны въ сочетаніи именъ трудно, напримѣръ, постигнуть, какимъ способомъ Новиковъ примкнуть къ Ломоносову и Державину. Имя Новикова безсмертно въ лѣтписяхъ нашего просвѣщенія, но собственно авторскія заслуги его маловажны. Впрочемъ нельзя положительно судить о достоинствѣ книги по одной пометкѣ. Во всякомъ случаѣ, если это сочиненіе точно заслуживаетъ вниманіе, согласно съ отзывами, до насъ дошедшими, то весьма любопытно будетъ видѣть, какъ судятъ о нашихъ писателяхъ, особенно современныхъ, въ сферы Русскаго журналикета и монополистическаго, съ откровенностью и независимостью, не страшась и не любя ни того, ни другаго. Домашнія мнѣнія всегда отзываються нѣкоторою односторонностію, мѣстными и личными обстоятельствами: не худо подслушивать, что говорятъ о насъ на улицѣ. Намъ обѣщали доставить подробный разборъ сей книги и выписки изъ нея, которыя поспѣшимъ сообщить читателямъ «Современника». Сказываютъ, что она переводится на Французскій языкъ. Смѣшно-же, если только на Русскомъ ея не будетъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ СОВРЕМЕННОГО ВЪ 1838 ГОДУ.

Современникъ будетъ продолжаемъ и въ 1838 году. Соотвѣтственно плану прежнихъ двухъ годовъ: въ каждые три мѣсяца выйдетъ одинъ томъ, состоящій изъ 20 печатныхъ листовъ. Четыре тома составятъ годовое изданіе «Современника.» Цѣна остается прежняя, т. е. 25 рублей въ годъ, а съ доставкою здѣсь на домъ, или въ другіе города, 30 руб. ассигн. Для полученія «Современника» можно адресоваться въ книжный магазинъ книгопродавца А. Ф. Смирдина, въ Газетную Экспедицію С. П. бургскаго Почтамта, а также и къ самому издателю Дѣйстви- тельн. Статск. Совѣти. Петру Александровичу Плет- неву, живущему у Обухова моста въ домѣ Тайной Совѣтницы Сухаревой.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Изображеніе характера и содержанія Исторіи первыхъ десяти вѣковъ по паденіи Западной Римской Имперіи. Ивана Шульгина. С. П. Б., въ тип. Греча, 1837, въ 8, стр. XXVI и 360.

Исторія Россіи въ рассказахъ для дѣтей. А. Пшимовой. Часть четвертая (съ 1670 до 1740). С. П. Б., въ тип. Рос. Акад., 1837, въ 8, 454 стран.

О Москвѣ. М. Погодина. Писано для Его Высочества Государя Наслѣдника, по препорученію г. Попечителя Московскаго Университета. Москва, въ Унив. тип., 1837, въ 8, 28 стран.

Histoire chronologique du nouveau testament etc. Д. Рунича. С. П. Б., въ тип. Экспеди. заготовл. государств. бумагъ, 1837, въ 8, стр. XL и 228.

Записки Русскаго Путешественника. А. Глаголева. Съ 1823 по 1827 годъ. С. П. Б., въ тип. Рос. Акад., 1837, въ 8; четыре части; стран: VI и 285; IV и 276; VIII и 388; VIII и 362.

Псковская Летопись, изданная на издвигеніи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ М. Погодинымъ. Москва, въ Универ. тип., 1837, въ 4, стр. XXX и 280, со снимкомъ рукописи.

Путешествія Русскихъ людей въ чужія земли. Часть вторая. С. П. Б., въ Гуттенберговой тип., 1837, въ 8, 139 стран.

Исторія о избраніи и восшествіи на престолъ Императрицы Анны Іоанновны. Ѳеофана Прокоповича. 1750 годъ. С. П. Б., въ тип. Греча, 1837, въ 8, стр. IV и 53.

Исторія соцарствія въ Россіи, съ 1682 по 1689 годъ, составленная по вѣрнымъ источникамъ. С. П. Б., въ тип. Вингебера, 1837, въ 12, стр. 95.

Историческое описаніе происшествій въ Россіи, отъ появленія Димитрія Самозванца, Григорья Отрепьева, до низверженія его. Москва, въ тип. Смирнова, 1837, въ 12, 48 стран.

Избранныя анекдоты придворнаго шута Балакирева, собранныя изъ вѣрныхъ источниковъ. Москва въ тип. Кирилова, 1837, въ 12, 58 стран.

Краткое описаніе извѣстнаго древнимъ свѣта, изъ разныхъ источниковъ почерпнутое Н. Эйперлингъ. С. П. Б. въ тип. Гинце, 1837, въ 16, 118 стр.

Атласъ древняго свѣта, состоящій изъ восьми картъ, изъ коихъ четыре темныя. Издаеъ П. Эйхерлингъ. С. П. Б., 1837.

Живописный Карамзинъ, изданіе г. Престо. Двѣ тетради, которыми начинается второй томъ. Картинки съ краткимъ описаніемъ главныхъ событій изъ Русской Исторіи.

Живописная Россія, или историческо-статистическая панорама государства Россійскаго, составленная при содѣйствіи нѣкоторыхъ отечественныхъ литераторовъ В. Филимоновымъ. С. П. Б., въ тип. Гинце, 1837, въ 4.

Вологодская губернская выставка. Вологда, въ тип. Губерн. Правл., 1837, въ 4.

О выставкѣ произведеній Тамбовской губерніи 3 Іюля 1837 г. Тамбовъ, въ тип. Губерн. Правл., въ 4, стран. 15 и 9.

Дни вогослуженія православной Грекороссійской Церкви. Сочиненіе священника и законоучителя магистра Григорія Дебольскаго. С. П. Б., въ тип. Департ. Внѣш. торговли, 1837, въ 8, стран. VIII и 380.

Зоологія, основанная на Зоономіи, и призмѣнная къ общей пользѣ, особенно къ Медицинѣ, съ присоединеніемъ общей Органикологіи и краткой Антропологіи. Павла Горляничева. С. П. Б., въ тип. Шт. Отд. Кор. Внутр. Стражи, 1837, въ 8; двѣ части, страи: XXIV и 307.

Зоофармакологія, или паука о лекарствахъ для домашнихъ животныхъ. Петра Лукина. С. П. Б., въ тип. III. Огд. Кор. Внутр. Стражи, 1837, въ 8, стран. XIX и 192.

Мысли о назначеніи, дѣйствіяхъ и пользѣ Россійскаго Общества Любителей Садоводства. А. Ширяева. Москва, въ тип. Семена, 1837, въ 8, 16 стран.

Курсъ земледѣлія, съ приложеніемъ къ полеводству, читанный въ Императорскомъ С. Петербургскомъ Университетѣ и Вольномъ Экономическомъ обществѣ, С. М. Усовымъ. С. П. Б. въ тип. Праца, 1837, въ 8, 312 стран.

Хозяйственные опыты тридцатилѣтней практики, или наставленіе для управленія имѣніями. Сочиненіе У. Карповича. С. П. Б., въ тип. Воробьева, 1837, въ 8, стран. XVI и 400.

Новѣйшій Русской опытный, практической поваръ, экономъ и кондитеръ, совершеннѣйшій мастеръ своего дѣла, для городскихъ и сельскихъ жителей. Москва, въ тип. Степанова, 1837, въ 8; пять частей; стран. X и 170; V и 62; II и 22; II и 22; IV и 50, съ рисунками.

De l'analyse de la force, par Mme la princesse Eudoxie Galitzine, née Izmailoff. St. P., chez Hinze, 1837, in 8, pp. VI et 12.

Разсужденіе объ интеграціи уравненій съ частными дифференціями, соч. Н. Веросовымъ. Москва, въ Унив. тип., 1857, въ 8, стран. 127 съ рисункомъ.

Изъясненіе способа Бесселя для исправленія лунныхъ разстояній. Сочинилъ К. Кнорре. Николаевъ, въ тип. Гидрограф. Дено, 1857, въ 4, 57 стран., съ однимъ листомъ чертежей.

Подный курсъ Россійской каллиграфіи по которому можно научиться чистописанію безъ учителя. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1857, въ поллиста, 8 стран., и 11 листовъ прописей.

Основныя формы Нѣмецкой Грамматикѣ, систематически изложенныя Александромъ Норманомъ. Казань, въ Университ. тип., 1857, въ 8, стран. IV и 192.

Новые разговоры Французскіе и Россійскіе раздѣленные на 150 уроковъ, для употребленія юношества и всѣхъ начинающихъ обучаться симъ языкамъ, по образцу Валентина Мейдингера изданныя. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1857, въ 12, 567 стран.

Чары, или нѣсколько сценъ изъ народныхъ былей и рассказовъ Украинскихъ. Сочиненіе Кирилла Тополи. Москва, въ тип. Евреннова, 1857, въ 8 стран. IV и 102.

ПОВѢСТИ ПУСТЫННИКА ЗАЛОПАНСКАГО, издан-
ныя Иваномъ Петровымъ. Харьковъ, въ Унив. тип.,
1837, въ 12, 170 стран.

ЖЕРТВА СЛУЧАЯ. Сочиненіе Александра Пики-
тина. Москва, въ тип. Евреннова, 1857, въ 12. Двѣ
части; стран. 93; 91.

ТРИ ПОВѢСТИ. Сочиненіе Пустельгина. С. П. Б.,
1837, въ Гуттенберговой тип., въ 8, 159 стран.

ЗАПОРОЖСКІЕ НАѢЗДЫ. Украинская быль изъ
время Гетманщины. Соч. А... ра... скаго. Мос-
ква, въ тип. Степанова, 1837, въ 12. Три части;
стран. 94; 90; 82.

РАЗСКАЗЫ ПИРЯТИНЦА. Г. Гребенки. С. П. Б.,
въ тип. Конг. Журнала Общепол. свѣд., 1837, въ 8,
160 стран.

СЦЕНЫ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ. Сочине-
ніе В. В. В. С. П. Б., въ тип. Греча, 1837, въ 12.
Часть вторая; 116 стран.

ПОВѢСТЯ СМЕРТИ, или ЛЮБОВЬ И ГОРДОСТЬ. Ро-
манъ изъ прошествія 1812 и 1815 год. Москва,
въ тип. Смирнова, въ 16, три части; стран. 79; 88; 87.

ТРИ ОТЦА ВЪ МАГАЗИНѢ. Водевиль въ одномъ
дѣйствіи, передѣланный изъ комедіи: Крестный
отецъ, актеромъ П. Григорьевымъ старшимъ. С. П.
Б., въ тип. Крайя, 1837, въ 8, 71 стран.

ДѢВУШКА-РЕКРУТЪ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Передѣланный съ Французскаго Н. А. Анничковымъ. Москва, въ тип. Степанова, 1837, въ 8, 56 страницъ.

Сильфиды. Балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе г. Тапиони. Музыка Шнейцгептера. Москва, въ тип. Смирнова, 1857, въ 8, 21 страницъ.

Собраніе разныхъ романсовъ, пѣсень и стихотвореній А. Пугачинкова. Москва, въ тип. Кирилова, 1857, въ 12, страницъ. IV и 148.

Зальмара. Сочиненіе Павла Иноземцова. Харьковъ, въ Универс. тип., 1857, въ 12, 130 страницъ.

Хевель. Драматическая поэма въ трехъ частяхъ Владиміра Соколовскаго. С. П. Б., въ тип. III Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1857, въ 8, 244 страницъ.

Поэтическія произведенія А. Маргынова въ трехъ книгахъ, изъ коихъ въ первой заключаются стихотворенія лирическія, во второй сатирическія, въ третьей повѣствовательныя и другія. С. П. Б., въ тип. Виггебера, 1857, въ 8, 247 страницъ.

Пѣсни повѣйшія съ голосами и съ присовокупленіемъ фигуръ, по которымъ можно гадать, и каждая пѣсенка будетъ отвѣтомъ на загаданное. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1837, въ 16, страницъ. 176.

ПАРНАССКІЙ БУКЕТЪ ЦВѢТОВЪ, или полныя стихотворенія, элегическіе романсы и пѣсни для прекрасныхъ дѣвицъ, сочиненныя С. Дячковымъ. С. П. Б., въ тип. Вингебера, 1857, въ 16, 50 стран.

СОБРАНІЕ РАЗЛИЧНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ. Сочиненіе Анны Смирновой, С. П. Б., въ тип. Вингебера 1857, въ 8, 145 стран.

ПРИБАВОЧНОЕ ЯВЛЕНІЕ къ оперѣ: Жизнь за Царя. Музыка М. И. Глинки. Слова Н. К. Посвящены А. Я. Петровой. С. П. Б., въ тип. Плюшара. 1857, въ 16, 12 стран.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ ЛЕКСИКОНЪ. Томъ десятый. ВЕС—ВКУ. С. П. Б., въ тип. Плюшара, 1857, въ 8, 556 стран.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

Руководство къ первоначальному познанію всемірной исторіи. Сочиненіе В. Ф. Фольгера. Переводъ съ Нѣмецкаго, съ третьяго изданія. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1857, стран. VIII и 358.

Основаніе всеобщей Исторіи, составленное по новой методѣ. Сочиненіе, могущее облегчить преподаваніе и изученіе главныхъ происшествій, отъ сотворенія міра до нашихъ временъ. Переводъ. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1856, въ 8. Три части; стран. VI. и 248; XII и 141; VII, 200 и VIII.

Историческіе очерки, или методическій курсъ исторіи, составленный по новому плану. Сочиненіе Леви, профессора словесности и исторіи. Переводъ съ Французскаго Я. Флоренсова. Тверь, въ тип. Львова, 1856, въ 8, стран. VI и 380.

Руководство къ дидактикѣ, или наукѣ преподаванія, составленное по Нимейеру Александромъ

Ободовскимъ, инспекторомъ классовъ Императорскаго С. П. бургскаго Воспитательнаго Дома. С. П. Б., въ тип. Вингебера, 1857, въ 8, стран. IV и 166.

Пища для ума и сердца, или собраніе христіанскихъ размышленій. Переводъ съ иностраннаго С. П. Б., въ тип. Ситгирева и К^о, 1857, въ 8, 200 стран.

Систематическое описаніе естественныхъ семействъ растений, съ указаніемъ ихъ главнѣйшихъ сходствъ и отличій. Сочиненіе А. Ришара. Переводъ Вейсса, съ многочисленными пополненіями, и показаніемъ мѣстопребыванія, важнѣйшихъ свойствъ и употребленія. Москва, въ Универс. тип., 1857, въ 12 385 стран., съ рисунками.

Новооткрытый, на тридцати-лѣтнемъ опытѣ основанный, способъ, посредствомъ коего всякой любитель цвѣтовъ, безъ помощи парниковъ и оранжерей, съ наимвозможно-меньшими издержками и во всякое время года можетъ разводить самыя рѣдкія и превосходнѣйшія иностранныя растенія, приобретаемыя теперь за весьма высокую цѣну. Якова Эрнста фонъ Рейдера. Москва, въ тип. Кирилова, 1857, въ 8, 12 стран.

Объ Инфлюэнцѣ, или гриппѣ, заразительно-повальной болѣзни. Относительно ея исторіи, происхожденія, распространенія, существа, теченія и леченія. Сочиненіе доктора Эдуарда Мартини. Перевелъ съ

Немецкаго Маркъ Магазинеръ. С. П. Б., въ тип. Вингебера, 1857, въ 8, 66 стран.

Правила и Руководство для начальника, механика и для управляющаго машиною на пароходѣ, г. Жанвье, по Высочайшему повелѣнію предложены съ франц. флота лейтенантомъ фонъ Глазенапомъ. Поданы ученымъ комитетомъ морскаго министерства. С. П. Б., въ тип. Праца, 1857, въ 8, стран. XVI и 208 съ семью рисунками.

Библиотека избранныхъ романовъ, повѣстей и любопытныхъ путешествій, издаваемая книгопродавцемъ Н. Глазуновымъ и К°. Москва, въ тип. Степанова, 1857, въ 12. Томы IX и X; 400 стран.

Добрая старина. Повѣсти Жакоба библиофила. С. П. Б., въ тип. Вингебера, 1857, въ 12. Двѣ части стран. 150; 144.

Черная Желѣзная, или кровавый пиръ мести. Историческій романъ изъ временъ Наполеона. Переводъ съ Французскаго. С. П. Б., въ тип. Вингебера, 1857, въ 12. Четыре части; стран. 88, 101; 95; 77.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ.

Дѣянія Петра Великаго, мудраго Преобразователя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. Сочиненіе Н. Н. Голикова. Изданіе второе. Москва, въ тип. Степанова, 1837, въ 8; томъ первый; стран. VIII, 640 и XI.

Путешествія Русскихъ людей въ чужія земли. Часть первая. Изданіе второе. С. П. Б., въ Гуттенберговой тип., 1837, въ 8, стран. XVI и 123, со снимкомъ.

Арифметика, составленная Н. Т. Щегловымъ. Четвертое изданіе, вновь исправленное. С. П. Б., въ тип. Академіи Наукъ, 1837, въ 8; стран. IV и 246.

Грамматика Славянская. Изданіе пятое, вновь исправленное. Сочиненіе Ивана Пеннискаго. С. П. Б., въ тип. Академіи Наукъ, 1837, въ 8, стран. X и 158.

Новая Французская Грамматика, по методическому плану, со многими упражненіями въ правописаніи, синтаксисѣ и разстановкѣ знаковъ, извлеченная изъ лучшихъ авторовъ и представленная въ порядкѣ правилъ Ноэмей и Шансалемай, перепечатанная съ двадцать девятого Парижскаго изданія. Москва, въ тип. Семена, 1837, въ 12, стран. 204 и 180.

Новые разговоры Французскіе и Россійскіе, раздѣленные на 150 уроковъ, для употребленія юношества и всѣхъ начинающихъ учиться сему языку, изданные Иваномъ Филипомъ Вегелиномъ. Изданіе седьмое. Москва, въ тип. Степанова, 1837, въ 12, стран. VI и 431.

Гуакъ, или непреоборимая вѣрность. Рыцарская повѣсть. Изданіе второе, съ напечатаннаго въ 1826 г. Москва, въ тип. Смирнова, 1837, въ 12; двѣ части; стран. 115; 102.

Старичекъ-весельчакъ, рассказывающій разные Московскіе быны. Изданіе второе. Москва, въ тип. Смирнова, 1837, въ 16; 96 стран.

Пѣснь о полку Игоревѣ, сложенная въ концѣ XII вѣка на древнемъ Русскомъ языкѣ. Подана съ переводомъ на нынѣшній Русскій языкъ Михайломъ Максимовичемъ. Кіевъ, въ Универс. тип., 1837, въ 16, 49 стран.

Сказаніе о Мамаевомъ поединкѣ и съ безчисленными Татарами на Дону, на рѣкѣ Непрядвѣ, на полѣ Куликовѣ. Истинное происшествіе XIV столѣтія. Москва, въ тип. Кирилова, 1857, въ 16, страницъ 145 и II.

Міроизданіе. Стихотвореніе Владиміра Соколовскаго. Изданіе второе, С. П. Б. въ тип. Греча, 1857 въ 52, 140 страницъ.

Басни Ивана Крылова, въ осьми книгахъ, Тридцать вторая тысяча. С. П. Б., въ тип. Экс. Заг. Государ. бумагъ, 1857; въ 52, страницъ 10 и XI.

ОГЛАВЛЕНІЕ ОСЬМАГО ТОМА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Стран.

В. И. Туманскаго:

1. Мысль о Сьеръ	62.
2. Дубъ и Роза.	64.
3. Огроковидъ	65.
4. Размолвка	66.
5. Примиреніе	68.
6. Звено	70.
7. Домъ на Босфоръ	72.
8. Стансы.	270.
Дидона, IV пѣснь Энеиды, съ Латинскаго переводъ М.	
<i>Д. Дежарю</i>	176.
Сцена изъ Фауста, пер. Э. И. Губера.	257.
<i>Etrand-vecq</i>	266.

ПРОЗА.

А. С. Пушкина:

1. Египетскія ночи	5.
2. Анекдоты и Замѣчанія (числомъ тридцать четыре)	291.
3. Нekonченныя повѣсти:	
I	247.
II	250.
Восточная жизнь. <i>Тита Ксенокрита</i> (псевдонимъ)	25.
Драматическіе Очерки, переводъ съ Англійскаго А. О.	
<i>Шинковой</i>	75.

Нѣсколько словъ о современной поэзіи. В. Единицкаго (псевдонимъ).	198.
Письма Савоснитанинцы.	273.
Извѣстіе о книгѣ Кёнига.	313.
Объ изданіи Современника въ 1858 году	315.
О новыхъ книгахъ, вышедшихъ въ продолженіе Сентября, Октября, и Ноября сего года.	
I. Новые сочиненія.	316.
II. Новые переводы.	324.
III. Новые изданія.	327.

КОНЕЦЪ ОСЬМАГО Т. МА.

На 70 стран., въ 7 строкахъ, выето чувство, из-
добно читать: чувство.

